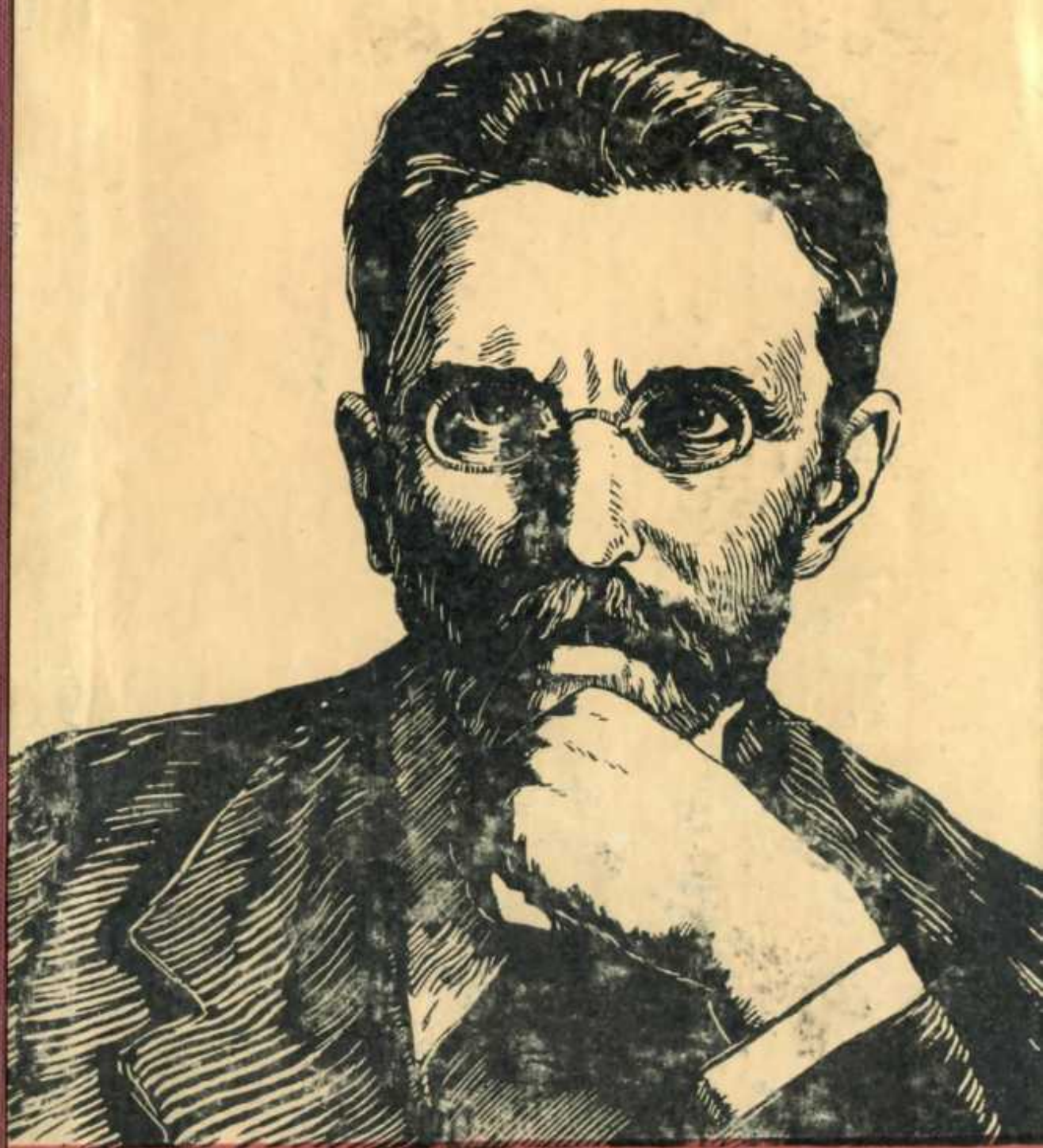

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. Пляшев

ВОРОВСКИЙ

ЖЛ

ВОРОВСКИЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Д

Annotation

Книга рассказывает о жизни Вацлава Вацлавовича Воровского (1871-1923) — российского политического деятеля, публициста, одного из первых литературных критиков-марксистов.

- [Пияшев Николай Федорович](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [«В ДЕТСТВЕ У МЕНЯ... БЫЛО ДЕТСТВО»](#)
 - [ПЕРВЫЕ ШАГИ](#)
 - [ПЕРВОЕ КРЕЩЕНИЕ](#)
 - [Глава II](#)
 - [В ТАГАНКЕ](#)
 - [ССЫЛКА](#)
 - [У ДРУЗЕЙ В ЖЕНЕВЕ](#)
 - [АГЕНТ «ИСКРЫ»](#)
 - [Глава III](#)
 - [СОТРУДНИК ГАЗЕТЫ «ИСКРА»](#)
 - [ЖЕНЕВА, КАФЕ «ЛАНДОЛЬД»](#)
 - [СНОВА В ОДЕССЕ](#)
 - [ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖЕНЕВУ](#)
 - [БОРЬБА ЗА III СЪЕЗД](#)
 - [Глава IV](#)
 - [В ГАЗЕТЕ «ВПЕРЕД»](#)
 - [ОТГОЛОСКИ РЕВОЛЮЦИИ](#)
 - [III СЪЕЗД РСДРП](#)
 - [В ГАЗЕТЕ «ПРОЛЕТАРИЙ»](#)
 - [ПОЕЗДКА В БЕРЛИН](#)
 - [Глава V](#)
 - [В ПЕТЕРБУРГЕ И ГЕЛЬСИНГФОРСЕ](#)
 - [ПЕРЕД IV СЪЕЗДОМ РСДРП](#)
 - [IV СЪЕЗД РСДРП](#)

- Глава VI
 - В ЛЕГАЛЬНОЙ ПРЕССЕ
 - В ПОЛЬШУ НА СЪЕЗД
 - РЕДАКТОР «НОВОГО ЛУЧА»
- Глава VII
 - В ТИСКАХ РЕАКЦИИ
 - СВЯЗЬ С ЛЕНИНЫМ
 - „УВЫ! ПРОЩАЙТЕ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ...“
- Глава VIII
 - ЛЕГАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И НЕЛЕГАЛЬНАЯ ГАЗЕТА
 - МУХОМОР В ГАЗЕТЕ «НАШЕ СЛОВО»
 - В ОДЕССКОЙ ТЮРЬМЕ
 - В КРУГУ БЛИЗКИХ И ЗНАКОМЫХ
- Глава IX
 - В «ЯСНОЙ ЗАРЕ»
 - В ПОДПОЛЬЕ
 - СНОВА АРЕСТ, СНОВА ТЮРЬМА...
- Глава X
 - В ВОЛОГДЕ
 - В МОСКВУ, НА РОДИНУ
 - В ПЕТРОГРАДЕ
- Глава XI
 - В СТОКГОЛЬМЕ
 - ПРИЕЗД ЛЕНИНА В СТОКГОЛЬМ
 - В ЗАГРАНИЧНОМ БЮРО РСДРП(б)
- Глава XII
 - СТРАЖ ОКНА В ЕВРОПУ
 - ПИСЬМО ИЛЬИЧУ
 - ПОЕЗДКА НА РОДИНУ
 - ДВА ПИСЬМА ЛЕНИНУ
 - НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ
 - ПРОЩАЙ, ШВЕЦИЯ!
- Глава XIII
 - В КОМИНТЕРНЕ
 - ВО ГЛАВЕ ГОСИЗДАТА
 - ПРИЁМНЫЙ ДЕНЬ

- [ПРОЩАЙ, ГОСИЗДАТ!](#)
- [„ГОЛОДАЮЩИЙ ИНДУС«](#)
- [Глава XIV](#)
 - [«СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ!»](#)
 - [ПОЕЗДКА В МОСКВУ](#)
 - [ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ](#)
 - [ОТ ГЕНУИ К ЛОЗАННЕ](#)
- [Глава XV](#)
 - [ЛОЗАННА](#)
 - [НА ПОСТУ](#)
 - [В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ВОРОВСКОГО](#)
- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)

- [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
-

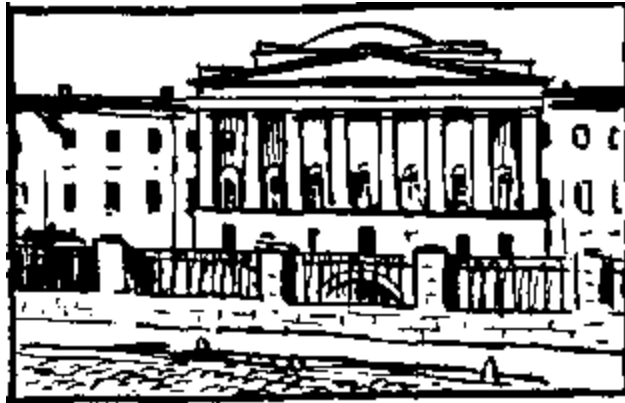
Пияшев Николай Федорович
ВОРОВСКИЙ

Памяти друзей, павших в боях с фашизмом:
Николая Васякина и Виктора Долгополова.

Глава I

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПУТИ

«В ДЕТСТВЕ У МЕНЯ... БЫЛО ДЕТСТВО»

В скромной квартире на Землянке собралась небольшая компания по случаю крестин сына коллежского асессора Вацлава Зеноновича Воровского. Это был третий ребенок в семье. Ради такого торжества отец новорожденного надел свой лучший костюм, нацепил орден Святого Станислава. Отвечая на поздравления, Вацлав Зенонович произнес:

— Я хочу, чтобы Вацик пошел по моим стопам и стал инженером: даром, что ли, я ему свое имя дал... Выпьем за инженеров, людей-созидателей...

За окном падал первый снежок. Шел 1871 год... 27 октября в Москве началась жизнь Вацлава Вацлавовича Воровского. Он родился в дворянской семье обрусевших поляков. Отец его окончил курс наук в Строительном училище Главного управления путей сообщения и получил звание инженера-архитектора. Работал он на Московско-Курской железной дороге. Весной 1873 года, проверяя железнодорожный мост, оступился и упал в воду. Вечером Вацлав Зенонович почувствовал сильный жар. Болезнь стремительно развивалась, и вскоре он умер от скоротечной чахотки. В то время Вацiku было всего лишь полтора года. Он не помнил отца, и только мать — Августина Устиновна, урожденная Шварц, — часто говорила о большом желании мужа сделать сына инженером-строителем...

Мать ревностно взялась за воспитание единственного сына (двое других детей умерли в раннем возрасте). Она горячо любила Вацика и делала все, чтобы он «вышел в люди» и зажил той обеспеченной жизнью, которой жила когда-то она сама.

Со смертью мужа жить стало намного труднее: скромной пенсии не хватало. Приходилось экономить, распродавать вещи. Но маленький Вацик не замечал недостатков. Он жил в мире тех сказок, которые по вечерам читала или рассказывала ему мать. Случалось, что некоторые сказки наводили впечатлительного мальчика на размышления. Как-то, прослушав «Принца и нищего», Вацик спросил:

— Мама, а почему так: один бедный, а другой богатый?

Августина Устиновна объяснила как могла, что мальчики рождаются или богатыми, или бедными. Тогда Вацик заинтересовался:

— А я родился бедным или богатым?

Мать замаялась, не зная, что ответить сыну, а потом сказала:

— Ты родился не особенно богатым, но ты будешь богатым, я это знаю, ведь ты будешь умным и прилежным. Кто хорошо станет учиться, тот будет богатым.

Но мальчик ответил, что когда он будет богатым, то все отдаст другим мальчикам, чтобы и они были богатыми. В ответ он услышал:

— Это хорошо, что ты такой добрый...

На чуткую, мягкую, легко восприимчивую душу Вацика оказали влияние рассказы деда о польском восстании 1863 года. У мальчика никак не укладывалось в сознании: почему это одни люди заставляют страдать других? Почему одни работают, а другие забирают у них все? Вацик спрашивал у деда, за что же убивали повстанцев, если они стремились к свободе?

— Ну, разве тебе объяснишь! Эх, Вацик, подрастешь, тогда и узнаешь...

— А я хочу знать сейчас.

— Ладно, тогда слушай... — И дед говорил о злых людях и добрых, о тех, кто любит жить свободно, и о тех, кто посягает на свободу других.

Тут обыкновенно вмешивалась мать:

— Ну зачем ты все это говоришь? Ему еще рано об этом знать.

Но в голове мальчика уже роились беспокойные мысли. Они заставляли его много читать, искать ответы на те вопросы, на которые, как он чувствовал, ни дед, ни мать не дают ему нужных ответов. Он прочитал о восстании Пугачева, о походах Степана Разина. Постепенно Вацик понял, что народ ищет лучшей жизни, а богатые ему мешают. И поэтому бедняки испокон веков боролись с богачами.

Одиннадцати лет Вацик поступил в классическую гимназию при лютеранской церкви Петра и Павла. Гимназия находилась на Маросейке, в Петроверигском переулке. мрачное здание казенного типа. Занятия там велись на немецком языке. Преподавание было поставлено неплохо, но докучала муштра. Директор гимназии немец Вернандер да и большая часть, преподавателей неотступно следили за дисциплиной и строго наказывали учеников за малейшие провинности. Нередко эта муштра выводила гимназистов из себя. Они начинали протестовать. В рукописном журнале, переходившем из рук в руки, стали появляться сатирические стихотворения, эпиграммы на учителей. Полные злого, саркастического содержания, эти произведения служили своеобразным оружием борьбы учащихся.

Русский язык и словесность в школе преподавал некто Андреев, хвастунишка и трус. Эти качества его характера нередко обстреливались гимназистами. Много поэтического пыла тратил на него и Воровский.

В одной из своих сатирических од Вацик изобразил Андреева мнимым храбрецом и героем, покорителем

Шамяля.

Однажды утром, придя в класс, гимназисты увидели белые листочки, приклеенные к портретам разных «знаменитостей», развешанным по стенам. На листочках — стихи, отпечатанные на машинке.

К портрету английской королевы Елизаветы было приклеено злое четверостишие:

Прежде взглянем на даму мы эту,
Королеву развратнее всех,
Английскую Елизавету
(Не повесить ее было б грех!).

Прочитав эти строчки, гимназисты, конечно, сразу узнали, что проделка — дело рук Вацлава Воровского.

Первым был урок словесности. Учитель Андреев попытался выяснить, кто сделал это «гнусное дело», но никто не выдал Воровского. Тогда в класс был приглашен директор. Увидев проделку гимназистов, тучный немец посинел от злости. Но сколько грозное начальство ни билось, гимназисты молчали...

После этого случая популярность Воровского среди гимназистов значительно возросла. Он стал героем дня. О нем много говорили, шушукались по углам. Особенно проникся любовью к нему жизнерадостный гимназист Бедрут. С этих пор между ними установилась настоящая дружба. Они поклялись, что не будут оставлять друг друга в беде, стали вместе готовить уроки, подолгу беседовали о прочитанных книгах. Вечерами собирались обыкновенно у Вацлава, так как у него, кроме матери, никого не было. Можно было по душам поговорить, обсудить мальчишеские новости.

Один из гимназических товарищей Воровского писал в своих воспоминаниях: «Я думаю, здесь именно, в стенах гимназии, зародился и начал формироваться

тот неутомимый и неукротимый революционер, которым он впоследствии проявил себя в таком широком масштабе».

В гимназии существовал кружок острословов. Там гимназисты отдыхали от скуки на уроках. Душой кружка был Вацлав Воровский. Страсть острить так сильно развилась среди гимназистов, что начали с ней бороться. Решили штрафовать. По копейке за остроту. Один раз Воровский лишился таким образом двугривенного и остался без завтрака. После этого случая Вацик заметно охладел к острословию. Но любовь к шутке, к иронии осталась у него на всю жизнь.

В скромно обставленной комнате Вацлава Воровского, на Землянке, иногда собирались одноклассники. Здесь шли горячие споры о смысле жизни, о месте интеллигенции в обществе.

Серые мечтательные глаза Вацика загорались, когда он слушал нападки товарищей на царский строй. Кто-то из гимназистов стал было рассказывать о покушении на царя. С тревогой на лице в комнату заглянула мать, или *mater dolorosa*^[1], как называл ее в шутку Воровский. Она, пугливо оглядывая группу раскрасневшихся гимназистов, говорила:

— Вы бы потише, мальчики...

После ухода товарищей мать спросила сына, не опасно ли вести такие разговоры?

— Но где, скажи, когда была без жертв искуплена свобода? — вместо ответа Вацик продекламировал матери стихи Рылеева. — Эх, *mater dolorosa*, — говорил он, — кто боится, тот не будет героем. Кто не борется, тот не станет свободным. Кто не рискует, тот никогда не достигнет цели.

— Откуда, сынок, ты всего этого набрался? — спрашивала Августина Устиновна.

— А вот отсюда... — с этими словами Вацик выдвинул из-под кровати свой заветный сундучок, открыл ключом замок и вытащил пачку книг. Он протянул матери тетрадку со стихами Рылеева, рукопись «Что делать?» Чернышевского, книжку журнала «Современник» за 1859 год со статьей Добролюбова...

В конце концов Августина Устиновна поняла, что сын ее выбрал иной, чем она предназначала ему, путь. И не стала настаивать на своем. Она пошла за ним, до самой своей смерти оставаясь его преданным другом. «Думаете ли вы, что ей-таки ничего не стоило изменить фарватер своей жизни? — писал впоследствии Воровский. — О нет! Ей это дорого стоило. Но ее спасла безграничная вера в лучшее будущее и в здоровый инстинкт молодежи, который сумеет пройти через все увлечения, даже уродливые, и найти твердую почву к идеалу».

В последних классах гимназии Воровский особенно горячо интересовался общественной жизнью России. Его симпатии были на стороне героев-народовольцев, которые путем террористических актов пытались изменить политический строй России и направить ее к свободе и свету. Вацик мечтал стать одним из тех борцов, которые жертвовали собой во имя счастья народа. Он преклонялся перед Желябовым, Ульяновым и другими бесстрашными героями. Пристально следил он за студенческими волнениями в университете, вызванными введением нового устава. Устав 1884 года сильно ограничивал свободу студентов: запрещал участвовать в кружках и тайных обществах, лишал возможности созывать собрания и проводить чтения в университете. Реакционный устав вызвал бурю протестов среди студентов. Начались массовые сходки и демонстрации.

Как-то осенью 1887 года Воровский зашел к своему родственнику, студенту университета, жившему в меблированных комнатах. Там состоялась сходка студентов. Недолго думая, Вацлав попросил слова и призвал присутствующих решительно протестовать против неугодного устава. Смелая речь долговязого худого гимназиста с высоким выпуклым лбом привлекла внимание молодежи, и с тех пор Воровский стал частым гостем у студентов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В гимназии Воровский учился хорошо. Особенно легко ему давались языки: немецкий, французский, латинский, греческий. Весной 1890 года он окончил гимназию и подал прошение о зачислении на математическое отделение физико-математического факультета университета. С 1 сентября Воровский начал слушать лекции по аналитической геометрии, высшей алгебре и другим предметам, а также посещать физический семинарий известного ученого — профессора Столетова.

Однако только академические занятия в университете не могли полностью удовлетворить богатую и впечатлительную душу юного Воровского. С первых же дней учебы он окунулся в общественное движение студенчества.

Студенческое движение в 90-х годах преследовало демократические цели, оно добивалось свободы деятельности студенческих организаций, допущения женщин во все высшие учебные заведения и т. д. Но репрессии против участников движения доводили недовольство студентов до крайних размеров и вынуждали студентов протестовать против всей полицейско-бюрократической системы.

Студенты российских высших учебных заведений объединялись по происхождению из одной местности или по национальной принадлежности в запрещенные правительством общества — землячества, которые преследовали учебные интересы и оказывали материальную помощь нуждающимся студентам. Еще в 80-х годах землячества высших учебных заведений Москвы объединились и создали Союзный совет

объединенных землячеств. С начала 90-х годов Союзный совет начал леветь. Он руководил стихийными выступлениями учащихся, направлял их на путь политических демонстраций. При землячествах стали создаваться нелегальные «кружки саморазвития».

Сразу же после поступления в университет Вацлав Воровский активно включился в деятельность польского землячества «Коло», в котором к этому времени взяло верх левое крыло. Пылкого юношу, ненавидевшего тиранию и колониальный гнет царского правительства, тепло приняли колисты, и вскоре он вошел в руководящее ядро студенческого кружка.

В квартире Воровского, на Таганке, куда он переехал с матерью, устраивались собрания коллистов. Там же был склад запрещенных книг.

Для пополнения нелегальной библиотеки среди учащейся молодежи было собрано несколько тысяч рублей. На эти деньги закупали литературу за границей. Весной 1891 года коллисты получили из Польши очередной транспорт нелегальной литературы. Его привез студент Мариан Абрамович. Среди книг, доставленных на квартиру Воровского, были: «К молодежи» П. Кропоткина, «В защиту правды» В. Либкнехта, «Задачи социализма» П. Лаврова, «Несчастный случай и счастливый Александр» и т. д. Студенты изучали также литературу народников — Михайловского, Южакова и других. Попадали к ним и произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Плеханова, а позднее и статьи из «Социал-демократа» (орган марксистской группы «Освобождение труда». — Н. П.). Широкой популярностью среди коллистов пользовалась книга А. Туна «История революционного движения в России».

Воровский и его друзья не довольствовались, однако, получением книг из-за границы, они сами начали заниматься издательской деятельностью. В 1891

году им удалось нелегально отпечатать в литографии Зворыкиной несколько революционных книг на польском и русском языках.

22 апреля 1891 года, как об этом доносила московская охранка, на квартире Воровского состоялось очередное собрание студентов по случаю 100-летнего юбилея польской конституции. Один из видных колистов, студент-математик Мечислав Шварц, доказывал необходимость соединения национального польского движения с социал-демократическим русским движением. Он говорил, что необходимо бороться за повышение заработной платы рабочим, поднять их уровень развития. Убеждал, что надо добиваться полной свободы слова, печати и вероисповедания. Его речь вызвала единодушное одобрение присутствующих. На этом же собрании было решено расширить польское коло, включить в него радикально настроенных русских и литовских студентов.

— Мы должны сделать нашу организацию интернациональной, — заявил Воровский. — У нас ведь одни интересы — бороться за свободу. Мы должны действовать заодно. Я полностью согласен с Мечиславом Шварцем. Рабочих нужно просвещать. И здесь мы, студенты, можем сделать многое. Нам нужно организовать кружки, распространять среди рабочих литературу. Но это — дело будущего, а пока мы сами должны уяснить как следует наши цели и задачи.

Летом 1891 года Вацлав ездил в Петербург к деду Модесту Сухомель. Там он познакомился с радикально настроенными студентами технологического института. Завязалась переписка.

В сентябре того же года московская охранка перехватила письмо, адресованное Воровскому из столицы, в котором корреспондент по-польски сообщал: «Организацию вашего общества я приблизительно понял, цель его, несомненно, прекрасна, но что ты

понимаешь под словом «дело общее»? Что значит «демократические поступки, несчастные застарелые предрассудки»? Что называете вы «своим соединением»? Что значит «железный капитал», и чему он служит?»

Товарищ из Петербурга интересовался также брошюрой «Сигнал», которую отпечатали колисты. Он спрашивал, достаточно ли высланных ими 10 рублей на бумагу и на расходы по изданию этой брошюры. Далее в письме говорилось: «Из кого именно составляется кружок? Я непременно хочу знать процент поляков, литвинов и т. д., и есть ли между ними и русские (москвичи), а также русины? Не можешь ли мне сообщить имя председателя, которого ты обозначил г. Z (Стецкевич.—Н. П.) или Abr. (Абрамович. — Н. П.). В Петербурге делается не только все это самое, но даже больше, и находят средства для действий не только в колонии, но и вне России».

А в ноябре в Петербург выехал Мариан Абрамович, чтобы установить более тесные связи со студентами столицы.

Осенью 1891 года Боровский перешел в Московское техническое училище, проучившись в университете около года. На вопрос матери, почему он так поступает, Вацлав ответил:

— Хочу стать инженером, чтобы выполнить завет отца...

Боровский начал более пристально приглядываться к рабочим, к их пока еще стихийным протестам. Профессия инженера давала возможность постоянно возвращаться в круг пролетариата, участвовать в его борьбе.

Перейдя в Техническое училище, Боровский, однако, не порывал связи с университетом. Он поддерживал дружественные отношения со студентами-поляками, но почти совсем отошел от работы в «Коло». Боровский

быстро сдружился с Ильей Бабаджаном, Николаем Башковым, Александром Бриллингом, Александром Ванновским и другими студентами-техниками. Вступил в их кружок, где студенты занимались самообразованием, читали книги Маркса, Энгельса, Плеханова, штудировали первый том «Капитала». Вот где пригодился немецкий язык! Ну как тут не вспомнишь долговязого учителя-немца! Это он педантично заставлял их, гимназистов, зубрить падежи и спряжения глаголов. Труд его не пропал. Боровский хорошо усвоил немецкий язык и теперь читал «Капитал» в подлиннике, переводил его своим товарищам. Слова «прибыль», «товар», «деньги» часто слышались на молодежных вечеринках.

Через Мариана Абрамовича Вацлав Боровский получал для своего кружка нелегальную литературу. Нередко они вместе навещали семью отставного штабс-капитана Адама Толочко. Вечером они тайком пробирались в дом на Лубянке: квартира Адама Толочко служила тем местом, куда прибывала нелегальщина из-за границы. Ее присылал сын Толочко Константин — студент Львовского политехникума. Отсюда нелегальную литературу разносили по разным домам.

В декабре 1892 года Вацлав Боровский ездил за границу. Он побывал во Львове у Константина Толочко и вернулся с чемоданом нелегальных книг. В это время кружок техников решил переиздать некоторые запрещенные произведения. Приобрели множительный аппарат — гектограф. Возни с ним было много. Августина Устиновна обратила внимание, что дома Вацлав старательно трет намыленной щеткой руки. Это повторялось довольно часто — несколько раз в неделю. Но даже щетка не могла уничтожить следы чернил и типографской краски на руках у всегда опрятного Вацлава. Отпечатанные на гектографе брошюры студенты распространяли среди московских рабочих.

Вскоре Союзный совет объединенных землячеств был разгромлен полицией, а его участники арестованы и высланы из Москвы. Но работа продолжалась. В Союзный совет вошли другие студенты. От Технического училища был выбран Воровский.

Тайное заседание Союзного совета в доме Гирша, на Бронной... Разгорелся спор между В. В. Воровским, В. Д. Бонч-Бруевичем, И. И. Скворцовым и будущими кадетами во главе со студентом Шингаревым.

...Небольшая, битком набитая квартира. Тускло мерцает одна-единственная стеариновая свеча. В комнате душно и шумно. Бледный юноша с высоким открытым лбом встал и переждал, когда стихнут голоса. Он спокойно поглаживал шелковый пояс, стягивающий простую сатиновую косоворотку.

— Мы должны воспользоваться смертью царя Александра, — заявил он, — и выступить с политическими требованиями. Давайте дерзать.

— Я искренне поддерживаю Воровского, — сказал Владимир Бонч-Бруевич, моргая близорукими глазами. — Мы не должны упускать благоприятного момента.

Их противники настойчиво возражали:

— Мы должны выставлять только академические требования, — кричали они, — а политика — дело земств!

Но большинство склонилось все же на сторону Воровского и Бонч-Бруевича. Тут же приняли решение: направить петицию на «высочайшее имя» с требованием конституции. Выбрали группу студентов, поручили им составить текст петиции, отобрали депутатов-ходоков. Они должны были следовать за гробом Александра III, тело которого везли из Крыма в Петербург, проникнуть в Зимний дворец и передать петицию Николаю II... Но ходоки так и не добрались до

цели. Во дворец их не пустили. Они были схвачены и сосланы в северные губернии царской России.

Однажды, по дороге домой с очередного собрания, В. Бонч-Бруевич рассказал Воровскому о диспуте марксистов с народниками, на котором присутствовал гость из Петербурга Владимир Ульянов. Бонч-Бруевич говорил, что во время спора «столп народничества» — Воронцов был сражен, а Ульянов сразу завоевал симпатии. Но Воровский уже слышал об этом диспуте, наделавшем много шума. Он читал недавно книгу Тулина. Говорили, что это псевдоним Ульянова. Воровский спросил своего приятеля, так ли это? Бонч-Бруевич ответил утвердительно. Он сказал, что знает сестру Ульянова — Анну Ильиничну. Она передает им для перепечатки некоторые брошюры своего брата. Тогда Воровский спросил, не ему ли они обязаны тем, что смогли вместе с Масленниковым перепечатать на гектографе статью «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

— Да, это дело моих рук. Сами мы не успеваем всего печатать, приходится и вас нагружать.

— Послушайте, Владимир, а не могли бы вы достать мне вторую часть «Друзей народа»? — спросил Воровский. Его лицо сразу оживилось. — Понимаете, нигде не могу достать. Обещал мой однокашник Александр Бриллинг, но что-то не несет.

— Попытаюсь, может быть, у Анны Ильиничны есть...

Беседуя с Бонч-Бруевичем, Воровский поведал ему о своих блужданиях, о том, как он верил народникам, ходил точно слепой. Но потом, прочитав Тулина, он понял, что ему с народниками не по пути. Тут же Воровский пошутил, назвав себя «марксистским лягушонком с народническим хвостом»

— Да, у нас, видно, другая дорога, — задумчиво сказал Воровский. — Одних усилий интеллигенции еще

недостаточно, чтобы поставить Россию на ноги. Для этого нужна новая, здоровая сила. И эта сила есть — рабочий класс...

Вскоре Воровский начал заводить связи с рабочими. Он заходил в пивные, не чурался выпить кружку пива с мастеровыми, знакомился. На квартире у Воровского, в Гороховском переулке, стали собираться небольшие группы рабочих. Туда заходили Андреев, Васильев, Картошкин и другие рабочие завода Гужона. Воровский занимался с ними в кружке самообразования, преподавал алгебру, рассказывал о революционерах-демократах, Плеханове и группе «Освобождение труда».

О встречах с мастеровыми узнала полиция и стала следить за Воровским. Занятия пришлось перенести на открытый воздух. В Сокольники отправлялись обычно по воскресеньям. Брели с собой пива, закуски, устраивались где-нибудь в кустах, подальше от чужих глаз, беседовали, пели песни. В Лефортово собирались в будни студенты. Им было удобно, близко. Выйдешь из училища, перейдешь Яузу — и вот она, роща! Тут воспитывались будущие революционеры-интеллигенты. Они уясняли себе, что успех в борьбе будет только в том случае, если они внесут политическое сознание в рабочее движение.

Летом 1894 года марксистская группа студентов Технического училища, в которую входил Воровский, примкнула к Рабочему союзу — первой общемосковской социал-демократической партийной организации.

ПЕРВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Посещая дом Адама Толочко, Вацлав Воровский обратил внимание на его дочь — Юлию. Он увлекся девушкой и, недолго думая, решил жениться. Летом 1895 года они скромно отпраздновали свадьбу. А в сентябре Воровский с женой под видом «свадебного путешествия» отправились за границу. Полгода Провели молодые супруги в Австрии, Германии, Швейцарии. Любовались зимним пейзажем у подножья Монблана, бродили по берегу незамерзающего Женевского озера, а вечером сидели в отеле и подолгу смотрели через разрисованное узорами стекло на занесенные снегом деревья, на одиноких путников, на пляску снежинок в свете окна. Но о главной цели поездки жена лишь догадывалась. Воровский выполнял поручения московского Рабочего союза — налаживал связи с заграничными социал-демократическими организациями. Он побывал у Бонч-Бруевича, уехавшего год назад в Женеву, чтобы наладить связь с марксистской группой Плеханова, взял у него литературу, рассказал о Москве, о товарищах по работе.

Вскоре Воровского поджидало первое боевое крещение на революционном пути. Весной 1896 года ожидалась коронация царя. Московская охранка решила обезопасить себя от неприятностей и постаралась выслать из Москвы всех неблагонадежных. По распоряжению министра народного просвещения графа Делянова из Императорского технического училища были уволены 27 студентов. Воровского выслали в Вологду, А. Бриллинга — в Могилев, Н. Вашкова — в Харьков. Ссылка в Вологде затянулась до августа. Воровский скучал и рвался в Москву. Только 28

августа министр Делянов разрешил студентам продолжать учебу.

Вернувшись в Москву, Воровский с еще большей энергией взялся за революционную пропаганду среди рабочих.

В то время фабрично-заводские рабочие Москвы начали активно включаться в борьбу со своими хозяевами. То на одном, то на другом заводе вспыхивали забастовки и стачки. Рабочие требовали улучшения условий труда, сокращения рабочего дня до восьми часов, повышения заработной платы. На фабриках и заводах возникали социал-демократические кружки. Они объединялись и руководились Рабочим союзом. Этот союз был создан московскими марксистами по предложению В. И. Ленина зимой 1894 года. По примеру Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» московский Рабочий союз начал осуществлять переход от пропаганды к агитации, к соединению теории научного социализма с практикой рабочего движения.

По заданиям Рабочего союза Боровский организует подпольные кружки на предприятиях, ведет в них пропагандистскую работу.

Боровский выступал на рабочих сходках и в студенческих кружках. Говорил он просто и ясно, особенно перед небольшой аудиторией. На многолюдных собраниях Боровский нередко стушевывался, робел и отказывался говорить.

В ноябре 1896 года по инициативе Союзного совета землячеств около 400 студентов Москвы собрались у Пресненской заставы, чтобы оттуда двинуться на Ваганьково кладбище и почтить память жертв Ходынской катастрофы, со дня которой исполнилось полгода.

Полиция разогнала толпу. Тогда студенты направились к университету, где хотели провести

митинг. Однако полиция и тут помешала им. Часть студентов была арестована. В знак протеста в учебных заведениях города Москвы состоялись митинги.

В огромном актовом зале Технического училища собрались студенты. Все затаив дыхание слушали оратора.

В это время разнесся слух, что в училище пойман шпион. Немедленно его приволокли в аудиторию, поставили на стол, и начался допрос. Агент пытался незаметно выбросить сверток, в котором оказался список всех дворников и лиц, сообщавших ему сведения о неблагонадежных студентах. Это подлило масла в огонь. Студенты тут же хотели расправиться со шпионом. Вмешался Воровский. Он сказал, что расправа над одним агентом пользы не принесет.

— Надо всем объединиться и бороться против гнусного режима сообща. Террор ничего нам не даст...

В конце 1896 года и в начале 1897 года московский Рабочий союз подвергся нескольким провалам. Но на смену одним вожакам приходили другие, и пропаганда среди московских трудящихся не прекращалась. В основу пропаганды марксизма среди революционной интеллигенции и передовых рабочих было положено глубокое изучение «Капитала».

В начале 1897 года Воровский стал одним из руководителей Рабочего союза. В те дни московский Рабочий союз выпустил много прокламаций, листовок и воззваний. Ссылаясь на недавние волнения в университете, из-за которых 13 студентов были уволены, в одном из воззваний Рабочего союза говорилось о бесцельности студенческих выступлений, если они не связаны с общими действиями московских рабочих. В заключение своего обращения Центральный Комитет Рабочего союза указывал, почему он деятельно готовится к борьбе. Победа над русским царем ведет нас к более успешной борьбе со вторым нашим врагом

— капиталистами, заявлял Рабочий союз. К этой борьбе и призывались московские студенты.

Весной 1897 года московский Рабочий союз настойчиво готовился к предстоящему празднику 1 Мая. Члены комитета Рабочего союза во главе с Воровским намеревались издать множество листовок и прокламаций. Постепенно стали накапливать бумагу, переноса ее небольшими свертками в одно место. Туда же доставили примитивный печатный аппарат — гектограф, договорились с рабочими-литографщиками. Но события развернулись по-другому.

Полиция следила за Воровским и его товарищами.

Приводим выписки из дневника наблюдения за членами московского Рабочего союза:

15 декабря 1896 года. Студент Вашков в 10 часов утра пошел в квартиру семейства Бриллинг, где проживает и студент Хатунцев, а оттуда через час в дом № 28 Кириллова, по Денисовскому переулку, где находится студент Московского технического училища Вацлав Вацлавович Воровский с женой Юлией Адамовной... Пробыв там минут 25, Вашков отправился в Техническое училище, откуда в 3 часа 15 минут вернулся домой вместе со студентом Бабаджаном.

16 декабря. Бабаджан до 3 часов 20 минут занимался в училище, после чего вернулся домой; в 5 часов дня посетил Рыкачева (оказался провокатором, покончил жизнь самоубийством. — Н. П.), от которого через час отправился к Вашкову...

18 декабря. В 5 часов 30 минут дня Бабаджан отправился со свертком к Малинину (студенту Московского университета — одному из организаторов издательского дела при Рабочем союзе. — Н. П.).

22 декабря. Бабаджан в 10 часов утра посетил Воровского.

15 января 1897 года. Хатунцев днем дважды ходил на занятия, а в 6 часов вечера отправился на конке на Б.

Бронную к Николаю Михайловичу и Клавдии Михайловне Величкиным.

30 января. Хатунцев в пятом часу дня навестил Вашкова. В 6 часов вечера, побывав в доме Кириллова (у Воровских), Вашков отправился к заводу Гужон, зашел там в дом Гусева, вскоре вышел оттуда с рабочим, переговорил с ним, стоя в калитке, и тут же зашел с ним, по-видимому, в дом Смирнова...

Так шаг за шагом полиция следила за группой студентов-техников, руководившей в начале 1897 года московским Рабочим союзом.

В ночь с 3 (16) на 4 (17) апреля 1897 года в Москве были большие аресты. Вот что писал по этому поводу московский генерал-губернатор: «Ввиду возможного в Москве отражения ожидаемых в Петербурге многолюдных рабочих манифестаций (имеется в виду праздник 1 Мая. — Я. Я.), сегодня, 4(17) апреля, ночью, арестованы все (?) известные авторитетные агитаторы из интеллигентов и рабочих, в количестве нижепоименованных 56 лиц».

Глава II СКИТАЛЕЦ

В ТАГАНКЕ

Сквозь сон Воровский услышал сильный стук в дверь. Он хотел было повернуться на другой бок и заснуть, но стук повторился. Кто-то настойчиво ломился в дверь. Вацлав включил свет и взглянул на часы: было 3 часа ночи.

На вопрос: «Кто там?» — ответили: «Телеграмма». Вацлав открыл дверь. Вместе с дворником вошли жандармы. Начался обыск. Воровский старался быть хладнокровным. Он успокаивал Юлию Адамовну, которая никак не могла понять, почему эти дюжие молодцы роются в ее бельевом шкафу, обшаривают письменный стол, откладывают в сторону бумаги.

Старший помощник пристава Неклюдов, производивший обыск, записывал в протоколе: «Ввиду же обнаружения в переписке некоторых предметов, свидетельствующих принадлежность Воровского к преступному обществу, положил задержать Воровского и препроводить на распоряжение Московского Охранного Отделения...»

При обыске у Воровского нашли много предосудительной литературы, рукописей и выписок из марксистских книг. Среди вороха книг и бумаг, отобранных у него, имелись: третий том «Капитала», рукопись книги Энгельса «Анти-Дюринг», «Введение к критике философии права Гегеля» Маркса, список фабрик и заводов по 2-му участку Басманной части и другие.

В ту же ночь были арестованы товарищи Воровского по революционной работе: Илья Бабаджан, Николай Вашков, Клавдия Величкина и рабочие-литографщики,

занимавшиеся изданием марксистской литературы и прокламаций.

Вацлав Воровский был водворен в Таганскую тюрьму. В ней он провел около двух лет.

В одиночной камере, сырой и темной, Воровский жил размеренной жизнью. С первых же дней он составил себе строгий распорядок дня. Утром он делал зарядку, обтирался холодной водой. Завтракал, потом приступал к занятиям.

Сначала он читал лекции своих профессоров в надежде сдать после выхода из тюрьмы экзамены и получить диплом инженера. Но, когда пребывание в тюрьме затянулось, потерял эту надежду и изменил характер занятий. Это совпало с разрешением вести переписку с родными. Он просил присылать книги по самым разнообразным отраслям знаний: по истории, философии, этнографии, экономике. Он изучал «Логикку» Минто, «Финансовое право» Янжула, «Теорию статистики» Янсона, «Первобытную культуру» Тейлора, «Очерки астрономии» Гершеля и т. д. Его интересовали книги Сеченова и Тимирязева, Канта и Меринга, Шульце и Шмоллера. Он читал книги на французском, немецком и польском языках, начал изучать английский язык.

Учение длилось до обеда. Затем делался моцион по камере, и Воровский садился за романы и повести. Многие французские книги он прочел в оригинале: Бальзака и Мопассана, Жорж Санд и Золя. Но самое большое наслаждение доставляла русская классика: Толстой, Герцен, Достоевский. Иногда ему удавалось обманывать тюремщиков и доставать литературу марксистского направления. Читал много и настойчиво. «Приходится иногда от одной книги переходить прямо к другой, — писал он жене, — без передышки».

Чтение обогащало Воровского, расширяло его кругозор. Прочитав работу Булгакова, перелавшего марксистскую теорию о рынках, Воровский рассмотрел,

в чем слабость этой книги. Правда, Воровский увидел ее слабость только в способе изложения, а не в содержании. В то время он еще не уяснил по-настоящему различия между «легальными марксистами», вроде Булгакова и Струве, и настоящими марксистами-ортодоксами. «Мне только кажется, — сообщал Воровский, — что он (Булгаков. — Н. П.) напрасно старается в способе изложения подражать стилю своего учителя (Маркса. — Н. П.). У того слишком оригинальный и сильный слог, чтобы всякое подражание не казалось смешным».

Находясь в одиночестве, Боровский много размышлял не только над прочитанным, но и над увиденным и содеянным. «Когда думаешь и думаешь все про себя да про себя, — писал он из тюрьмы, — так мысли эти уходят куда-то внутрь и там исчезают; выходит нечто схожее с тем ужасным (не знаю только, действительно ли существующим) казусом, когда желудок переваривает сам себя».

Чувствуя потребность поделиться своими мыслями, он писал большие обстоятельные письма жене и матери. В них нередко излагал свои взгляды на мораль, этику, нравственность. Он, например, указывал жене, что последовательный человек применяет одно и то же правило и к своим и к чужим поступкам. Чтобы судить о людях, нужно изучать и их и себя, а не довольствоваться чувством.

Следует сказать, что его взбалмошная жена с привлекательной внешностью служила предметом постоянных ухаживаний со стороны «сердечных друзей». Боровский высмеивал подобных «друзей», советовал ей остерегаться таких людей.

Боровский говорил жене, чтобы она была подальше от знакомой бельгийки, которой все нравится в ее отечестве и ничто не нравится в варварской России, кроме, разумеется, презренного *argent russe* (русского

серебра). «Тебе давно пора бы отворачиваться от таких фарисеев на улице», — заявлял он.

Письма Воровского из тюрьмы приоткрывают нам частичку его души, показывают, над чем он задумывался и о чем рассуждал. Много внимания уделял он в те дни логике, приучая себя к правильному логическому мышлению. «Гораздо важнее для тебя это логика — наука индуктивная, — сообщал он жене. — Здесь советую тебе основательно рассмотреть методы исключения, сравнения... Эти приемы употребляются не только при научном исследовании, но и при повседневном познании, человек бессознательно применяет их в более или менее чистом виде». Воровский и жене советовал прежде всего прочесть «Логику» Минто, которая легко и увлекательно написана.

Он рекомендовал ей заняться также политической экономией, ссылаясь на популярную брошюрку Гросса «Экономическая система К. Маркса», которая имелась у них дома.

На допросах Воровский вел себя независимо, смело, порой даже дерзко: он зло шутил над следователем, смеялся над тупостью жандармов. Полковник Зубатов решил сам заняться этим ретивым юношей, но и ему не удалось ничего выпытать.

— Что вы можете рассказать о своих товарищах по работе? Дополните вот эту общую картину... — и Зубатов дал Воровскому сводку показаний тех, кто откровенничал не в меру. Воровский читал и в то же время обдумывал положение. Его возмутило поведение некоторых заключенных. Ведь эта болтовня равносильна выдаче! Вот это пойдет на пользу полиции. И он твердо решил ничего не говорить, а от показаний уклоняться.

— Ну-с, что вы скажете? — спросил Зубатов.

— Да ничего... — ответил Воровский.

— Что-с, как?
— Да вот так...
— Что вы можете рассказать о вашей работе, о вашем кружке, о ваших товарищах?
— Могу сказать: не на того напали.
— То есть как это понимать?
— Как хотите...
— Вы отказываетесь давать показания?
— Да, болтовней я не занимаюсь.
— Ах, так... — полковник позвонил и передал записку, в которой стояло одно слово — «карцер». Воровского посадили в холодную камеру. Это было в декабре 1897 года. В сырой, холодной комнатухе, на ледяном цементном полу Воровский провел несколько дней. Он простудился и тяжело заболел суставным ревматизмом. Помощи долго не было. Вскоре появился частый надоедливый кашель. Ночью выступал липкий холодный пот.

В тюремном лазарете нашли, что у Воровского затронуты туберкулезом верхушки легких. Мать ходатайствовала, чтобы сына отпустили на волю, но Зубатов был неумолим. В донесении начальнику жандармского управления Шрамму Зубатов сообщал, что Воровский с давнего времени известен своей противоправительственной деятельностью, что он признал лишь то, что вполне установлено дознанием, а от выяснения остального отказался. Зубатов советовал, чтобы принятую против Воровского меру наказания не изменяли, так как, получивши свободу действий, он может снова стать во главе революционной организации в Москве.

И Воровского оставили в тюрьме. Однако ни болезнь, ни лишение переписки с родными не сломили его духа. А было трудно. Ревматизм наложил неизгладимый след на Воровского: его позвоночник искривился, потерял свою гибкость.

Покашливая и сутулясь, он ходил по камере и поглаживал отросшую русую бородку. Как бы хорошо, мечтал он, сейчас очутиться дома, сесть в кресло и послушать музыку. Особенно его любимого Шопена. Душа так и рвалась на волю, в гущу рабочей жизни. Он чаще и чаще начинал скучать без дела. Занятия заметно надоели, хотелось поговорить с друзьями, побывать у тружеников.

— Может, я очерствел здесь, в одиночестве? — спрашивал он себя. — Нет, я не очерствел, а просто стал как рыба, выброшенная на берег: хлопаю ртом и бью хвостом, а брось меня в воду, и я снова оживу, почувствую себя в своей стихии. Все вздор, еще жизнь перед нами!

Лишенный родного для него революционного дела, вдали от рабочей среды, он действительно чувствовал себя как рыба, выброшенная на берег. Но не желал сдаваться.

ССЫЛКА

Следствие над Воровским и его друзьями по Рабочему союзу ничего нового не дало московской охранке. Обо всем было доложено царю. Николай II «повелеть соизволил»: «Выслать под гласный надзор полиции в Вятскую губернию Илью Бабаджана, Николая Вашкова и Вацлава Воровского — на три года».

Воровский обвинялся в пропаганде социалистических идей среди рабочих Москвы и в доставке из-за границы транспорта нелегальной литературы. Зубатову так и не удалось ничего узнать о Рабочем союзе, о его делах и руководителях.

21 января 1899 года Воровский вышел из Таганской тюрьмы. Ему было разрешено провести два дня в кругу своей семьи.

В хлопотах и сборах время пролетело быстро. Мать Вацлава Вацлавовича решила сопровождать сына и сноху до места ссылки. «Хочу посмотреть, как устроитесь», — заявила она. И вот настал день отъезда. К Курскому вокзалу подъехали санки. Из них вышли в теплом пальто сутуловатый Воровский с женой, вся закутанная в шаль Августина Устиновна.

День выдался ясный. Только что выпавший снежок искрился на солнце. Небольшой морозец подпудривал бороду и усы. Носильщики в белых фартуках, надетых поверх овчинных полушубков, притопывали подшитыми валенками, предлагая свои услуги.

На перроне проводить Воровского собралось человек двадцать пять. Были студенты Московского университета и Технического училища в форме, знакомые в штатском, рабочие в потертых пиджаках. Издали наблюдая за Воровским шпик, доложивший

потом начальству об этих проводах. Друзья и знакомые ободряли Воровского. Но он и сам старался не показывать вида, что ему грустно расставаться с людьми, с которыми его связывало одно общее революционное дело. Он даже пробовал, как всегда, шутить. Подсаживая мать в вагон, улыбаясь, он сказал: «Ну вот, мама, и вышел из меня не инженер-строитель, а скорее наоборот: разрушитель...»

В начале февраля 1899 года Воровский с женой и матерью прибыл в Вятку.

Местом пребывания Воровскому был определен город Орлов (отсюда у Воровского и псевдонимы: Павел Орлов, П. Орленов, П. Орловский, П. О., П. Ор...ский. — Н. П.). Это был небольшой уездный городишко, расположенный на реке Вятке. Со всех сторон к нему подступали леса. Сплошная глушь кругом...

Подъезжая на второй день к городку, Воровский как следует оценил «заботу» генерал-губернатора. Перед взором Воровского и его спутниц открылись небольшие избушки, почти вровень с крышами занесенные снегом. Только центральная улица была расчищена так, что по ней можно было идти, не боясь увязнуть в сугробах. В кривых переулочках к избушкам вели узкие тропки... Людей на улицах не было видно. Только струйки дыма, как свечи, подпирали небо. В стужу все отсиживались в жарко натопленных домах.

В те дни в Орлове (теперь г. Халтурин) была небольшая колония ссыльных: Н. Бауман, Р. Землячка, К. Захарова, И. Рябков и другие социал-демократы. Воровский вскоре снискал среди них уважение. Он познакомился с представителями местной интеллигенции и, как докладывала охранка, завоевал у них авторитет.

Воровский подружился с Николаем Бауманом. Да с ним и нельзя было не сойтись. Это был сгусток энергии. Он постоянно куда-то рвался, спешил, что-то делал. То

ходил на охоту, то лечил крестьянский скот, то горячо спорил на собраниях ссыльных. Голубые глаза Николая Эрнестовича горели каким-то лихорадочным огнем. А окладистая рыжая борода придавала ему сходство с голландскими морскими волками, портреты которых часто появлялись в ту пору на лубочных картинах. В ссылке ему не сиделось. Он порывался бежать, придумывал разные способы побега, отвергал их, искал новые. В конце концов ему удалось все же совершить побег.

Кроме Баумана, Воровский ни с кем близко не сошелся. Среди местной интеллигенции он также не нашел, с кем можно было сойтись потолковать, обсудить новинки марксистской литературы. Да и опасно было: подружишься с кем-нибудь, а его потянут к становому...

В ссылке Воровский продолжал заниматься самообразованием, много читал, аккуратно следил за периодическими изданиями, вел беседы среди ссыльных.

Шести рублей казенного пособия Воровскому с женой не хватало. Тогда Вацлав Вацлавович стал искать работу по специальности инженера. Скоро подвернулся случай: ему предложили строительство гимназии в Орлове (теперь школа имени Воровского). Иногда он выезжал в Вятку, где ему поручались разные строительные работы. Когда это случалось, то он непременно заходил к Потресову^[2] и подолгу беседовал с ним. Потресов переписывался тогда с В. И. Лениным, отбывавшим ссылку в селе Шушенском, и сообщал Воровскому некоторые планы Владимира Ильича. В один из приездов Потресов рассказал о газете, которую Ленин был намерен выпускать за границей. Потресов пригласил сотрудничать в ней и Воровского.

Предложение было заманчивым, и Вацлав Вацлавович решил испытать свои силы в литературе.

Как-то ночью Вацлаву Вацлавовичу не спалось. В голове теснились мысли, вызванные только что прочитанными рассказами Горького. Воровский не мог принять вздорных представлений современной ему критики о Горьком как о певце и «идеализаторе» босячества. Он уловил сложное отношение писателя к босякам. Они — жертвы жизни, «шлаки», которые скопляются на ее поверхности и свидетельствуют, что «существующий строй отношений» не удовлетворяет «запросам всей жизни во всем ее богатстве и разнообразии». Не жалость и сострадание хочет вызвать к своим героям Горький, а показывает благородство и силу простого человека, который даже «на дне жизни» сохраняет «жемчужины нравственных качеств», утраченные в «образованном» обществе.

Вацлав Вацлавович сел за стол и писал, пока в лампе не кончился керосин. Утром Воровский отослал статью о ранних рассказах Горького на отзыв товарищу, понимавшему толк в литературе. Тот с большим интересом прочитал статью и дал свой отзыв: «Вы прекрасно излагаете ваши мысли, вы можете и должны писать».

В долгие зимние вечера, когда за окном выла вьюга, Вацлав Вацлавович, ободренный литератором-профессионалом, подолгу сидел за столом, освещенным керосиновой лампой, и писал. Если сходило «наитие», как выражался Воровский, то просиживал всю ночь, окрыленный удачей. Вацлав Вацлавович приступил было к статье о драмах Чехова, но в ссылке закончить ее так и не успел.

Нередко зимой Воровский проводил время в беседах и спорах с товарищами по ссылке. Иногда эти споры принимали далеко не дружеский характер. Однако Воровский всегда соблюдал корректность, твердо и

последовательно проводил свою линию, линию «стариков», но сохранял такт. Он старался переубедить так называемых «молодых», которые придерживались линии «экономистов».

«Рабочим следует бороться за экономические права, — говорили они, — а политика не их дело».

Вацлав Воровский в гимназические годы.

Вацлав Воровский — студент Высшего технического училища.

— Но разве хорошая зарплата — это все для рабочего? — спрашивал Воровский. — Конечно, нет.

Человек хочет жить свободно, он хочет всем прямо смотреть в глаза. Ну, а может ли он это сделать, когда боится слово сказать своему хозяину? Мастер ему по физиономии съездил, а он даже рта не раскроет. А стоит ему вымолвить словечко, так его штрафами замучают. Вот вам и экономические права. Без политических прав жизнь — кабала...

Сторонники «экономизма» стремились столкнуть рабочих с рельсов политической борьбы на экономическую, тред-юнионистскую. Они плелись в хвосте событий, насаждали кустарничество и кружковщину. «Экономисты» были главными противниками создания единой марксистской партии рабочего класса.

Все эти главные положения оппортунистического течения были зафиксированы в манифесте — «Кредо», написанном группой «экономистов» — Кусковой, Прокоповичем и другими. Русские марксисты во главе с В. И. Лениным решительно выступили против мелкобуржуазной идеологии в рабочем движении. В. И. Ленин написал «Протест российских социал-демократов». Он был обсужден среди ссыльных-марксистов, и под ним поставили свои подписи 17 русских революционеров: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Г. М. Кржижановский, В. К. Курнатовский, П. Н. Лепешинский и другие.

Ленинский «Протест» был разослан по колониям ссыльных. Попал этот документ и в город Орлов. Здесь «Протест» обсудили и подписали Вацлав Вацлавович Воровский, Николай Эрнестович Бауман и другие социал-демократы. Они не только осуждали оппортунистическое течение в рабочем движении — «экономизм», но и стали вести с ним борьбу. Орловские ссыльные занялись распространением ленинского документа среди социал-демократов Вятской губернии. Так, этот «Протест» вместе с письмом попал в город

Котельнич. При обыске он был найден у местной фельдшерицы. «Посылаю некую резолюцию и прошу сделать вот что, — говорилось в письме, — прочитайте ее вашим социал-демократам и спросите каждого, согласен ли он с ней? Затем сосчитайте число голосов, поданных «за», и сообщите, хотя по почте, сколько их.

Резолюция эта написана не нами, и я прошу Вас никому не говорить даже, что этот экземпляр попал к Вам из Орлова и что считают голоса из Орлова».

Воровский поддерживал постоянную связь с Башковым и Бабаджаном, отбывавшими ссылку в отдаленных местечках Вятской губернии, и с некоторыми товарищами из Москвы. Вацлав Вацлавович вел также переписку с заграницей (Львов, Женева и т. д.), добившись у вятского губернатора отмены просмотра своей корреспонденции.

Осенью 1900 года Воровский ездил на несколько дней в Петербург. Там умерла его мать, которая еще в апреле 1899 года покинула город Орлов. Ему было разрешено побывать на похоронах. На обратном пути из Петербурга Воровский заехал в Москву, встретился там с друзьями, оставшимися на свободе.

В ссылке Воровский теоретически окреп настолько, что смог разобраться в ренегатстве легальных марксистов. Он понял, что марксизм стал такой же модой, как некогда женский вопрос. К марксизму, как к огню мотылек, потянулась буржуазная интеллигенция. Но буржуазия не была тем классом, который мог драться до победного конца. Буржуазия труслива, она остановится на полпути. И большую опасность представляют собой так называемые столпы легального марксизма. Те, что печатают без помех свои статьи в легальных марксистских журналах. Своим ядом они отравляют молодежь, под видом марксизма преподносят ей чистейший идеализм.

К этому рассуждению Воровского толкнула статья Петра Струве в ноябрьской книжке «Мира Божьего» за 1900 год. В ней «марксист» Струве звал читателей к идеализму («назад к Лассалю, назад к Гегелю, назад к Фихте»). Правда, он и тут маскировал свое отступление от марксизма разными словечками, вроде «идеалистическое существо», то есть в одном понятии Струве хотел соединить и материализм («существо») и идеализм («идеалистическое»). Но усидеть сразу на двух философских стульях невозможно, и теперь позиция Струве, враждебная материализму, была слишком прозрачна, чтобы ее не рассмотреть.

В ту же ночь Воровский написал едкую обличительную статью. Утром отослал в марксистский журнал «Жизнь» и с волнением стал ждать. Ее напечатали как «Письмо в редакцию».

Как-то весной 1901 года из поездки в Москву вернулась Юлия Адамовна и привезла пачку свежих газет и журналов. Разбирая их, Воровский натолкнулся в «Русском богатстве» на заметку обозревателя В. Подарского, в которой шла речь о статье Юл. Адамовича (это был псевдоним В. В. Воровского. — Н. П.). Кровь бросилась ему в лицо, с трепетом он прочел: «Гораздо более интересно «Письмо в редакцию» г. Юл. Адамовича, который называет себя в этой заметке (по поводу г. Струве) «профаном», но рассуждает авторитетно и со своей точки зрения очень последовательно, так что дай Аллах и всякому специалисту так рассуждать».

Хотя эта оценка принадлежала перу буржуазного журналиста, тем не менее Воровский был рад, что его первое печатное выступление замечено, что о нем говорят в журнальном мире.

Вскоре пришла весточка из-за границы от Потресова. Он поздравлял Воровского с прекрасным началом, которое удалось «и по форме, чрезвычайно

изящной, и по содержанию». А Потресов был тогда одним из редакторов «Искры».

Но Потресов не только хвалил, но и упрекал Воровского. Он считал, что автор «Письма в редакцию» слишком прямолинейно показал эволюцию Струве от материализма к идеализму.

Воровскому пришлось отвечать. В письме он отстаивал свою точку зрения. Он видел, что группа Струве повернула слева направо, и, чтобы читатель постиг всю суть этого акта, старался представить этот поворот в возможно выпуклой форме. Воровский сообщал, что он сознательно пошел на сгущение, ибо у Струве еще в книге, вышедшей в 1894 году (речь идет о «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России». — Н. П.), содержался «зародыш разложения», но тогда только некоторые раскусили это. Среди этих немногих, кто расслышал фальшивые ноты в трелях г. Струве, указывал Воровский, был Тулин (В. И. Ленин. — Н. П.). А сам он, Воровский, принадлежал к тому большинству, кто в пылу общественной борьбы марксистов с народниками не слышал фальши в выступлениях г. Струве. Почему он и многие другие заблуждались тогда? Воровский считал, что их прозрению мешали полемика с народниками, с одной стороны, и Плеханов, взявший Струве под свою защиту, — с другой. Поэтому, добавлял Воровский, в тоне его собственного выступления против Струве есть личный элемент человека, который вовремя не заметил лжи сам.

Но теперь, писал Воровский, ему стало ясно, что призыв Струве к идеализму не был случайным, что этот призыв закономерен и корни его находились в прежних произведениях «легального марксиста».

Статья Воровского против Струве стала известна и Владимиру Ильичу. В своей работе «Что делать?» Ленин

причислил Адамовича (Воровского) к лагерю марксистов-ортодоксов.

Для самого Струве выступление Воровского прозвучало словно пощечина. Он обиделся на Адамовича, считая его статью неприличной. Потресов, видевшийся с Струве за границей, сообщал Воровскому: «Вы спрашиваете, кто мне говорил о неприличии статьи Адамовича. Нет, не богородица^[3], которая мне не решилась бы написать об этом, а самолично — «обер-критик» (то есть П. Струве. — Н. П.). Потресов указывал, что Струве обещал вступить в полемику с автором «Письма в редакцию».

Пришлось готовиться и Воровскому. Он придумал сюжет, подобрал скандальные места из работ Струве и даже заголовки нашел: «Первый русский сверхчеловек».

Но Струве не вступил в полемику с Адамовичем, и Вацлав Вацлавович очень сожалел об этом, но все же надеялся найти основание, чтобы «еще раз вцепиться ему в ляжку».

В ссылке Воровский окончательно отрешился от народничества и стал марксистом. В этом помогла «Искра». Воровский доставал ее регулярно: то привозила жена, то присылали тайком друзья. Борьба за чистоту марксистской теории заставляла его твердо придерживаться партийной позиции. Так, ощутив в себе силу литератора, Воровский, однако, не спешил публиковаться в органах «легальных марксистов». Они его не устраивали, ибо, участвуя в них, волей-неволей пришлось бы подлаживаться под их тон, под их направление. Эти мысли Воровский высказал Потресову: «Писать вообще в «Жизнь» (журнал «легальных марксистов». — Н. П.) я не хочу, а писать теперь без вызова (вспомним: выступление Воровского в «Жизни» было ответом на статью П. Струве «Ф.

Лассаль». — Н. П.) на какую-нибудь, хотя бы ругательную, тему, будет уже писать вообще...»

Уже в те дни Воровский поступал по-партийному. С большей принципиальностью, чем, скажем, Потресов, он подходил к журналу «Жизнь». Если Потресов считал этот журнал «задорным в защите «ортодоксии», то Воровский просто не хотел больше печататься в органе «легальных марксистов».

* * *

Личная жизнь Воровского в ссылке сложилась неудачно. Резкий, неуравновешенный характер Юлии Адамовны в глухом, скучном Орлове начал принимать формы настоящей истерии. Она сетовала на ссылку, обвиняла во всем Вацлава Вацлавовича. Чтобы развеять немного скуку, Юлия Адамовна часто выезжала за границу, в Москву, Петербург. Но и это не помогало. Ее работа (она была художницей) не приносила ей радости и удовлетворения.

Воровский пытался и ее приобщить к борьбе, но все его попытки оказались тщетными. Она не хотела разделять с мужем всех лишений. Юлия Адамовна жаловалась соседям, что муж уделяет ей мало времени, что больше всего он любит книги, что его никуда не вытянешь и т. д. Многие колонисты от скуки рады были случаю посплетничать.

Здоровье Воровского было неважным. Туберкулезный процесс в легких медленно прогрессировал. Давал вспышки ревматизм. Но Воровский не унывал. «Тридцать лет уж умирает мальчик хилый и больной», — отвечал он тем, кто интересовался его здоровьем. При этом Воровский вспоминал, как в детстве одна их набожная соседка,

видя, что маленький Вацик часто запрокидывал голову и подолгу смотрел в небо, говорила матери его, Августине Устиновне: «Ну, он у вас не жилец. Смотрите, его душа на небо просится. Вот он и смотрит туда...»

Однако действительно положение Воровского было незавидным. А тут еще тяжелое нервное расстройство жены, ее истерические припадки. Они выводили его из равновесия и действовали угнетающе.

У ДРУЗЕЙ В ЖЕНЕВЕ

В январе 1902 года срок пребывания Воровского в ссылке окончился, и он с женой выехал из Орлова в Вятку, а оттуда в Москву. Воровский связался с комитетом РСДРП, узнал адреса в Женеве и в начале февраля отправился за границу, в Швейцарию.

В те дни Женева была центром русской революционной эмиграции. Отсюда протягивались многочисленные нити к городам России. Агенты «Искры» получали нелегальную литературу, прятали ее в чемоданы с двойным дном и развозили свой запрещенный груз во многие места царской России. Сыщики сбивались с ног, чтобы обнаружить, откуда берется этот смертоносный для старого мира яд в виде безобиднейших тонких листков бумаги. «Искра» объединяла и спланивала социал-демократические кружки. Она помогала рабочему классу России находить выход из темноты, увидеть настоящих своих вождей — социал-демократов. «Искра» вливала в рабочих уверенность в своих силах.

В Женеву съезжались лучшие люди России. Здесь, в заграничном штабе революции, получали они задания и разъезжались по России, чтобы нести в массы ленинские идеи.

Воровский шел по улицам уютного швейцарского городка. Весенний воздух был напоен ароматом цветущего жасмина. Дышалось легко и свободно. Вацлав Вацлавович направился к Владимиру Бонч-Бруевичу, который заведовал в то время редакцией «Искры».

Бонч-Бруевич просиял, увидев гостя. Часто мигая своими близорукими глазами, он потирал руки, садился

и снова вскакивал. Воровский также был рад. Он улыбался и растерянно смотрел на Бонча, когда тот, наконец, усядется. Но вот они за столом. Появилась бутылка рислинга. Владимир Дмитриевич уверял, что она была припасена для самого дорогого гостя. И теперь этот гость тут, рядом. Вспомнили старину, студенческое житье-бытье. Воровский рассказывал о борьбе с «экономизмом» в Москве, о влиянии «Искры» в рабочей среде.

Воспоминания о Москве, о совместной работе в Совете землячеств сближали их, и они часто встречались.

В Женеве Воровский наверстывал упущенное: знакомился с марксистской литературой, расспрашивал друзей о политических группировках, посещал рефераты видных политэмигрантов. Со многими из них он успел познакомиться и сойтись.

Воровский был постоянным посетителем кафе «Ландольд», где собирались тогда русские марксисты-«искровцы». Там часто выступали Плеханов, Засулич, Аксельрод. До отъезда в Лондон (апрель 1902 год) здесь выступал и Ленин.

В первые же дни Воровский познакомился с Плехановым и Лениным. Знакомство с Плехановым произошло на квартире у Бонч-Бруевича. Вацлав Вацлавович произвел на Плеханова приятное впечатление, очаровал его своей воспитанностью, начитанностью, знанием языков. Воровский прекрасно владел всеми европейскими языками. В это время он начал заниматься итальянским языком, изучал искусство эпохи Возрождения. На этой почве между ними тут же завязался разговор. И Вацлав Вацлавович и Плеханов были в ударе: остряли, говорили забавные вещи. Георгий Валентинович занимался тогда итальянским искусством, намереваясь читать в Лозанне

лекции на эту тему. Под конец разговора Плеханов предложил Воровскому писать для «Искры».

Но Воровский отшучивался:

— Куда там! Все суставчики, все косточки ноют, — заявил он. — Подлечиться и отдохнуть нужно. — Он сообщил Плеханову, что намерен поехать в Италию.

Георгий Валентинович пригласил Воровского приходить к нему запросто — побеседовать, погулять, потолковать.

И Воровский стал ходить с Георгием Валентиновичем и другими эмигрантами гулять в окрестностях Женевы. Он много и оживленно рассказывал о Москве, остроумно шутил, поражал свежестью восприятий. Однажды, поднимаясь в гору, Воровский продекламировал слова из одной песни. Все заинтересовались, откуда эта песня. Тогда Вацлав Вацлавович рассказал, что песню эту любили распевать московские рабочие на своих маевках.

Плеханова и Воровского объединяла не только любовь к искусству, но и их общая любовь в жизни ко всему красивому, изящному. Правда, уже в первое свое знакомство Вацлав Вацлавович заметил в облике Плеханова черты, которые ему не понравились. Плеханов любил разыгрывать из себя барина, особенно с незнакомыми людьми. Он подчеркнуто держался, выставлял белые холеные руки, изящную тросточку, говорил с апломбом. Вначале собеседнику это не нравилось. Но потом, когда посетитель узнавал Плеханова ближе, его первые впечатления рассеивались. То же случилось и с Воровским.

Но все же в душе у Вацлава Вацлавовича осталось какое-то смутное чувство, которое не давало ему возможности так вот, запросто, пойти к Георгию Валентиновичу и поговорить, поделиться своими мыслями. Всякий раз, когда Воровский шел к нему, он был слегка насторожен, как бы решая вопрос: «Ну, а как

сегодня тебя примут Розалия Марковна и Георгий Валентинович?..»

Сибаритство Плеханова особенно подчеркивалось тогда, когда Воровский мысленно сравнивал Георгия Валентиновича с Владимиром Ильичем.

С Лениным и его женой Надеждой Константиновной Крупской Воровский также познакомился, но не успел их узнать как следует (они быстро уехали в Лондон). Но и из коротких встреч с Владимиром Ильичем Вацлаву Вацлавовичу стало ясно, что это человек большой души.

В Ленине все было просто: с ним легко вести беседу, можно спрашивать обо всем, не боясь в ответ встретить двусмысленный взгляд, как это бывало у Плеханова. Владимиру Ильичу можно рассказать о своих личных неприятностях и встретить в нем участие и сочувствие. Не таков был Плеханов. Рассказывая ему о чем-либо, никогда нельзя было узнать наперед, как он это воспримет: не пробежит ли по его тонким губам едва заметная усмешка, не прищурится ли его левый глаз...

Потресова в Женеве не было: он лечился в Германии в санатории. Мартов встретил Воровского более чем холодно. Он знал уже все сплетни о Вацлаве Вацлавовиче, которые ходили в орловской ссылке. Видимо, о них рассказал Потресов, а может быть, и Дан, освободившийся из ссылки значительно раньше Воровского. Сенсация и сплетни служили Мартову источником информации, которую он старался использовать при случае как политический аргумент. Партию он представлял себе слишком расплывчатой. Никакой дисциплины он не признавал. Превыше всего он ставил личные способности работника, а не его умение подчинить себя воле партийного коллектива...

Воровскому Мартов не понравился. Вечно окруженный клубами дыма, постоянно исходившими от его толстой папиросы, Мартов недобро глядел маленькими глазками и был похож на злого гнома.

Как-то весной 1902 года в пансион мадам Моргар, на улице Плен-Пале, где остановился Воровский, зашел Владимир Бонч-Бруевич. Он застал хозяина за обуванием. Гость был немало удивлен, когда увидел, что Вацлав Вацлавович стоит, как гусь, на одной ноге, а не садится на стул, как это делают все.

— Почему вы этак мучаетесь? — спросил Бонч-Бруевич.

— Так угодно его величеству всероссийскому государю-императору, — ответил Воровский. Напрягая силы, он вновь стал надевать ботинок.

Бонч-Бруевич невольно бросился ему на помощь.

— Нет, нет, не трогайте, — полусерьезно сказал Воровский, — а то упаду, и тогда не поднимете.

Владимир Дмитриевич опешил.

— В чем же дело? — тревожно спросил он, когда Воровский, с трудом надев один ботинок, кое-как выпрямился, поддерживая руками спину, и, вздохнув, встал на обутую ногу.

Тут Воровский поведал Бонч-Бруевичу историю своей болезни. Он рассказал о том, как Зубатов хотел выудить у него сведения о членах социалистических кружков.

— Между прочим, — сказал Вацлав Вацлавович, — Зубатов интересовался и вами, милостивый государь. До меня кто-то не вытерпел и сболтнул лишнее о вас. От меня он хотел только подтверждения. Ну, а когда я послал его к черту, он и определил меня на бесплатное жительство в карцер. Теперь результат, как видите, налицо...

Воровский рассказал и о другом, на сей раз забавном случае.

— В Таганке мы условились с Бабаджаном, что будем изучать английский язык. Время шло, я добросовестно зубрил слова, грамматику и старался наладить произношение, скандируя каждое слово так,

как этого требовал автор учебника. Но вот настало время, когда нас выпустили. Мы решили изъясниться на языке его величества британского короля. Я приветствую по-аглички Илью Самойловича, а он крутит головой и по-русски спрашивает: «Что ты сказал?» Настала его очередь. Говорит он, а я слушаю и также ничего не понимаю. Оказывается, — рассмеялся Воровский, — мы учили язык по разным самоучителям...

Апрель и май 1902 года Воровский провел в Нерви, курортном местечке близ Генуи. Живительный морской воздух Италии, прекрасное лечение в санатории для туберкулезников вернули Воровскому силы и бодрость. Покидая Нерви, Вацлав Вацлавович чувствовал себя значительно окрепшим. Он заехал в Милан и Венецию, чтобы полюбоваться искусством итальянских мастеров. Затем вернулся в Женеву.

В августе из киевской тюрьмы бежала группа русских революционеров во главе с Бауманом. Вскоре они появились за границей. По случаю побега колония политэмигрантов устроила пикник. Поехали смотреть Рейнский водопад.

Обратно, в Женеву, Воровский ехал вместе с Бауманом. С тех пор как Бауман бежал из орловской ссылки, прошло несколько лет. За это время Бауман побывал за границей у Ленина, потом работал агентом «Искры» в Москве. По дороге в Киев Бауман оказался в руках жандармов, был опознан и посажен в тюрьму. Обо всем этом Бауман и рассказал дорогой Воровскому.

— Кое с чем и я знаком, — ответил Воровский. — Транспорт опасной для батюшки-царя литературы мне удалось провезти. Вот что не могу так не могу — это из тюрьмы бегать, тут пальма первенства за вами, Николай Эрнестович.

Воровский вспомнил также, что побег Баумана из орловской ссылки нагнал тогда страху на местного исправника.

— Нам потом всем туго пришлось. Хорошо, что я домосед, а каково было нашим охотникам! Им долго не разрешали за утками ходить...

— А ведь меня вновь хотели в Орлов водворить, — сказал Бауман. — Я уж до Уфы доехал. Но потом вдруг решили в Киев обратно везти. Там, в тюрьме, нам жилось неплохо. Подобралась хорошая компания....

АГЕНТ «ИСКРЫ»

Всю осень 1902 года Воровский посещал политехникум в Мюнхене. Его не покидала мысль закончить образование и получить диплом инженера.

Но события в России развивались стремительно. Ростовская стачка всколыхнула весь рабочий люд, а суд над ее участниками был использован искровцами как прекрасный пропагандистский материал. Вместе с Плехановым Воровский написал брошюру «Таганрогский процесс по делу о Ростовской демонстрации 2 марта». Позднее эта брошюра вышла в Женеве.

Газета «Искра» и книга В. И. Ленина «Что делать?» довершили идейный разгром «экономизма». Началась усиленная подготовка ко II съезду, где должно было произойти объединение всех социал-демократических кружков в единую партию.

В конце 1902 года Воровский выехал в Россию по заданию искровского комитета. В донесениях тех лет он фигурировал под революционной кличкой Шварц (девичья фамилия его матери. — Н. П.). Воровский имел два основных задания: принять типографию от Южного рабочего союза, который отдавал ее в распоряжение «Искры», наладить ее работу и объехать ряд социал-демократических комитетов, сообщив им, что пора уже проводить выборы делегатов на II съезд РСДРП.

К этому времени Южный рабочий союз отошел от политики «экономизма» и присоединился к «Искре». Однако положение в этом комитете было крайне неустойчивым из-за того, что в нем находились сторонники «Рабочего дела»^[4]. Одесский комитет РСДРП и один из агентов «Искры», Р. Землячка, видя неустойчивость положения в Екатеринославе, просили

заграничный центр прислать людей — искровцев, чтобы принять типографию Южного рабочего союза, наладить ее работу и укрепить комитет.

И вот на юг в помощь местным комитетам отправился Воровский.

Шел январь. Зима была в полном разгаре. Правда, в Швейцарии стояла мягкая, сравнительно теплая погода. Но Воровский, помня о русских холодах, купил себе теплое пальто. Накануне отъезда он как раз получил от деда деньги и решил часть их истратить на себя. Перед отъездом он условился о шифре, которым будет писать за границу. Воровский отправил также письмо В. И. Ленину и Н. К. Крупской в Лондон.

27 января 1903 года Г. М. Кржижановский получил письмо от В. И. Ленина с припиской Н. К. Крупской: «От Шварца пришло письмо... Какой ключ с Шварцом и где он?»^[5]

На этот запрос Г. М. Кржижановский 8 февраля ответил, что Шварц (В. В. Воровский) пишет ключом «Власть Земли» Успенского, что он теперь занят отысканием места для Акули (типографии), которую Южный союз передал в распоряжение «Искры». Далее Кржижановский сообщал, что дело по устройству типографии очутилось на попечении Даши (Самарского бюро «Искры») и Шварц с женой специально хочет заняться этим. «Люди вполне подходящие. Весь вопрос в пункте».

Приехав в Москву, Воровский остановился в квартире Юлии Адамовны, которая еще раньше прибыла из Женевы. По данным охраны, он неоднократно встречался с А. Бриллингом, В. Лосевой и деятелями Московского комитета РСДРП. Московской охране стало известно, что Воровский проживал в Москве в 1903 году и был близок с Бауманом, а также с

супругами Ванновскими, арестованными в городе Ярославле.

Прислуга Юлии Адамовны в полиции показала, что Воровский с февраля по апрель 1903 года приезжал к ним два раза будто бы из Петербурга и жил около трех недель.

В феврале и марте 1903 года Воровский выезжал из Москвы несколько раз. Он побывал в Петербурге, Ярославле, Самаре. Там встречался с членами местных комитетов, известил их о сроках съезда. Во время этих поездок было решено, что типографию опасно куда-либо перевозить. Нужно оставить ее на прежнем месте, то есть в Екатеринославе, подобрать к ней надежных людей и пустить в действие. Приближались сроки съезда. Нужны были прокламации, и листовки. Наконец, и это, пожалуй, самое главное, типография нужна в России для перепечатывания «Искры». Чтобы наладить работу типографии, Воровский выехал с женой в Одессу.

Воровский остановился в квартире местного обывателя, на тихой тенистой улице. Сразу же Вацлав Вацлавович связался с местным комитетом, где уже получили письмо от члена организационного комитета Р. Землячки. «Дорогой товарищ, — писала она. — Если Шварц со своей спутницей еще не заняты, то не согласятся ли они заняться своей функцией для здешнего комитета, который крайне нуждается теперь в людях именно с этим амплуа (то есть в специалистах-техниках. — Н. П.)? Узнайте от них немедленно, согласны ли они, и если согласны, то пусть выедут немедленно. Юрий («Южный Рабочий») теперь, повторяю, крайне нуждается в этих людях. Конфликт продолжается, пусть приедут хоть на время для улажения конфликта (речь идет о происшедшем весной 1903 года конфликте в Екатеринославском комитете

РСДРП — Прим. ред.), Акулина не действует, не имея хозяев, и мы бессильны бороться с конфликтом».

Чувствуя за собой слезку, Воровский решил спутать карты и обмануть шпиков. При получении паспорта в Одессе он записал в анкете, что выезжает за границу. Одесская охранка сейчас же донесла: «Воровский получил 19 апреля 1903 года заграничный паспорт и в тот же день выехал за границу». Но Воровский уехал в Екатеринослав, а его жена села на пароход и отплыла в Крым.

Поезд в Екатеринослав приходил вечером. Воровский вышел из вагона, затерялся в толпе и незаметно прошел на вокзальную площадь. Нанял извозчика, сказав: «Направо!» Отъехав на порядочное расстояние от вокзала, он отпустил извозчика, посмотрел, не следит ли кто за ним, а потом отправился по данному ему адресу. Город Воровскому был совершенно незнаком. Ему был только известен адрес. «Но кого спросить, чтобы не вызвать подозрений?» Воровский решил, что лучше всего обратиться к старушкам или детям. Так он и сделал. Через полчаса он, наконец, нашел нужный ему домик. Домик был окружен распускающейся акацией. Хорошенько осмотревшись, Воровский постучал в окно три раза подряд, потом подождал и еще три раза. Открылось окно. Тихий голос спросил: «Вам кого?»

— Мне Осипа...

Дверь открылась, и Воровский вошел...

В Екатеринославе Воровский помог Р. Землячке урегулировать конфликт в комитете РСДРП, наладил типографию. 23 апреля 1903 года Р. Землячка уже с радостью сообщала в Киев, что «Акулина» действует, что первомайские листки ОК (организационного комитета по подготовке II съезда. — Н. П.) распространены удачно.

Типография помещалась по Философской улице. К 1 Мая в ней были отпечатаны листки и воззвания. Наладив типографию, Воровский не стал мешкать и быстро уехал из Екатеринослава,

Глава III ЗА ПОБЕДУ БОЛЬШЕВИЗМА

СОТРУДНИК ГАЗЕТЫ «ИСКРА»

В конце мая 1903 года Воровский вернулся в Женеву. Владимир Ильич и Надежда Константиновна были уже в Швейцарии. К тому времени сюда переехала вся редакция «Искры», бывшая до этого в Лондоне.

В Женеве, на широкой тенистой улице Каруж, помещалось партийное издательство и проживало большинство русских политэмигрантов: В. Д. Бонч-Бруевич с женой В. М. Величкиной, Н. Э. Бауман, М. М. Литвинов и многие другие русские революционеры. Здесь же, в угловом четырехэтажном доме, в пансионе мадам Моргар, остановился и В. В. Воровский.

В Женеве в это время шла деятельная подготовка ко II съезду РСДРП. Начали прибывать делегаты. Их нужно было встретить, разместить. Многие товарищи из России не знали иностранных языков, держались робко в незнакомой стране, были одеты так, что сразу бросались в глаза. Все это могло вызвать подозрение у местной полиции и у многочисленных царских шпииков, рыскавших по Европе.

Встреча делегатов была поручена надежным товарищам, знавшим языки и местные обычаи. В эту группу лиц был включен и Воровский. Он встречал отдельных делегатов, а потом выезжал в Брюссель, где должен был состояться съезд, размещал гостей. Воровский не имел мандата на съезд, но очень внимательно следил за его работой.

В то время Воровский был уже видным революционером-искровцем. Царская охранка следила за каждым его шагом. Она доносила, что Воровский якобы присутствовал на II съезде. Агент охраны указывал даже революционную кличку Воровского на

съезде: Михаил Иванович Шварц. Однако Воровский в работе II съезда РСДРП не участвовал, он находился тогда в Мюнхене.

Второй съезд РСДРП создал революционную марксистскую партию. Отныне русский пролетариат обрел своего руководителя и наставника. Это была партия нового типа, которая смело повела рабочий класс во главе всех трудящихся России к революции.

В создании подлинно марксистской партии выдающаяся роль принадлежала Ленину, его принципиальности и настойчивости, гениальной прозорливости и необычайной деятельности. Владимир Ильич сумел сплотить всех твердых марксистов, отстаивавших дело создания партии.

Вместе с тем II съезд показал, что в русском революционном движении оформилось новое оппортунистическое направление — меньшевизм. Большевики во главе с В. И. Лениным вступили в непримиримую борьбу с меньшевиками.

10 августа съезд закрылся. Делегаты стали покидать Лондон, где проходила заключительная часть съезда. Прибыл в Женеву из Германии и Воровский. Он зашел к Бонч-Бруевичу и стал беседовать о съезде, о борьбе Ленина с оппортунистами.

— Где же теперь вы думаете работать? С большевиками или уйдете к Мартову? — хитро прищурившись, спросил его Бонч-Бруевич.

— Ну, нет, благодарю покорно. Мне что-то не хочется забираться в мартовское болото, — ответил Воровский в тон Бончу. — Конечно, я за большинство. Буду во всем помогать Владимиру Ильичу... Он и никто другой выведет нашу партию на широкую дорогу. Ему опять придется, пожалуй, писать новое «Что делать?».

Воровский поддерживал ленинскую формулировку первого параграфа устава.

— Если принять точку зрения Мартова, — заявил Воровский, — то у нас будет не партия, а проходной двор. Кто хочет — приходит, кто не хочет — уходит. А кто же будет работать? Кто будет организатором масс? Нет, по Мартову мы не создадим партию, а только разрушим и то, что удалось объединить.

Второй съезд утвердил «Искру» центральным органом РСДРП и, по предложению В. И. Ленина, выбрал новый состав редакции из трех человек: Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и Ю. О. Мартова. Однако Мартов, как глава оппортунистического крыла в партии — меньшевизма, не захотел войти в состав редакции. Таким образом, после съезда «Искра» стала редактироваться Лениным и Плехановым. Они пригласили Воровского в «Искру», на что тот охотно согласился. В шести номерах газеты «Искра» Вацлав Вацлавович поместил пять статей. Особенно остро прозвучал его фельетон «Новое филиальное отделение Бунда» за подписью «Недоумевающий искровец». Воровский тонко высмеял сепаратистские стремления Всеобщего еврейского социал-демократического рабочего союза — Бунда, который хотел занять в партии особое, независимое положение.

Недалеко от дома, в котором поселился Воровский, протекала бурная речка Арва. Весной и летом, в ливни, она клокотала, словно зверь, загнанный в клетку. Ее порыв был так стремителен, что нередко она сносила мостки. В минуты грусти и тоски по родине Воровский приходил на берег и смотрел на вспененные волны. Здесь он отдыхал. Освеженный, он возвращался к столу и садился за очередную статью для «Искры»...

Совместная работа с В. И. Лениным в газете «Искра» продолжалась всего около двух с половиной месяцев, но принесла Воровскому много пользы. Под влиянием Ленина и Плеханова оттачивалось мастерство Воровского как журналиста.

Потерпев поражение на съезде, меньшевики с Мартовым во главе решили взять реванш на II съезде Заграничной лиги русских социал-демократов. Это была партийная организация русских социал-демократов, проживающих за границей. Она имела права местной организации. Делегатом от лиги на II съезде РСДРП был Владимир Ильич Ленин.

Чтобы иметь перевес над большевиками, меньшевики настойчиво просили приехать в Женеву всех своих сторонников, находившихся в Лондоне, Париже и других отдаленных городах. В то же время приверженцам В. И. Ленина — большевикам Бауману, Воровскому и другим — под разными предлогами не послали приглашений. И только после письменного протеста Бауман получил приглашение, а Воровский попал на съезд лишь случайно.

Обеспечив себе таким образом большинство, Мартов пытался в своей речи дискредитировать В. И. Ленина, заявив, что раскол в партии произошел, мол, на личной почве, из-за нетерпимости Ленина, из-за его, мол, «железного кулака». Большевики во главе с В. И. Лениным доказывали, что это не так, что раскол произошел на принципиальной основе. Но, видя, что меньшевики не хотят считаться с фактами и не внимают голосу благоразумия, игнорируют решения II съезда РСДРП и попирают устав партии, большевики покинули съезд.

Плеханов, напуганный дезорганизаторской деятельностью меньшевиков, решил единолично кооптировать трех бывших редакторов «Искры»: Потресова, Аксельрода и Засулич, чтобы избежать раскола в партии. Ленин возражал против этого нарушения воли съезда и в знак протеста отказался редактировать газету.

Когда Воровский узнал о причине ухода Ленина из редакции, он также покинул «Искру».

Захватив «Искру» в свои руки, меньшевики начали обстрел Ленина и его единомышленников-большевиков. Вскоре они выпустили «Протоколы II съезда Заграничной лиги», в которых извратили истинное положение дел на съезде лиги.

Глубокая осень 1903 года. Улицы Женевы устилают шуршащий ковер пожелтевших листьев. Опустела набережная Женевского озера. Шумят голые ветви деревьев. Поредела кучка большевиков во главе с В. И. Лениным. С ним остались самые верные друзья: Бонч-Бруевич, Воровский, Лепешинский, Гусев, Красиков, Бауман. Некоторым из них предстоял путь в Россию. Они должны были разоблачить меньшевиков-дезорганизаторов, помочь местным комитетам РСДРП перейти на сторону большевиков.

Собирался в путь Бауман. Накануне отъезда к нему зашел Вацлав Вацлавович.

Бауман был один, укладывал вещи. На вопрос Николая Эрнестовича, когда он едет, Воровский ответил:

— Ильич поручил работу. Пишу комментарии к меньшевистским протоколам. Небось читали их стряпню?

— Читал. Воду замутили здорово...

— А вы, Николай Эрнестович, не обратили внимание на подлог? Мартов, как вам известно, взял назад свое обвинение против Ленина. А в протоколах этого документа нет. Исчез. Каждый черным по белому прочтет в протоколах обвинение Мартова против Ленина, но не увидит извинения. Вот вам и махинация!

— Очередная хитрость «наших друзей», — смеясь, проговорил Бауман.

— Хитрость не хитрость, а лицемерия у них достаточно, — спокойно продолжал Воровский. — Мартов и его подопечные из кожи лезут, чтобы прибрать к своим рукам все партийные центры. Для

этого им и нужна была лига как своеобразный форт, откуда нас, большевиков, можно обстреливать и все наши партийные учреждения бойкотировать.

— Удивительно, что Плеханов этого не понимает... Облегчил им задачу. Взял и предоставил «Искру»...

— Он-то, может, теперь и понял, да честолюбие мешает. С тех пор как Ильич поселился здесь, в Женеве, Плеханов стал чувствовать себя как та одинокая наседка, от которой цыплятки перебегают к другой.

— Ну, я не думаю, что только честолюбие всему виной, — замотал лысеющей головой Бауман.

— Конечно, нет. Сам Ильич считает Плеханова честным мыслителем. Но Плеханов слабо знает современную русскую действительность, а груз старых ошибок тянет его назад. Не последнюю роль сыграли и личные его симпатии к старым друзьям.

Десятилетия Плеханов был признанным вождем русских марксистов, но вот вырос другой исполин — Ильич, глубокий теоретик и здоровый практик. Он хорошо знает русского рабочего, верит в него. Плеханов же оторвался от России, утратил связь с пролетариатом. Крупный мыслитель оказался мелким политиком и — в результате — скатился в болото оппортунизма.

— Ну, а о крестьянстве он вообще невысокого мнения, — продолжал гость. — Еще в прошлом году, на прогулке, я услышал от Жоржа фразу, которая просто поразила меня: «Лишь бы не помешали, и то будет хорошо». Это о крестьянстве! О нашем союзнике в революции. Конечно, все мы рассчитываем главным образом на рабочий класс, но ведь ему и помощники нужны...

У Николая Эрнестовича Воровский познакомился тогда с Максимом Максимовичем Литвиновым^[6]. Вместе с Бауманом и другими политзаключенными он бежал из

Киевской тюрьмы. Внешне Литвинов ничем особенным не отличался: открытое лицо, высокий покатый лоб с копной черных волос, внимательные умные глаза. На приплюснутом носу поблескивали стекла пенсне.

«Добряк», — подумал сначала Воровский. Но потом, наблюдая за скупыми, точными движениями Литвинова, слушая в разговоре его саркастические реплики, Воровский отметил в нем твердость характера, деловитость и живой ум. То, что больше всего ценил Вацлав Вацлавович в людях.

Закончив брошюру «Комментарии к протоколам II съезда Заграничной лиги», Вацлав Вацлавович дал ее просмотреть Владимиру Ильичу. Ленин остался доволен. С рукописью брошюры Воровский зашел к Бонч-Бруевичу, чтобы сдать ее в набор. Его встретила хозяйка дома — Вера Михайловна. На ее тонких губах играла улыбка.

— Заходите, Вацлав Вацлавович.

Воровский, снимая пальто и шляпу, спросил:

— А где же Бонч? Уж не от меня ли спрятался?

Вера Михайловна ответила, что муж ушел в типографию и скоро вернется.

— Вы, конечно, знаете, что с января будет выходить новая газета «Рассвет», — сказала она. — Где же ваша статья в первый номер? Владимир Дмитриевич рассчитывает на вас...

— Боюсь, Вера Михайловна, что не угожу вашим сектантам. Ведь я же закоренелый безбожник. С семнадцати лет, как отрекся от господ бога, так и блуждаю в неведении.

— Вот таких-то нам как раз и нужно. Seriously, ждем статью...

— Подождите, дайте сперва этот труд пустить в дело, — сказал Воровский, протянув рукопись своей брошюры.

— Об этом не беспокойтесь. Владимир Ильич уже говорил нам. Мы даже написали к вашей брошюре предисловие.

— Ну раз так, то придется заняться, видимо, воспитанием ваших духоборцев.

И Воровский стал постоянно сотрудничать в социал-демократической газете для сектантов «Рассвет», которая начала выходить с января 1904 года по решению II съезда РСДРП. Почти в каждом номере Вацлав Вацлавович публиковал свои статьи. Обращаясь к беднейшему крестьянству России, Воровский призывал его к борьбе с самодержавием — душителем свободы. Если русский крестьянин хочет жить лучше, то он должен сам бороться за свои права, «ибо ничто даром не дается — все нужно отвоевать своими руками».

ЖЕНЕВА, КАФЕ «ЛАНДОЛЬД»

Часть зимы 1903/04 года Воровский провел в Женеве. Он был среди тех немногих эмигрантов, которые поддерживали В. И. Ленина в борьбе с меньшевиками.

Чтобы лучше узнать и сплотить своих товарищей по борьбе, Владимир Ильич нередко устраивал у себя вечеринки. Приходили все его сторонники: длинный, сухопарый, с бородкой а la Мефистофель Красиков, грузный, с окладистой седеющей бородкой Ольминский, подслеповатый Бонч-Бруевич, обладатель прекрасного баритона Гусев и другие.

Вацлав Вацлавович также любил бывать у Ленина. У Владимира Ильича и Надежды Константиновны все себя чувствовали свободно. Жили они на окраине Женевы в небольшом домике в глубине сада. Две комнаты. Скромная мебель. Стол в гостиной даже не крашен. Несколько стульев и кушетка. На ней любил сидеть Воровский, особенно после чая; когда Вацлав Вацлавович бывал в ударе, его шутки, остроумные рассказы, анекдоты настраивали всю компанию на веселый лад. Особенно заразительно смеялся Ленин. А ему это так было необходимо. Время было трудное. Раскол в партии тяжело сказывался на его настроении. Шутки и поддержка друзей очень тогда помогали Ленину.

По обыкновению вечера заканчивались пением.

Владимир Ильич или кто-нибудь из гостей просил Гусева спеть, и тот, недолго думая, начинал:

С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них!

Романс на слова Хомякова подхватывали гости. Потом следовали арии из опер. Чаще всех исполнялась любимая Владимира Ильича «Пою тебе, бог Гименей...».

Собирались также и в маленьком кафе «Ландольд», расположенном на тихой улочке. Просторный зал, несколько столиков, застланных чистой льняной скатертью, венские стулья — вот и все убранство. Но прелесть этого кафе была не в скромной обстановке. Душой его был хозяин — простой, добродушный толстяк. Он был общителен, знал всех посетителей в лицо, доверял в долг. Хозяин разливал пиво, а если посетители ничего не требовали, углублялся в газету.

В этом кафе в конце января 1904 года сидели за столиком Ленин, Воровский и Гусев. Воровский говорил Гусеву о произведениях, имевших в свое время большой успех, но вскоре забытых. Он назвал «Вертера» Гёте, некоторые романы Жорж Санд, «Бедную Лизу» Карамзина, «Знамение времени» Мордовцева. Что, кроме скуки и равнодушия, могут вызвать сейчас эти давно «отцветшие» произведения?

Подошедший к столику Валентинов^[7] вмешался в разговор и, в свою очередь, назвал «Что делать?» Чернышевского — по его мнению, вещь бездарную и примитивную.

Ленин, не принимавший участия в разговоре и рассеянно смотревший куда-то в сторону, вдруг стремительно взметнулся. Лицо его окаменело, щеки покрыл румянец, глаза сузились.

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он резко. — Как в голову может прийти чудовищная, нелепая мысль назвать примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого

большого и талантливое представителя социализма до Маркса? Сам Маркс называл его великим русским писателем.

— Он не за «Что делать?» его так называл. Эту вещь Маркс, наверное, не читал, — ответил Валентинов.

— Откуда вы знаете, что Маркс ее не читал? Я заявляю: недопустимо называть примитивным и бездарным «Что делать?». Под его влиянием сотни людей делались революционерами. Могло ли это быть, если бы Чернышевский писал бездарно и примитивно? Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. Он меня всего глубоко перепахал. Когда вы читали «Что делать?»? Его бесполезно читать, если молоко на губах не обсохло. Роман Чернышевского слишком сложен, полон мыслей, чтобы его понять и оценить в раннем возрасте. Я сам попробовал его читать, кажется, в 14 лет. Это было никуда не годное, поверхностное чтение. А вот после казни брата, зная, что роман Чернышевского был одним из самых любимых его произведений, я взялся уже за настоящее чтение и просидел над ним не несколько дней, а недель. Только тогда я понял глубину. Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют.

— Значит, — спросил Гусев, — вы не случайно назвали вашу книжку «Что делать?»

— Неужели, — ответил Ленин, — о том нельзя догадаться?

Слова Ленина вызвали большой интерес у Воровского. Он очень любил Владимира Ильича и интересовался буквально всем, что касалось Ленина. Вацлав Вацлавович начал расспрашивать Владимира Ильича о книгах, которые он читал, о писателях, оказавших на него особенно большое влияние. Ленин, говоривший о себе мало, на сей раз изменил своему

правилу и на вопросы Воровского отвечал довольно подробно.

Придя домой, Воровский по свежей памяти записал разговор с В. И. Лениным.

СНОВА В ОДЕССЕ

В начале 1904 года Воровский с поручением Ленина выехал на юг России. Ему было дано задание — создать на юге Украины опору большевиков — Южное бюро ЦК. Перед отъездом Воровский зашел к Крупской. Она дала ему адрес члена Одесского комитета И. Х. Лалаянца и в тот же день написала в Одессу, что едет Шварц, который сообщит о положении дел.

На пограничной станции Радзивиллов сошел высокий, слегка сутулящийся господин в шляпе и теплом пальто. В его руках был чемоданчик и изящная тросточка. Он произвел приятное впечатление на жандарма, проверяющего паспорта. Из рук господина жандарм взял заграничный паспорт и прочел: Вацлав Вацлавович Воровский.

«Ну что ж, птичка летит прямо к нам в руки, — подумал жандарм, — надо известить кого следует».

В тот же день прилетела в Одессу телеграмма: «Воровский вернулся из-за границы 25 января 1904 года, намерен остановиться в Одессе с заездом на 2 дня в Киев». По данным полиции, Воровский прибыл в Одессу 1 февраля 1904 года.

Прямо с вокзала Воровский отправился на рынок, расположенный поблизости. Это было место, где революционеры очень легко освобождались от шпииков. Шумный, многолюдный одесский рынок служил своеобразной дезинфекционной камерой для очистки от «хвостов». Сейчас Воровский решил тоже прибегнуть к этой процедуре очищения. Он прошел мимо торговых рядов, ловко протискиваясь сквозь толпу, и вышел с базара с противоположной стороны на тихую, пустынную улицу. Здесь он осмотрелся, купил газету и,

развернув ее, стал читать. Время от времени он посматривал в ту сторону, откуда пришел, чтобы окончательно убедиться, что за ним никто не следует по пятам.

Свернув газету и сунув ее в карман пальто, он сел на извозчика и отправился к И. Х. Лалаянцу, которого не раз встречал в Женеве у В. И. Ленина.

— Не беспокойтесь, — сказал Воровский Лалаянцу. — Я очистился. За мной никого нет...

...В небольшом домике на окраине Одессы собрались рабочие фабрик и морского порта. Перед ними выступил докладчик, только что приехавший из-за границы. Встав из-за стола, он стал рассказывать о II съезде РСДРП, о принципиальных разногласиях между большевиками и меньшевиками. Простую, бесхитростную речь высокого сутуловатого товарища, чисто и опрятно одетого, слушали внимательно, задавали вопросы. Большинство рабочих поддержали точку зрения большевиков, хотя меньшевистский докладчик, прибывший из Женевы и выступивший вслед за Воровским, пытался склонить присутствующих на свою сторону.

«Нас всех активных работников в городе пригласили на доклад о состоявшемся II съезде партии, — писал в своих воспоминаниях один одесский рабочий. — ...Было двое докладчиков, приехавших из-за границы. Большевик-докладчик был элегантно одетый блондин (впоследствии мне сказали, что это был тов. Воровский). Дискуссия эта длилась часа четыре... и мы все определенно стали на точку зрения большинства съезда...»

Вскоре доклад Воровского о II съезде и о положении дел в партии был отпечатан в местной социал-демократической типографии. Часть тиража удалось разослать рабочим, а часть конфисковала полиция. В Женеве среди меньшевиков брошюра вызвала целую

бурю. Особенно им не нравилось то место, где Воровский утверждал, что «меньшинство» своей обструкцией тянет партию назад, к кружковщине. Мартов назвал брошюру «мутным источником».

Большевики брошюру Воровского встретили с восторгом. Об этом извещала Н. Крупская одесских товарищей. Она сообщала, что брошюра очень хорошо и живо написана. О ней же Н. Крупская упоминала и в другом письме: «Получили вашу брошюру о съезде. Кто ее писал? Хотя в ней есть кое-какие неточности, но написана она очень хорошо, горячо, ясно»^[8].

Уже в те дни Ленин по достоинству оценил литературный талант Воровского и советовал ЦК использовать его в борьбе с меньшевиками. В письме к Г. М. Кржижановскому в Россию В. И. Ленин настоятельно просил начать по-настоящему полемизировать в листках комитетов с Центральным органом — газетой «Искра», перешедшей к меньшевикам. Надо засадить Шварца (В. В. Воровского. — Н. П.), Вакара (Правдина. — Н. П.) и других за листки для ЦК РСДРП, настаивал Владимир Ильич.

В феврале 1904 года благодаря стараниям Воровского, Лалаянца, Левицкого, Кулябко и других большевиков удалось создать первую опору большевиков в России — Южное бюро ЦК. В него вошли Одесский, Николаевский и Екатеринославский комитеты РСДРП. Неоднократно Воровский сам выезжал в города Николаев, Екатеринослав, Киев и проводил там совещания, организовывал работу комитетов, разъяснял точку зрения большевиков.

Вскоре в Одессе и Екатеринославе были обсуждены и приняты резолюции о необходимости III съезда партии. В своем письме в Рижский комитет Н. К. Крупская смогла сослаться на резолюции южных

комитетов, которые высказались за III съезд, и поставить их в пример другим.

Однако с Николаевским комитетом пришлось здорово повозиться: там крепко засели меньшевики. В мае 1904 года Воровский вновь побывал в Николаеве.

Вацлав Вацлавович приехал к исходу дня. Чтобы подождать темноты (тогда безопаснее будет разыскивать адрес), он зашел в ресторан и заказал ужин.

Воровский имел явку к члену комитета Исааку Коренблюму. Встретил он Воровского обрадованно, но чувствовалось, что растерян и потрясен недавним провалом. Усы его обвисли, глаза рассеянно бегали. Из стойких большевиков осталась на свободе одна Людмила Сталь. Вместе обсудили положение: как быть?

Решили усилить комитет, кооптировать в него стойких большевиков из рабочих. Реорганизация прошла удачно: Николаевский комитет РСДРП встал на сторону большевиков. Это известие с радостью восприняли В. И. Ленин и Н. К. Крупская, В письме в Россию Н. К. Крупская сообщала, что южане поворачиваются отлично, что они отвоевали Николаев.

При организации Южное бюро было снабжено довольно широкими и неопределенными полномочиями («Поезжайте и делайте все, что нужно, под моим именем», — заявил Воровскому член ЦК). Однако политические требования скоро сами определили направление и характер работы бюро. Полное отсутствие связей юга с ЦК и полное игнорирование им южного района вынудило большевиков сплотить комитеты, выразившие готовность к такому сплочению вокруг бюро.

Вскоре работа закипела. Наладили паспортное дело, так как постоянно была необходимость в перемещении работающих товарищей. Воровскому пришлось привлекать новых людей для замещения в случаях

провалов — слишком частых. Отсутствие общепартийной литературы тормозило дело: приходилось довольствоваться прокламациями и брошюрами местного происхождения. Большую часть из них Воровский писал сам.

Однако, несмотря на эти трудности, большевикам удалось объединить три более крупных комитета и целый ряд организаций, установить живые связи и частое товарищеское общение. Это значительно облегчало работу на местах.

За все это время Южное бюро ЦК стояло вне всякой связи с Центральным Комитетом. Его попытка сноситься с ЦК через Ф. В. Ленгника, который приехал из Женевы в Москву весной, потерпела неудачу. Этот член ЦК сам стоял в стороне от дела, к тому же летом 1904 года он был арестован вместе с Бауманом и Стасовой.

В организационных вопросах Воровскому пришлось действовать самостоятельно, на свой страх и риск. Но в идейном руководстве южными комитетами он опирался на указания Владимира Ильича. В. И. Ленин информировал Воровского о положении за границей, давал указания, советы.

Деятельность Воровского в Одессе была сопряжена с большими трудностями. Меньшевистская часть Одесского комитета старалась опорочить большевиков. Н. К. Крупская указывала, что в Одессе Мартын (Розанов) со своей свитой пустились в демагогию, что они стараются всячески скомпрометировать комитет.

А между тем кризис в партии все больше обострялся. В результате измены Плеханова большинство в Совете партии стало принадлежать меньшевикам. В. И. Ленин — один из членов Совета партии — был бессилён повернуть Совет на правильный и единственно верный путь — созыв III съезда партии.

Весной 1904 года все комитеты, входящие в Южное бюро ЦК, приняли резолюции о съезде. Эти резолюции,

осуждавшие раскольнические действия меньшевиков и газеты «Искра», ставшей рупором меньшевизма, были направлены В. И. Ленину.

Вслед за южными комитетами аналогичные резолюции были приняты также в северных и кавказских комитетах. В общей сложности за съезд высказалось больше половины всех комитетов, представленных на II съезде РСДРП. Согласно уставу Совет партии должен был созвать съезд. Но меньшевики, заседавшие в Центральном органе — «Искре», пошли на разные махинации: утаивали резолюции, фальсифицировали подсчет голосов, поданных за съезд, и т. д. Они перетянули на свою сторону примиренцев из ЦК — Носкова, Гальперина и Красина.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЖЕНЕВУ

Весной 1904 года Юлия Адамовна Воровская была арестована полицией вместе со своим знакомым (они перевозили типографский шрифт из Москвы в Ярославль) и заключена в ярославскую тюрьму. Оттуда она посылала мужу угрожающие телеграммы.

В апреле и мае Воровский дважды приезжал в Ярославль. Была весна. На Волге шел ледоход. Лед трещал и рушился. Мутные воды текли по булыжной мостовой, унося с собой все старое, прошлогоднее. На свидание с Юлией Адамовной его, конечно, сразу не пустили, и, дожидаясь разрешения, Воровский выезжал в Москву, встречался там со Стасовой, Бауманом и другими большевиками.

Твердые большевики-ленинцы решили созвать совещание, чтобы наметить план борьбы с расколом в партии, план борьбы за съезд. В августе 1904 года в Швейцарии состоялось совещание 22 большевиков, принявшее обращение «К партии». В этом обращении была начертана программа борьбы за III съезд.

Вацлав Вацлавович опоздал к началу совещания. Он успел лишь ознакомиться с документами и поставить свою подпись под обращением.

Не зная, когда Воровский прибудет в Женеву, 14 августа Н. Крупская писала ему: «Дорогой друг! Только что получили ваше письмо от 8. VIII. Очень порадовало ваше настроение...» В письме говорилось также и об общепартийных делах. Воровский ставился в известность о провале «Зверя» (М. Эссен. — Н. П.), о разрыве дипломатических отношений с «Фаустом» (ЦК. — Н. П.) и т. д. Указывалась также тактика В. И. Ленина: добиваться съезда, а на нем — торжества

старого искровского направления. «Дальнейшее никто, кроме вас, знать не должен. У нас состоялась конференция. Место ее строго законспирировано; посылаю декларацию, надо переиздать и распространить частным образом, с соблюдением всяческой конспирации. Вести агитацию за присоединение к ней комитетов. Подготавливаем литерат(урную) группу, об этом еще потолкуем... Резолюций Бюро не получено. Годится ли старая явка, подтвердите ее, а также адреса для новинок? Новые резолюции о съезде прислали: Питер, Сибирь, Москва (последняя не разобрана). Что делается в Николаеве?»

В тот же день Н. Крупская сообщила Литвинову в Ригу адрес Воровского и рассказала о тактике Южного бюро ЦК: добиваться немедленного созыва съезда, а если не удастся созвать свою конференцию комитетов, согласных на съезд, выбрать бюро, основать литературную группу и привлекать на свою сторону комитеты.

М. Литвинов ответил, что тактику одесситов они вполне одобряют и будут ее придерживаться.

По дороге в Швейцарию Воровский простудился и в Женеве слег. Владимир Ильич и Надежда Константиновна навещали больного, нежно заботились о нем.

— Боюсь, не чахотка ли у него? — говорила Надежда Константиновна Владимиру Ильичу. — Уж очень кашель какой-то подозрительный.

— Да, пожалуй... Он ведь рассказывал, что у него в тюрьме начинался туберкулезный процесс. А теперь простуда могла вызвать заглохшую было болезнь. Надо пригласить специалиста...

О болезни Воровского известили товарищей в России: Е. Стасову, А. Богданова и других. В. И. Ленин очень дорожил Воровским, своим верным товарищем, оберегал его от нападков меньшевиков.

Ленин просил Воровского поменьше обращать внимания на выходки Потресова, Мартова и компании, не волноваться, меньше реагировать на подлые приемы обмещанившихся меньшевиков.

«И мы все заметили, — вспоминал Бонч-Бруевич, — что с этого времени Владимир Ильич стал особенно внимательным к Вацлаву Вацлавовичу, частенько заходил к нему, звал к себе, давал ему много ответственных поручений, вводил в коллегии и настойчиво требовал от него, чтобы он больше писал...»

А писать приходилось действительно много. Не имея своего органа, Ленин и его соратники создали издательство, в котором начали выходить одна за другой брошюры. Ленин, Воровский, Ольминский, Богданов и другие выпускали свои произведения против меньшевиков.

Максим Максимович Литвинов.

Вацлав Вацлавович с женой Дорой Моисеевной.
1917 г.

Однажды, придя в кафе, Воровский очутился рядом со своим знакомым, товарищем по партийной работе В. И. Невским. За соседним столиком сидел крикливо одетый жгучий брюнет, все время не сводивший глаз с Воровского. Вскоре они расплатились. Стал расплачиваться и их сосед. Этим и воспользовался Вацлав Вацлавович, чтобы сообщить своему знакомому:

— Послушайте, товарищ, обратите внимание на этого субъекта. Это местный шпик. Он, вообще говоря, безвреден, но суть в том, что он, по-видимому, передает нас русским агентам. Он прекрасно говорит по-русски, хоть и носит французскую фамилию.

Невский поблагодарил Воровского. Вскоре ему предстояло возвращаться в Россию с нелегальной литературой, и предостережение Вацлава Вацлавовича было ему крайне полезно. На границе этот «хвост» мог оказаться роковым...

БОРЬБА ЗА III СЪЕЗД

Осенью 1904 года в издательстве В. И. Ленина и В. Д. Бонч-Бруевича вышла брошюра Орловского «Совет против партии». Получив оттиск, Вацлав Вацлавович бережно переворачивал страницы — тонкие листки с мелким шрифтом. Они еще пахли типографской краской. Воровский жадно пробежал текст: ничего, написано зубасто. Большевикам не поздоровится... В брошюре приводились документы, уличавшие Совет партии в нечестных поступках, направленных на срыв съезда. Досталось и примиренцам из ЦК, которые стали выполнять роль пешек в руках меньшинства.

Друзья поздравляли Воровского с острым боевым произведением. Особенно понравилась эта брошюра В. И. Ленину. Впоследствии он неоднократно ссылался на нее в своих статьях, считая эту работу весьма убедительной. Владимир Ильич нередко упоминал о ней и в своих письмах. «Вы слишком оптимистичны насчет съезда и насчет Ц.К. — писал он Р. Землячке, — из брошюры «Совет против партии» (вышла уже) вы увидите, что они идут на все и вся, на проделки черт знает какие из желания сорвать съезд»^[9].

Воровский просил одесских товарищей, чтобы его считали не выбывшим из комитета, а только в отпуску месяца на два. В своих письмах он сообщал товарищам на местах о положении дел в партии, давал советы.

Под прямым воздействием меньшевиков ЦК РСДРП решил распустить Южное бюро комитетов большинства, созданное Воровским по заданию В. И. Ленина. Воровский был поражен таким решением ЦК. Он знал, что гонение на Южное бюро последовало только потому, что оно высказалось за съезд. В своем

письме в Одесский комитет Вацлав Вацлавович разъяснял членам южных комитетов, что, распустив Южное бюро за агитацию в пользу III съезда, ЦК тем самым нарушил устав, ибо по уставу съезд может быть созван по требованию определенного числа комитетов. Но для этого необходима агитация за съезд, а следовательно, агитация является элементарным правом всякого комитета.

Как-то осенью, днем, зайдя к Владимиру Ильичу, Воровский увидел, как тот, быстро шагая из угла в угол и потирая лысину, что-то обдумывал. Вацлав Вацлавович заинтересовался, чем Ленин так озабочен.

— Главное теперь не съезд, а орган, — ответил Ленин. — Орган и русский центр...

Эти слова удивили Воровского, хотя он и знал В. И. Ленина достаточно хорошо.

«Давно ли еще Ильич торопил со съездом, а вот сейчас он уже убежден, что главное в органе», — подумал Воровский.

Эта необыкновенная гибкость ума и резкие повороты ленинской мысли были основаны на реальном, глубоком знании революционного рабочего движения и пролетариата в целом.

Конечно, В. И. Ленин поставил так остро вопрос об органе и русском центре не потому, что отказался от идеи созыва съезда, а потому, что в сложившейся обстановке подготовить созыв съезда было нельзя, не имея своей газеты. Без своего печатного органа невозможно было широко разъяснить партийным массам сущность разногласий между большевиками и меньшевиками, всесторонне осветить линию большевиков, разоблачить антипартийное поведение Совета и ЦК партии.

Внезапно Владимир Ильич подошел к Воровскому и шутливо сказал:

— Ну, Пан, вас настойчиво зовут в Россию, без Шварца и Жозефины там дело стоит... Надюша, прочитка ему то место из письма, где просят вытурить его отсюда... — обратился он к Надежде Константиновне.

Надежда Константиновна порылась в столе, отыскала письмо М. Литвинова и стала читать...

— «Люди обеспеченные, конечно, могут и должны ехать немедленно в Россию, недостаток в силах громаднейший. Необходимо вытурить Жозефину в Россию, совсем не время ей сидеть теперь за границей».

— Ну что ж, я готов, — ответил Вацлав Вацлавович, опустив руки по швам и пристукнув каблуками...

— Смотрите, какой прыткий! Не успел еще как следует от болезни оправиться, а уж в Россию рвется... — расхохотался Владимир Ильич. — Нет, дорогой товарищ, вы здесь нужнее. А кто же писать будет? Не забывайте, ваша брошюра оказала нам большую помощь...

Воровский передал Ленину резолюции с конференции южных комитетов, только что полученные из Одессы. В одной резолюции содержался протест против роспуска Южного бюро. В другой — конференция высказывалась за создание Организационного комитета, который занялся бы агитацией за съезд. В третьей резолюции собравшиеся решили утвердить литературную группу, в которую входили бы крупнейшие научные и литературные силы.

— Вот видите, ваши комитеты просят зачислить Жозефину в «крупнейшие научные и литературные силы», — шутил Ленин, обращаясь к Воровскому. — А вы хотите в Россию...

— Ну, нет, Владимир Ильич, я — туда, куда пошлют, — отпарировал Воровский.

— Вот это как раз то, что нам нужно, — сказал Владимир Ильич. — Мы хотели предложить вам поездку для чтения рефератов, но только не в Россию! Вам

нужно поехать в Германию, Бельгию, Францию. Здесь, в Швейцарии, эту работу взял на себя Бонч, а вы — туда...

— Поезжайте, выступайте в городах, где есть наши эмигранты, расскажите о расколе в партии. Постарайтесь создать надежные группы наших сторонников. Это задание партии. Докажите всем, что вы архиприлежный оратор, что говорите вы не хуже, чем пишете, — пошутил, прощаясь, Владимир Ильич.

На другой день Вацлав Вацлавович выехал в Берлин, а оттуда в другие города Германии, Франции и Бельгии. Помимо организации групп, он должен был везде сделать публичные заявления о расколе в партии.

В. В. Воровский не отличался большими организаторскими талантами, но все же ему удалось создать сильные партийные группы в Берлине, Дармштадте, Мюнхене, Льеже, Брюсселе и Париже. Это стоило большого труда. Воровский сразу же столкнулся со злобной кампанией меньшевиков, направленной против него.

Однажды, выступив на вечеринке, устроенной русскими политэмигрантами, Воровский возвращался в свой недорогой отель в Шарлоттенбурге. Неожиданно его нагнала девушка, покрасневшая то ли от быстрой ходьбы, то ли от волнения. Из-под ее шляпки выбивались пряди черных волос. Поправляя их, она сказала:

— Простите, мне хотелось поговорить с вами...

Воровский остановился. Девушка была в том возрасте, когда угловатые девичьи черты начинают приобретать плавность, движения замедляются, а фигура принимает округлые формы.

Назвав себя Дорой Моисеевной Мамутовой и сильно смущаясь, что даже в темноте заметил Вацлав Вацлавович, она проговорила:

— Я слушала вашу речь... я целиком разделяю ваши убеждения. Мне показалось, что вы лучше, чем о вас

пишут вот тут...

С этими словами она достала из кармана сложенный листок бумаги и подала его Воровскому, Не спеша он развернул листок и прочел все те гнусные вымыслы меньшевиков о разводе с женой, о безнравственности, аморальности и прочих выдумках, которые ему не раз приходилось слышать.

— Что ж, тут есть доля правды... Я действительно не живу с женой или, как здесь пишут, бросил ее... А все эти гнусности мне так надоели, что я иногда серьезно начинаю думать, не злодей ли я в самом деле...

Так Воровский познакомился с человеком, который на всю жизнь стал его ближайшим другом.

...Осенью 1904 года комитеты РСДРП, высказавшиеся за III съезд, выбрали Бюро комитетов большинства — своеобразный организационный центр по подготовке нового съезда, по борьбе с дезорганизацией меньшевиков.

В. И. Ленин торопил Бюро с изданием своего органа за границей.

Глава IV

ПУБЛИЦИСТ-ЛЕНИНЕЦ

В ГАЗЕТЕ «ВПЕРЕД»

В Женеве шла бурная подготовка к созданию газеты: собирали деньги среди тех, кто еще мог чем-либо пожертвовать, намечали планы и придумывала названия. «Особенно подробно обсуждался этот вопрос (о газете. — Н. П.) с Вацлавом Вацлавовичем Воровским, — вспоминал В. Бонч-Бруевич. — Название газеты я предложил «Вперед». Были найдены и деньги: дал часть своих сбережений Воровский (недавно ему выслал гонорар московский журнал «Правда»^[10]), раскошелится Бонч-Бруевич, отдал свои золотые часы с цепочкой Ольминский.

Ленин в это время (декабрь 1904 г.) находился в Париже. После его возвращения в Женеву на квартире В. Бонч-Бруевича состоялось собрание большевиков. Главным редактором газеты выбрали В. И. Ленина, редакторами отделов: В. В. Воровского, М. С. Ольминского, А. А. Богданова. В. И. Ленин предложил пригласить А. В. Луначарского. С ним Владимир Ильич познакомился в Париже.

Анатолий Васильевич только что приехал тогда из России и еще не разобрался, кто же прав: большевики или меньшевики? Выслушав реферат Владимира Ильича, Луначарский больше не колебался. Вскоре он появился в Женеве. Стройный, с хитринкой в глазах, он произвел хорошее впечатление на женевскую группу большевиков. Понравился он и Воровскому. Луначарский много и интересно рассказывал, при этом тонкие губы его слегка подергивались. Он мог говорить часами на любую тему. Луначарский и сам чувствовал свои прирожденные ораторские способности и нередко любовался собой.

Луначарскому поручили написать заявление от редакции новой газеты. Он стал третьим членом редколлегии «Вперед», ибо А. А. Богданов не смог выбраться из России.

4 января 1905 года вышел первый номер газеты. Он был горячо принят в России. От номера к номеру возрастал интерес рабочих к своей газете, с каждым номером им становились все яснее и яснее причины разногласий большевиков с меньшевиками. Почти каждый день в редакцию «Вперед» приходили письма из разных уголков России, в которых рабочие и партийцы с радостью приветствовали орган большевиков. Большую поддержку Ленину и всей редакции «Вперед» оказывали большевики: А. Стопани с Кавказа, Л. Книпович из Одессы, С. Гусев из Петербурга.

В. Бонч-Бруевич, отправившийся по партийным делам в Россию, извещал из Тулы, что газету «Вперед» охотно читают рабочие и отдельные статьи ее горячо обсуждают на собраниях. В первом номере «Вперед» была напечатана статья «Пора кончить». В ней разоблачалась гнусная роль меньшевиков из Петербургского комитета, по вине которых была сорвана рабочая демонстрация.

Статья эта родилась из письма рабочего в редакцию. Воровский обработал материал этого письма, предпослав ему вводную часть, и показал Владимиру Ильичу. Ленин счел необходимым расширить статью и сделать к ней большую приписку, которая подводила итог оппортунизму «меньшинства» в организационном вопросе. Ленин призывал местные комитеты заявлять открыто, что партия порывает с этими господами всякие отношения.

Многие статьи во «Вперед» шли без подписи, поэтому случалось так, что статья одного редактора дописывалась другим. Часто это было у Воровского и

Ольминского. Ленин читал их статьи, вносил исправления и дополнения. Просматривая ленинскую правку своих статей, Воровский учился искусству партийной публицистики.

С первых же дней в редакции газеты «Вперед» установилась настоящая товарищеская обстановка. Душой всего коллектива был В. И. Ленин.

«В большинстве случаев, — вспоминал А. В. Луначарский, — весь материал, кроме телеграмм, хроники и т. д., зачитывался вслух на редакционном совещании под руководством Ленина. Он и сам также читал нам свои статьи и чрезвычайно охотно выслушивал всякие замечания и советы. Ленин вообще очень любил коллективную работу в самом подлинном смысле этого слова, то есть выработку формулировок на основе некоего черновика, путем непосредственной работы многих голов».

Замечательный пример ленинского руководства, ленинского принципа коллективности в работе крепко и на всю жизнь запал в душу Воровского. Чуткость Ленина к своим сотрудникам, его любовь и бережное отношение к их творческим поискам — все это так помогало в работе.

Однажды, вернувшись домой, Воровский застал у себя Владимира Бонч-Бруевича, только что вернувшегося из России. Гость сидел на кушетке и разговаривал с Дорой Моисеевной, женой Вацлава Вацлавовича. (Это была та самая девушка, которую Воровский встретил в Берлине. Вскоре их дружба переросла в любовь, и они поженились.) Находясь еще под впечатлением редакционного совещания, Воровский стал рассказывать о ленинском обаянии:

— Вы понимаете, Владимир Дмитриевич, сколько я ни бываю с Ильичем, а все никак не перестаю восхищаться им. Любит он людей, с которыми работает вместе. Любит по-мужски: без сладких слов и внешних

знаков. Внимателен и учтив. Всегда выслушает, постарается понять. Никогда не сделает шага, пока не убедится, что это не только его личное мнение, но и мнение его товарищей.

— Согласен, — заметил Бонч-Бруевич. — Однако это не мешает Мартову называть его узурпатором.

— Да, с врагами он тверд и непримирим. Но он выглядит совершенно иначе, когда сидишь с ним за одним столом и разрабатываешь планы, читаешь рукописи или обсуждаешь какие-либо практические вопросы. Никто не может так охотно следовать совету, если совет хорош, как Ильич; никто так добродушно не позволит редактировать и «изменять» свои рукописи, как Ильич; никто не подчиняет себя так охотно мнению большинства, как это делает Ленин. Но, когда он убежден, что этим наносится вред интересам партии и рабочего класса, Ильич становится тверд, как железо...

В газете «Вперед» Воровский много писал, редактировал рукописи, обрабатывал письма рабочих и т. д. Большую часть редакционной работы Воровский выполнял дома, на улице Каруж, впрочем, как и другие члены редакции. Часто к нему приходил рабочий-наборщик Л. Владимиров и забирал материалы для набора. Почти в каждом номере газеты появлялись статьи Воровского. Они были часто без подписи, как и другие статьи в газете. Но на всех его материалах сказывалось духовное влияние Ленина. Постепенно Воровский усвоил не только дух ленинской публицистики, но даже и стиль его стал острее, ярче, доходчивее.

С созданием газеты «Вперед» большевики получили возможность вынести свои разногласия с меньшевиками на суд миллионов простых рабочих читателей. И рабочий класс России постепенно понял, что только большевики во главе с Лениным ведут по-настоящему борьбу с самодержавием. Меньшевики же

окончательно скатились к оппортунизму и в организационных и в тактических вопросах. В своих письмах и резолюциях рабочие высказывались за III съезд, они оказывали поддержку Ленину и его единомышленникам.

ОТГОЛОСКИ РЕВОЛЮЦИИ

В России началась революция. Она подготовлялась давно, всем ходом событий. Тяготы, связанные с русско-японской войной, невыносимо тяжелые условия труда, постоянные штрафы, мизерная зарплата — все это обострило до предела отношения между рабочими и царским самодержавием. Петербургские рабочие, спровоцированные агентом охраны Гапоном, организовали 9 января шествие к Зимнему дворцу, чтобы вручить царю петицию о своих нуждах. Но даже и эту мирную демонстрацию Николай II, прозванный кровавым, разогнал залпами. На площади перед Зимним дворцом умирали рабочие, истекая кровью, но тут же умирали и вера в царя.

Утром Воровский, как всегда, просматривал женевскую «Трибуну», выходящую несколько раз в сутки по мере поступления новостей.

Что это? На первой странице крупным шрифтом: «РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ».

Вацлав Вацлавович снял пенсне, протер глаза и стал с жадностью читать.

Сомнений не было: в Петербурге началась революция...

Воровский накинул пальто, схватил шляпу и направился к столовой Лепешинских — месту встреч и собраний. Он миновал несколько домов, показались широкие, словно витрины, окна, между ними дверь. Несколько ступенек вниз — и он уже в помещении. Туда стекались и многие другие политэмигранты с газетами в руках. Лица у всех оживленные...

...В столовой столпились и большевики и меньшевики. Все поздравляли друг друга. Все чаще и

чаще стали слышаться в толпе речи:

— Довольно с нас распрей! Не пора ли объединиться? Ведь там льется на улицах пролетарская кровь... Да здравствует русская социал-демократическая революция!

«Да и мы, ближайшие товарищи Ильича, сами заразились общим настроением, — писал старейший большевик П. Лепешинский.

— Владимир Ильич! Мы к вам за советом. Дан от имени меньшевиков предлагает устроить совместный митинг. Идти или не идти на это?

— Гм... боюсь данайцев, даже приносящих дары...»

Поразмыслив, Ленин согласился, но посоветовал договориться с меньшевиками, чтобы на совместном митинге не поднимать фракционной борьбы.

Воровский, так же как и Ленин, мало верил в мирный исход митинга. Вместе с Ильичем он сел на задние ряды и слушал, как Мартов мямлил свою речь. Мартов явно был не в ударе, видимо потому, что выполнял условие — не полемизировать с большевиками.

Потом выступил Луначарский. Его горячую речь слушали внимательно.

Но вот взобрался на трибуну рыжеватый Дан. Он решил, видимо, скрасить речь Мартова и стал пускать шпильки в адрес большевиков. Владимир Ильич не выдержал наглого издевательства над доверчивостью своих товарищей и тихо сказал:

— Идемте, товарищи!.. Нам здесь делать нечего.

Первые известия о революции в России не объединили два крыла русской социал-демократии. Наоборот, разногласий между большевиками и меньшевиками стало больше: появились разногласия по вопросам тактики.

Ленин и его соратники выдвигали и отстаивали марксистскую линию поведения РСДРП в революции, а

меньшевики защищали, по существу, либеральную тактику. Если газета «Вперед» призывала к вооруженному восстанию, к гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, то «Искра» всячески боялась, как бы не отпугнуть либеральную буржуазию, и отдавала ей первенство в революции. Большевики считали, что пролетариат должен руководить революцией, а меньшевики полагали, что руководство должно быть за либеральной буржуазией.

В. И. Ленин терпеливо разъяснял своим соратникам вопросы тактики на данном этапе, отдельные положения Маркса применительно к новым условиям и т. д. Он старался убедить, доказать свою правоту и был недоволен, когда его положения брали на веру. И с этой стороны Владимир Ильич являлся настоящим учителем.

В ряде статей Вацлав Вацлавович подверг резкой критике соглашательскую линию меньшевиков. В статьях «Всероссийский съезд адвокатов», «Две тактики», «Игра в парламент», «Что значит «поддерживать» либералов» и других Воровский горячо защищал ленинский взгляд на либеральную буржуазию и ее роль в первой русской революции.

Рассматривая адвокатов как наиболее ярких представителей русского либерализма, а их съезд как говорильню, он писал: «В трехдневной болтовне съезда адвокатов отразился, как в капле воды, весь буржуазный либерализм с его блудливым вожделением конституции, с его заячьей боязнью борьбы, с его лакейской угодливостью перед сильным еще самодержавием, с его лицемерным и корыстным народолюбием». Воровский доказывал, что за красивыми фразами либералов о свободе, конституции и парламенте на деле кроется только игра в парламент, что либералам нужна сильная монархическая власть, которая ограждала бы их от «ярости народной». Цели в революции у либералов и пролетариата разные.

Поэтому надо разоблачать недостаточную революционность либеральной буржуазии, говорил Воровский. Его публицистическая деятельность в годы первой русской революции помогала Ленину и большевикам проводить свою революционную тактику и ограждала русский пролетариат от конституционных иллюзий.

К весне 1905 года газета «Вперед» не только сумела сплотить большевистские местные комитеты РСДРП вокруг Ленина и его ближайших соратников, но и подготовила III съезд партии.

III СЪЕЗД РСДРП

Владимир Ильич позаботился о том, чтобы Воровский был на III съезде. В письме Одесскому комитету Ленин рекомендовал послать мандат Вацлаву Вацлавовичу (Жозефине). «...Я бы позволил себе посоветовать дать мандат обоим из ваших здешних кандидатов, — писал Ленин, — т. е. и Жозефине и Даниле (социал-демократ Д. И. Новомирский. — Н. П.), именно: одному из них с решающим голосом, а другому — с совещательным (г. е. написать письмо съезду, что Одесский комитет просит съезд допустить с совещательным голосом Жозефину, как члена южного бюро, очень полезного в совещательном отношении работника, или, я говорю к примеру, Данилу, как превосходно знающего периферию и замечательно энергично работавшего среди одесского пролетариата)»^[11].

Л. Книпович ответила Ленину и Крупской, что Одесский комитет подтвердил мандат, еще раньше данный Жозефине, но затем пересмотрел это решение. Жозефине был дан мандат Николаевского комитета, а Ленину — мандат Одесского.

Вскоре Воровскому был выслан мандат и доклад Николаевского комитета, и Вацлав Вацлавович стал деятельно готовиться к III съезду. В. И. Ленин поручил ему подготовить доклад об отношении РСДРП к либералам.

— вспомните наш спор о либералах, — смеясь, сказал Ленин. — Мне кажется, что вы теперь можете по праву считаться архиспециалистом по либералам...

В конце апреля 1905 года В. И. Ленин, В. В. Воровский, А. В. Луначарский, Н. К. Крупская и другие

делегаты выехали в Лондон, где должен был состояться съезд. Большевики отказались от участия в съезде и созвали в Женеве свою конференцию.

Съезд начал свою работу днем 25 апреля. В продолговатой задней комнате одного из ресторанчиков стоял длинный стол. Там сидели делегаты. Впереди находился небольшой столик для президиума. Съезд открыл самый старший из делегатов — Миха Цхакая. Воровский хорошо знал его. Коренастый, с большой копной седоватых волос, Миха Цхакая подошел к столу, подождал, пока стихнут голоса, и сказал небольшую приветственную речь.

В президиум съезда избрали Ленина, Красина, Богданова, и работа закипела.

Уже со второго заседания, когда представитель ЦК Красин настаивал, чтобы на съезд был приглашен с совещательным голосом Рязанов, Воровский активно включился в работу съезда. Он выступил против приглашения Рязанова, политическая физиономия которого была неясна.

Меткая, остроумная речь Воровского против оппортуниста Рязанова сыграла свою роль, и он не был допущен на съезд.

Воровский выступил также с разоблачением меньшевиков, которые утверждали, что они, мол, не имели времени обсудить с периферией вопрос о съезде. Он рассказал делегатам о неблагоприятной роли примиренческого ЦК, который своим необдуманном решением распустил Южное бюро.

С пятого заседания началось обсуждение основных вопросов съезда. С докладом о вооруженном восстании выступил Луначарский. Он говорил как признанный оратор: красиво, убедительно, понятно. Содокладчиком был Богданов. Утром 28 апреля начались прения. Вацлав Вацлавович положительно отозвался о докладе Луначарского, но критиковал доклад Богданова за

отсутствие практических указаний по организации восстания.

Затем выступил В. И. Ленин.

«Вся история последнего года показала, — говорил он, — что мы недооценивали значение и неизбежность восстания. Надо обратить внимание на практическую сторону дела. Тут чрезвычайно важен опыт практиков и рабочих — петербургских, рижских, кавказских...» [\[12\]](#)

Г. Крамольников, делегат Самарского комитета, В. Десницкий, делегат от Нижнего Новгорода, и другие обвиняли Воровского, что он недооценивает активности масс народа и поэтому предлагает сосредоточить всю работу в крупных центрах. «Такое «обескровливание» сильно бы повредило делу», — заявили они.

Воровский выступил вторично. Он разъяснил свою точку зрения.

— Некоторые из моих оппонентов, — говорил Вацлав Вацлавович, — придали моему положению карикатурный вид: будто я предлагаю свезти всех социал-демократов в Петербург, в Москву и другие центры. В действительности же я ставлю вопрос так. Революционный переворот будет; пролетариат будет в нем участвовать, и если социал-демократия не станет во главе пролетариата, он пошлет ее, по выражению тов. Жаркова (один из делегатов съезда. — Н. П.), к черту. Далее. Может ли хоть один из присутствующих товарищей сказать, что его организации в силах взять на себя ответственную задачу подготовки и проведения вооруженного восстания? Конечно, нет. Наши силы не позволяют одинаково хорошо поставить эту работу повсеместно. Если, например, восстание восторжествует в Курске, а не восторжествует в Петербурге и Москве, дело курских революционеров будет проиграно. Если же победят центры, тогда реакция не удержится и в провинции. Поэтому раз мы

серьезно хотим готовиться к подготовке вооруженного восстания, нам необходимо принять это во внимание и приспособить к этой задаче нашу организацию. Вот и все. С этой же точки зрения я стоял за централизацию боевых организаций, так как центральные учреждения призваны как раз представлять общероссийское движение и руководить им...

По вопросу о вооруженном восстании за основу была принята резолюция, написанная В. И. Лениным. В постановляющей части ее говорилось: «Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере необходимости, особые группы из партийных работников».

Все три редактора «Вперед» твердо отстаивали общую позицию: Луначарский в докладе, Воровский в прениях, Ленин в резолюции.

В свободное время делегаты знакомились с Лондоном, бывали в Британском музее. Воровский принимал активное участие в этих коллективных походах. Он с большим интересом изучал коллекции произведений искусств, пополнял свои знания.

Вечером 1 мая все делегаты с большим вниманием выслушали доклад В. И. Ленина об участии социал-демократии во Временном революционном правительстве. Воровский наблюдал, как Владимир Ильич, потирая свой сократовский лоб, начал просто, без эффектов и позы, свою речь. Вацлав Вацлавович удивлялся железной логике Ильича, его ясным и убедительным аргументам.

В. И. Ленин полемизировал с меньшевиками: Мартовым, Плехановым и другими, которые пугали партию тем, что ей, пожалуй, придется принять участие во Временном революционном правительстве.

— Одно из двух, — говорил Ленин, — или возьмем крепость, чтобы удержать ее, или не идти на приступ, а заявить, что хотели только маленькое местечко около крепости.

Когда на съезде разгорелись споры по крестьянскому вопросу, Воровский принял в них участие и внес в резолюцию поправку, которая вызвала справедливое возражение Луначарского и других. В это время Воровский явно недооценивал еще крестьянство, его беднейшие слои, как будущего союзника пролетариата в революции.

На одном из заседаний съезда был поднят вопрос об отношении между интеллигенцией и рабочими. Воровский выступил с речью, в которой обратил внимание делегатов, что и на съезде и в комитетах мало рабочих. Воровский считал очень важным, чтобы комитеты обратили особое внимание на теоретическую подготовку рабочих-комитетчиков и политическое воспитание их на живой партийной работе, В. И. Ленин поддержал Воровского и тех ораторов, которые были за энергичное введение рабочих в партийные комитеты.

— Я очень бы сочувствовал тому, — говорил Ленин, — чтобы в составе наших комитетов на каждых двух интеллигентов было восемь рабочих.

6 мая, вечером, пришла очередь Воровскому выступить об отношении к либералам.

— Отношение наше к либералам, — говорил он, — определяется в главнейших чертах нашей программой, принятой на II съезде... Более обстоятельно отношение нашей партии к либералам было выражено в специальных резолюциях, принятых благодаря расколу на съезде в двух редакциях: Старовера (Потресова. — Н. П.) и Плеханова. Истекший почти двухгодичный период показал, насколько непригодна к жизни резолюция Старовера... Вопрос о соглашениях, особенно общеполитического свойства, едва ли вообще

имеет для нас значение. По отношению к либералам наш лозунг: врозь идти — вместе бить, если они вообще решатся бить...

Затем Воровский зачитал резолюцию. В прениях выступил В. И. Ленин. Он возражал делегатам, критиковавшим резолюцию Воровского за то, что в ней отсутствовал пункт о соглашении с либералами.

— Поднимать вопрос о соглашениях с либералами, — сказал Владимир Ильич, — неуместно. Дело у нас в России подошло к восстанию, а при таких условиях соглашение маловероятно...

С некоторыми поправками резолюция Воровского об отношении социал-демократии к либеральной буржуазии была принята единогласно.

Съезд подходил к концу. На последнем заседании съезд вынес благодарность редакции газеты «Вперед». В специальной резолюции отмечалась выдающаяся роль редакции газеты в критике отступлений от решений II съезда, в постановке вопросов тактики, в борьбе с демагогией в партии.

Съезд поручил ЦК создать новый Центральный орган, дав ему имя «Пролетарий».

Перед отъездом из Лондона делегаты посетили могилу Маркса. Они не спешили уходить с кладбища: каждый мысленно давал клятву довести дело Маркса в России до победы.

В ГАЗЕТЕ «ПРОЛЕТАРИЙ»

На заседании ЦК редактором «Пролетария» был назначен В. И. Ленин. 20 мая 1905 года в Женеве состоялось собрание сотрудников газеты. Было 12 человек: В. И. Ленин, В. В. Воровский, М. С. Ольминский, В. Д. Бонч-Бруевич, В. М. Величкина, П. Н. Лепешинский, В. А. Карпинский и другие. Отсутствовал только Луначарский: он сразу же после съезда уехал в Италию лечиться. На собрании решили, что ответственный редактор ЦО вместе с бывшими редакторами «Вперед» составят редакционную коллегию. Остальные из собравшихся образуют коллегию сотрудников при ЦО. Ответственным секретарем редакции был избран М. С. Ольминский.

Душой коллектива был Владимир Ильич Ленин. Сотрудники газеты испытывали, как писал А. В. Луначарский, огромное наслаждение от живого, находчивого и пламенного руководства В. И. Ленина. «Необычайная быстрота сообразительности, умение вдруг сопоставить несколько фактов, казавшихся очень разнородными, отдельными друг от друга, поразительная быстрота маневрирования, меткость формулировок — вот что нас поражало в нашем вожде. И это было сдобрено непередаваемым, очаровательным лукавством по отношению к противнику...»

Воровский продолжал учиться у Ленина мастерству журналиста: принципиально оценивать материалы сотрудников, бережно править рукописи авторов, если дух статей был выдержан в партийных позициях. К недостаткам Воровский был нетерпим и отвергал неудачные статьи или отсылал их автору на переделку. Воровский стремился к точной, углубленной и

заостренной формулировке статей, но сохранял манеру письма автора.

У Воровского был легкий, слегка иронический стиль. Он, казалось, соответствовал внешнему облику Вацлава Вацлавовича. С приятными мягкими манерами, изящно одетый, Воровский служил прямым контрастом М. С. Ольминскому — ответственному секретарю редакции. Это был крепкий человек с седой окладистой бородой. Строгий взгляд из-под опущенных нахмуренных бровей нередко пугал незнакомых людей. Но душа у Михаила Степановича была добрая, отзывчивая, ласковая. Он был строг только в работе.

Однажды к Воровскому пришел Н. Чужак, сотрудник «Пролетария», и стал жаловаться на М. С. Ольминского, который так выправил заметку, что в ней ничего не осталось авторского.

Вацлав Вацлавович усмехнулся и, поглаживая маленькую бородку, спросил:

— А точка в конце осталась? Ну, тогда хорошо. Василий Васильевич строг к авторам, он им спуска не дает...

Воровский был более свободен, чем другие сотрудники, поэтому отдавал газете много времени и сил. Он часто писал сам (нередко темы ему подсказывал Владимир Ильич), заказывал статьи, правил рукописи, просматривал корректуру.

А. В. Луначарский, одаренный журналист, прекрасный оратор, непосредственно в работе редакции мало участвовал, так как находился во Флоренции. Оттуда он вел переписку с редакцией.

М. С. Ольминский в основном был загружен черновой работой, часто хандрил. В это время на нем сказывалась усталость от интенсивной борьбы с меньшевиками перед III съездом, когда брошюры Галерки метко разили идейных противников.

В. И. Ленин и В. В. Воровский, по существу, вели всю работу. «Дело вести трудно, — писала Н. К. Крупская в Россию, — Воинов уехал, Галерка закис, денег ниоткуда нет, вся дельная публика понемногу уезжает, работы уйма».

В. И. Ленин настойчиво звал А. В. Луначарского в Женеву. В одном из писем Анатолию Васильевичу Ленин писал о плохом настроении политэмигрантов в Женеве: это милые ребята, но ни к дьяволу не годные политики. Нет у них цепкости, нет духа борьбы, ловкости, быстроты. «Вас. Вас. (М. С. Ольминский. — Н. П.) крайне типичен в этом отношении, — указывал Владимир Ильич, — милейшая личность, преданнейший работник, честнейший человек, он, я боюсь, никогда не способен стать политиком. Добер он уж очень, — даже не верится, что «Галеркины» брошюры писаны им. Боевого духа он не вносит ни в орган (все жалеет, что я не даю ему писать добрых статей о Бунде!), ни в колонию»^[13].

По совету Владимира Ильича Ольминский взял отпуск и уехал отдыхать. Обязанности ответственного секретаря легли на Воровского.

В то же время Воровский выполнял и другие партийные поручения. Он был одним из руководителей рабочего кружка. Летом 1905 года Воровский выезжал в города Швейцарии и Франции, где читал рефераты, пропагандируя революционную тактику большевиков.

Воровский горячо брался за то дело, которое поручал ему Ленин. О необыкновенной партийной дисциплинированности Воровского хорошо впоследствии сказал П. Лепешинский — один из старейших деятелей нашей партии: «...Редко кто-нибудь из нас обладал такой способностью скромно подчинять свою волю партийной дисциплине, какая была всегда свойственна Вацлаву Вацлавовичу. Это был настоящий солдат революции в идеальнейшем смысле

этого слова. Нужно идти в подполье — слушаюсь! Нужно оставаться на своем революционном посту — будьте покойны! Нужно взяться за литературное перо или за корректурный карандаш, просиживая в редакции с утра до поздней ночи, — есть! Других реакций на требование своего революционного центра у Вацлава Вацлавовича никогда не было да и не могло быть...»

Но Воровский был все же прирожденный литератор, партийный журналист по складу своего ума и по биению своего горячего сердца. Отлучившись летом из Женевы, Воровский продолжал поддерживать связь с редакцией «Пролетария» и выполнять свои обязанности редактора. Он регулярно писал статьи, советовался с Владимиром Ильичем.

«Дорогой Владимир Ильич! — писал Воровский 7 августа 1905 года. — Посылаю Вам статью для передовицы. Вышла неважно, посмотрите, пускать ли; как-то эту неделю не писалось... Посылаю обратно статью «Петуха» — настоящий петух. Статья, собственно говоря, ерундовая — разве что на затычку. Набросал я к ней несколько ругательных слов. Посылаю документ Над[ежде] Конст[антиновне] и извиняюсь за задержку. Пока всего хорошего. Завтра, вероятно, кончу просмотр перевода, над которым порядочно пришлось посидеть. Всем привет. Шварц».

На другой день Воровский выслал Ленину перевод книги Маркса «Введение в философию права Гегеля», который он редактировал. Воровский сообщил Владимиру Ильичу недостатки перевода и его собственные уточнения.

16 августа Воровский снова написал Владимиру Ильичу. В письме он делится своими впечатлениями от чтения статьи Мартова против Гэдиста (Г, Лейтейзена). Воровский указывал, что его огорчение сменилось облегчением, когда он увидел, как злоба помрачила разум Мартушке (Мартову) и тот вместо справедливого

«разнесения» сбился на пошлую болтовню. Далее Воровский сообщал о своей статье, которую он написал в защиту Лейтейзена, и послал ее Владимиру Ильичу, не пригодится ли? «Говоря между нами, черт бы побрал публицистический недуг «нашего друга» Лейтейзена. Писал бы о французских делах — и довольно.

Чует мое сердце, что, если Вы одобрите статью, Вы начнете ее «смягчать»... Но мне кажется, этого не следует. Они (то есть меньшевики из «Искры». — Н. П.) чересчур зарвались в своем доносительском рвении, и нужно, наконец, назвать вещи по именам и дать им по морде. Жму руку. Привет от нас Елизавете Васильевне^[14] и Надежде Константиновне».

В свою очередь, Ленин давал поручения Воровскому, просил его написать брошюру и делился с ним своими планами.

В конце августа Воровский получил от Ленина письмо. День был жаркий, стояла духота, как перед грозой. Иногда налетал ветер, и столб пыли вставал перед окном. Воровский только что вернулся с собрания, где читал реферат, снял пиджак и сел отдохнуть. Дора Моисеевна подала ему письмо, и он углубился в него. Ильич просил заняться брошюрой об избирательном законе. Предложение было заманчивым, но тут, в Берне, под рукой у него не было необходимых материалов. Воровский сел и написал об этом Владимиру Ильичу. Накануне Воровский прочитал плехановский «Дневник» № 2, и его возмутила очередная статья Плеханова об исторических экскурсах, где автор немецкую революцию подменил французской и заявил, что это для Маркса, мол, все едино. В письме Воровский обращал внимание Ленина на эту статью Георгия Валентиновича и на его «аргументы». «Вообще вся его статья, — писал Воровский, — характерное плехановское гаерство: не возьму аргументом — совру

аргумент; не удастся соврать — сострою; не удастся сострить — пущу инсинуацию.

А этот намек на эмпириомонизм — автором и единственным литературным защитником его является Богданов — разве это не гнусность?»

В. И. Ленин хорошо знал слабые и сильные стороны своих соратников. Он высоко ценил, например, литературный талант Воровского, но вместе с тем в письме к А. Луначарскому писал: «Шварц в отсутствии: пишет он оттуда усердно и хорошо, даже как будто лучше, чем здесь, но только пишет. А лично воздействовать на людей и уметь направлять публику и собрания он редко в состоянии даже тогда, когда в Женеве» И наоборот, Ленин отдавал должное ораторскому таланту Луначарского. Однако Владимир Ильич признавал, что Луначарский не настолько марксистски тверд, как, скажем, Воровский. Зная особенности своих друзей, В. И. Ленин расставлял партийные силы так, чтобы каждый в отдельности мог принести наибольшую пользу делу революции.

А в России полным ходом шло революционное брожение. Заволновалась и армия — оплот царского самодержавия. Вспыхнуло восстание на броненосце «Потемкин». Оно было жестоко подавлено, но нашло горячий отклик в сердцах простых тружеников. Героический поступок черноморских моряков вдохновил Воровского. Он посвятил ему замечательный очерк «Корабль-скиталец», напечатанный в 10-м номере «Пролетария». Очерк проникнут оптимизмом, верой в победу революции.

«Князь Потемкин-Таврический» сдался румынским властям, — писал Воровский. — Но разве это поражение революции? Нет, вся кампания этого первого революционного броненосца была сплошной победой революции. Разве она не раскрыла бессилия противника? Разве она не разоблачила революционного

брожения в самой, казалось, прочной опоре трона — флоте и армии? Разве она не заставила Николая унижаться до просьбы о помощи у иностранных держав? Разве она не сорвала отрепьев порфиры, прикрывающих наготу самодержавия? Нет, не на этом одном судне покоились надежды русской революции. Его история была лишь одним из эпизодов, одним из многочисленных эпизодов ее. Тот могучий броненосец, которому суждено освободить Россию... — он жив, он цел, грозной громадой надвигается он на врага, зловеще сверкают жерла пушек, жаждой боя сгорает команда, а высоко в воздухе радостно бьется и трепещет красное знамя свободы».

ПОЕЗДКА В БЕРЛИН

В начале октября Воровский получил от Ленина задание: съездить в Берлин и переговорить с М. Рейснером — профессором-либералом, а заодно узнать мнение немецких социал-демократов о положении в России.

— «Папаша» настойчиво просит, — ответил Владимир Ильич на молчаливый вопрос Вацлава Вацлавовича. — Захватите с собой Дору Моисеевну и прогуляйтесь вдвоем. У нее ведь, кажется, в Берлине родственники?

— Сестра...

— Ну вот, видите... Пишите оттуда обо всем подробнее, ставьте меня в известность. Помните, я на вас надеюсь...

Вскоре В. И. Ленин и Н. К. Крупская известили ЦК РСДРП и М. М. Литвинова («Папашу») о том, что Орловского пришлось услатить по делу...

Посылая Воровского для переговоров в Германию, Ленин знал, что Вацлав Вацлавович сделает все, чтобы добиться успеха. Владимир Ильич не раз убеждался в необыкновенной честности Воровского, в его добросовестности, порядочности, трудолюбии. Воровский нередко выступал как доверенное лицо Владимира Ильича в разного рода партийных переговорах, комиссиях, третейских судах с меньшевиками и т. д.

В Берлин Воровский приехал не впервые. И поэтому он уже не поражался чистоте прямых улиц, омытых осенним дождем, строгому уличному движению, островерхим домам и учтивым, пунктуальным немцам. Зная немецкий язык, он был в Берлине как дома:

рекламы указывали отель, где он мог остановиться, ресторан, где пообедать, магазин, где можно приобрести необходимую вещь.

Профессор М. А. Рейснер произвел на Воровского двойственное впечатление. С одной стороны, ученый муж был настроен радикально, разыгрывал из себя «марксиста», социал-демократа, а с другой — был настолько наивен в оценке фактов и событий, что заставлял думать: это человек посторонний для русской социал-демократии. О своем впечатлении Воровский известил Ленина.

«Если бы из него и получился с.-д., — писал Воровский, — то в конечном счете это был бы самый зловонный оппортунист. Вот минусы, с которыми надо считаться. А теперь плюсы. Это человек с большими и широкими связями во всевозможных кругах. Пользуется авторитетом и влиянием. Может доставать деньги, читать рефераты, писать в немецкой прессе. Вхож в буржуазные (либеральные) круги, русские и немецкие. Может быть нам очень полезен и ценен. Было бы неразумно отталкивать, но было бы большой ошибкой привлекать в партию. Это не Гапон, не чернорабочий, а «профессор». Пользоваться им надо в самых широких размерах, но не надо давать ему права говорить от имени партии или вообще с. — д... Между прочим он не любит меньшевиков — это нужно использовать. По вопросу о Государственной думе он стоит на нашей точке зрения (должно быть, его сильно обидели!)».

Далее Воровский сообщал Ленину о плане, который выдвигал профессор Рейснер: устроить конференцию сторонников бойкота думы. В этом было здоровое ядро: конференция с Бундом, латышами и социал-демократами Польши и Литвы могла быть выгодной в политическом отношении. Это заставило бы меньшевиков либо присоединиться, либо остаться за

флагом — в обоих случаях подняло бы шансы большевиков за их счет.

Получив это письмо, Ленин лишний раз убедился в том, что Воровский мог толково вести беседу, умел выяснить точку зрения собеседника, правильно сопоставить факты и сделать из них соответствующие выводы. Поэтому, когда встал вопрос, кого послать в Международное социалистическое бюро, Ленин рекомендовал туда Воровского. «Усердно прошу, — писал Владимир Ильич в ЦК РСДРП, — бросьте теперь совсем мысль о Плеханове и назначьте своего делегата из большинства. Только тогда мы вполне будем обеспечены. Хорошо бы назначить Орловского. Он знает языки, умеет говорить и обладает представительностью»^[15].

А когда ЦК не поддержал его просьбу, Ленин весьма сожалел об этом.

Нарастающие революционные события в России настоятельно требовали, чтобы большевики чаще выступали с призывом к вооруженному восстанию. И такие призывы были почти в каждом номере газеты. Воровский из Берлина постоянно писал в «Пролетарий» пламенные статьи.

Воровский посетил в Берлине видных немецких социал-демократов: А. Бебеля, К. Каутского, Р. Люксембург. О своих беседах с ними Вацлав Вацлавович регулярно и обстоятельно информировал Владимира Ильича.

В то время Бебель симпатизировал меньшевикам и всячески старался принудить большевиков к объединению с меньшевиками. В разговоре с Воровским он высказался против бойкота Государственной думы. Он находил, что при слабых силах русских социал-демократов осуществить бойкот, сорвать думу не удастся, а потому бойкот привел бы лишь к удалению из

думы той горстки депутатов, которые могли бы пользоваться думой как трибуной для разоблачения правительства перед Россией и Европой. Бойкот, заявлял Бебель, при таких обстоятельствах будет только на руку правительству.

Воровский задал Бебелю вопрос: следует ли выставлять социал-демократические кандидатуры? На это Бебель ответил, что, если только возможно, обязательно. Воровский пошутил: может, Бебель искровец? Бебель уверял, что он не является приверженцем ни «Искры», ни «Пролетария».

— В вашем споре, — сказал Бебель, — обе стороны в той или в другой мере виноваты.

Через несколько дней Воровский побывал у Карла Каутского и Розы Люксембург.

Возвращаясь с очередного визита в русскую колонию политэмигрантов, Воровский купил в киоске русские газеты. Развернув одну из них на ходу, он прочел сообщение из Москвы об убийстве 18 октября Николая Баумана. Вацлав Вацлавович был потрясен этим известием. Не верилось, что погиб его хороший друг и партийный товарищ...

Царизм был жесток. Он не хотел уступать своих прав, расправлялся с борцами за свободу.

«Но всех нас не убьешь, — думал Вацлав Вацлавович, — нас много».

В октябре 1905 года намечалась поездка Ленина в Финляндию или Швецию на заседание ЦК. Владимир Ильич рассчитывал на Воровского, как на своего заместителя по газете, и согласился выехать после возвращения Воровского. Владимир Ильич писал в ЦК, что Орловского он сможет вернуть через неделю, и тогда кое-как они обошлись бы недели две без него...

[16].

Но Вацлав Вацлавович возвратился из Германии только в конце октября.

...В России обстановка требовала руководства со стороны большевиков. В. И. Ленин срочно выехал в Стокгольм, а затем в Россию. Туда же потянулись и другие работники редакции. Вскоре уехал и Ольминский. Покидая Женеву, Ленин пожелал успеха Воровскому и просил скорее кончать дела и приезжать в Питер в «Новую жизнь».

— Слушаюсь, Владимир Ильич, — с грустью в глазах ответил Воровский. «Все едут в Россию, а мне все еще тут киснуть», — мелькнуло у него в голове, но он ничего не сказал Ильичу, а только наморщил свой открытый лоб и слегка нахмурил брови.

...За окном падал снег. Тяжелые белые хлопья медленно опускались на тротуар. Скоро все стало белым-бело. «Совсем как на родине», — подумал Воровский, печально глядя через стекло...

И Воровский остался фактически единственным руководителем Центрального органа. Без Ленина он выпустил два последних номера «Пролетария» (25 и 26). Эти номера полны предчувствия революции. «Грозовые тучи скопляются над Россией самодержавия и произвола, — писал Воровский. — Буря будет. Здоровая, очистительная буря».

Глава V В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ

В ПЕТЕРБУРГЕ И ГЕЛЬСИНГФОРСЕ

Под натиском революции царское самодержавие было вынуждено пойти на некоторые уступки. Манифестом 17 октября была дарована «свобода» слова, печати, обещана дума. Издавая манифест, царское правительство рассчитывало задушить революцию. Но революция продолжалась. Большевики объявили активный бойкот Булыгинской думе — совещательному собранию представителей помещиков и крупной буржуазии, и она была сметена вихрем поднявшейся бури.

Но партия большевиков воспользовалась куцей свободой, дарованной батюшкой-царем, и решила выпускать в Петербурге легально газету «Новая жизнь». В редколлегию этого органа В. И. Ленин включил В. В. Воровского.

Владимир Ильич хотел привлечь и Г. В. Плеханова. В разгар революции русской социал-демократии следовало объединить свои усилия и бить врага вместе. «Что мы, большевики, — писал Ленин Плеханову, — страстно желаем работать вместе с Вами — это мне вряд ли нужно повторять Вам. Я написал в Питер, чтобы все редакторы новой газеты (пока их семеро: Богданов, Румянцев, Базаров, Луначарский, Орловский, Ольминский и я) обратились к Вам с коллективной и официальной просьбой войти в редакционную коллегию»^[17]. Плеханов отказался.

Закончив дела в Женеве, Воровский выехал в Россию.

В конце ноября Воровский прибыл в Петербург. С утра нависшие темно-серые тучи рассеялись. Выглянуло, словно стыдясь, тусклое солнце. Снег

заискрился, и сразу преобразился город. Воровский любил Петербург: ему нравились широкие проспекты, большие современные здания. Его как инженера радовала строгая, хорошо продуманная планировка улиц, красивое сочетание архитектурных ансамблей. И действительно, город был изумительно красив. Памятники старины хорошо гармонировали с обликом города, составляя его неотъемлемую принадлежность. По Невскому мчались санки, взвихривая снежную пыль...

Но жизнь в столице империи была напряженной. Рабочие митинговали. Собираясь группами с красными знаменами у ворот заводов, они требовали восстановить уволенных с работы. В день приезда Воровский зашел было на телеграф, но там было пусто. Бастовали и почтово-телеграфные служащие.

В гостинице «Париж» на Караванной улице Воровский снял номер и поспешил в редакцию. Там кипела работа. Воровский познакомился с М. Горьким и М. Андреевой, издательницей газеты.

Ленин поручил Вацлаву Вацлавовичу вести иностранный отдел. Уже 2 декабря в «Новой жизни» появилась первая статья Ю. Адамовича (Воровского) «Севастопольское одоление», посвященная восстанию матросов под руководством лейтенанта Шмидта.

Легальный орган большевиков пользовался большой популярностью среди рабочих крупных городов России. Тираж газеты доходил до 80 тысяч и был по тому времени очень велик. Газета выражала чаяния широких масс народа — добиться свободы. Лучшие большевистские литературные силы: Ленин, Горький, Воровский, Луначарский, Ольминский и другие — трудились не покладая рук в газете.

Царское самодержавие всячески препятствовало распространению газеты. Отдельные номера «Новой жизни» конфисковывались и штрафовались. В конце

концов она была закрыта. Поводом для закрытия газеты послужило опубликование в 27-м номере финансового манифеста Совета рабочих депутатов, являвшегося, по существу, призывом к восстанию против самодержавия.

Вацлав Вацлавович Воровский, помимо руководства иностранным отделом, часто выступал в газете как публицист. Его гневный голос против тирании царизма звучал решительно и грозно. Имя Адамовича, под которым выступал Воровский, было хорошо известно среди большевиков Петербурга.

В начале декабря прибыл из Женевы В. Бонч-Бруевич, закончивший там дела по типографии и партийной библиотеке. В Питере Владимир Дмитриевич первым делом направился на Караванную улицу. Живой, подвижной, он не шел, а катился, как шарик, по коридору, отыскивая номер 48, где остановился Воровский. Но вот он у цели. Постучавшись, Владимир Бонч-Бруевич вошел. Вацлав Вацлавович стоял у небольшого чемоданчика и что-то прятал.

— Что это вы прячете?

— Орудие самообороны, — и Воровский вынул револьвер, — а если нужно, пойдём в атаку, — и он откинул у дула револьвера маленький штык вроде перочинного ножа, в полвершка длины и, сделав выпад, как ружьем, в сторону гостя, тихонько засмеялся.

— Ну, как тут дела? — заторопил Воровского Бонч-Бруевич.

— Не торопитесь, Бонч, новостей много, и не все приятны. Может, немного отдохнете? Вы, наверное, устали с дороги?

Бонч-Бруевич ответил, что об этом лучше не спрашивать, что он устал, как косой, за которым целый день гнались гончие...

Тогда Воровский гостеприимно предложил ему принять ванну. Но Владимир Дмитриевич затряс отросшей за дорогу бородкой и воскликнул:

— Какая там ванна! Вы скорее рассказывайте, где моя Вера Михайловна?

— Мне не хотелось вас сразу огорчать, но, видно, ничего не поделаешь, слушайте. Петербургский комитет арестован. На этом заседании была и ваша жена, так что сами понимаете... В тюрьму попали многие товарищи. Ильич перешел на нелегальное положение. Вначале он было прописался в участке, но увидел, что за ним стали наблюдать. Пришлось прятаться. Вот здесь, у меня, он ночевал несколько раз. Главный наш штаб расположился на Троицкой улице, в доме сочувствующего большевикам домовладельца Симонова. Там же помещается и редакция газеты «Новая жизнь». Да что я вам рассказываю, сейчас пойдем туда, и все сразу станет ясным. Но сначала напою вас чаем. Знаю, что вы любите с лимоном, — сказал Воровский, — и лимон у меня есть...

Выпив чаю, они отправились в «Новую жизнь». Владимир Ильич, которого они там встретили, казался усталым и задумчивым более обычного.

— Будьте с ним осторожны, Владимир Ильич, — обронил Воровский, когда Ленин пожимал руку Бонч-Бруевичу. — Он весь начинен взрывчаткой. Ему следует немедленно разоблачиться...

— Тогда отведите его в отдельную комнату и разминируйте, — посоветовал Владимир Ильич.

Бонч-Бруевича стали расшивать. Когда сняли панцирь, особенно тяжелый на груди, и пояс, путешественник вдруг закачался, теряя равновесие. Оказывается, он так за неделю путешествия привык к тяжести на груди, что теперь, лишившись ее, чуть было не упал. Под платьем Бонч-Бруевич привез немалый груз взрывчатки и патронов для револьверов.

— Ну, познакомить вас, Владимир Дмитриевич, с нашим инородным телом? — спросил Воровский, когда путник немного отдышался.

— Что вы имеете в виду? — спросил Бонч.

Воровский показал на соседнюю комнату, где склонился над столом поэт Минский и куда только что вошли поэтесса-декадентка Тэффи и писатель Чириков.

— Ничего не поделаешь, приходится пока идти на такое сожителство. Но вожжи в руках Ильича, газета наша, так что можете не тревожиться. А мне даже интересно: можно не только читать мадам Тэффи, но иногда и взглянуть на нее. Скоро их время кончится, другой такой случай вряд ли представится... Я, как вам известно, любитель изящной поэзии. И сам, грешным делом, ею тайком от жены занимаюсь...

Воровский с Бонч-Бруевичем прожили в гостинице неделю. Но и за это короткое время Бонч-Бруевич сумел развить поразительную деятельность. Почти каждый вечер он заходил в номер к Воровскому и предлагал один проект за другим: то носился с планом издательства, то с планом журнала для широкой публики. Наконец порешили на журнале «Наша мысль». Он начал выходить с января 1906 года. Это был большевистский еженедельный журнал, в котором Воровский поместил несколько своих статей. Вышло пять номеров, и журнал был закрыт правительством за явно враждебное царизму направление.

А в это время в Москве события развивались более стремительно. По призыву Московского Совета рабочих депутатов 20 декабря началась всеобщая политическая забастовка. Забастовали рабочие фабрик и заводов, прекратилась работа в типографиях, встали поезда. Только Николаевскую железную дорогу не удалось остановить...

На московских фабриках и заводах проходили бурные митинги и собрания. Над головами скромно одетых людей тревожно забились гудки, на вокзалах засвистели локомотивы. Пролетарская Москва дружно поднялась на борьбу с ненавистным самодержавием и

капиталистами. Забастовка переросла в вооруженное восстание.

Девять дней длился неравный бой. По Николаевской дороге были переброшены войска. Началась расправа с восставшими. Баррикады окрасились кровью. Дольше всех держалась Пресня — последний оплот рабочих.

Воровскому хотелось самому пробраться в Москву, очутиться поближе к месту битвы, но проехать туда оказалось невозможным: дорога была забита военными эшелонами.

Вслед за Москвой в конце 1905 — начале 1906 года восстания вспыхнули и в других городах России: Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Перми, Красноярске, Чите. В Новороссийске восстание окончилось победой рабочих. За оружие взялись шахтеры Донбасса, рабочие — металлисты Екатеринослава. На вооруженную борьбу против царского самодержавия поднялся народ Украины, батраки Польши и Прибалтики, крестьяне Гурии, рабочие Финляндии.

Отголоски московского вооруженного восстания разнеслись по всей необъятной Российской империи.

В Петербурге Воровскому приходилось выступать на собраниях, партийных митингах, полемизировать с меньшевиками, отстаивать ленинскую точку зрения главным образом по вопросам тактики.

Однажды Петербургский комитет РСДРП попросил Воровского выступить на большом собрании. Правда, Воровскому совсем не хотелось говорить перед широкой аудиторией, но долг обязывал. Пришлось согласиться.

В зале собрались члены фабрично-заводских ячеек и партийные агитаторы. Были и меньшевики. Они выступали против бойкота I Государственной думы. Воровский же отстаивал бойкот. Он старался говорить спокойно, последовательно и логично. Не прибегал к

дешевым эффектам, не выкрикивал громких фраз, не стучал кулаком. Он хорошо усвоил то, что ему советовал Ильич: «Не возбуждать, а убеждать!» Вацлав Вацлавович старался аргументированно доказать свою правоту.

В конце декабря Воровский выехал в Финляндию, где должен был проходить IV съезд РСДРП. Но съезд не состоялся из-за начавшейся забастовки железнодорожных рабочих. Съехавшиеся делегаты провели в городе Таммерфорсе первую конференцию РСДРП. Задачи момента требовали объединения большевиков с меньшевиками, и конференция положила этому начало. На ней также было принято решение о бойкоте I Государственной думы.

В те дни Вацлав Вацлавович часто бывал в квартире сочувствующего большевикам В. М. Смирнова, в Гельсингфорсе, на Елизаветской улице, и пользовался его книгами. В. М. Смирнов работал в университетской библиотеке и имел неплохую домашнюю библиотеку. В его квартире Воровский постоянно встречался с В. И. Лениным, А. В. Луначарским, Н. К. Крупской и другими товарищами, прибывшими на конференцию. Здесь шли оживленные беседы, обсуждались разные вопросы, намечалась тактическая линия.

Забравшись в библиотеку, Воровский целиком отдавался работе. Он любил сидеть за книгой, делал нужные выписки, готовил статьи. Делал он все не спеша. Подперев рукой лоб, внимательно вчитывался в текст, отмечал оригинальные мысли, радовался, когда встречал острое словцо. Лицо оставалось неподвижным, смеялись только глаза: в них плясали огоньки. Но вот Воровский углублялся в текст, и глаза замирали, становились задумчивыми.

После окончания конференции Воровский остался на некоторое время в Финляндии. Он подготовлял материалы для брошюры «Государственная дума и

рабочий класс». В ней он намеревался разоблачить перед рабочими новый правительственный избирательный закон от 11 декабря 1905 года.

В своих письмах к жене Воровский просил выслать материалы, которых он не мог разыскать в Финляндии. Он писал, что материалы ему необходимы, так как его брошюра требует еще много работы и закончить ее надо. К тому же Владимир Ильич поощрял его. В. И. Ленина действительно заинтересовала работа Воровского. «Он с любовью роется в моих записях и беседует о деталях, — писал Воровский. — Жаль только, что розыск материалов занимает много времени. Я, между прочим, отложил другие работы (для «Образования» и «Правды»), так как к сроку готовить не имею возможности, голова другим занята. Займусь ими, когда освобожу голову от кучи цифр, таблиц, связанных с думой».

В своей брошюре Воровский хотел высмеять самодержавие, которое, пойдя на уловку, несколько расширило избирательные права, дав их некоторой части рабочих. Умело оперируя статистическими Данными, цифровыми показателями, таблицами и другими документами, Воровский старался доказать, что рабочему по закону от 11 декабря попасть в думу труднее, чем верблюду пройти через игольное ушко.

В конце января Воровский вернулся в Петербург и сдал в печать свою работу. Вскоре она вышла в свет.

ПЕРЕД IV СЪЕЗДОМ РСДРП

Декабрьское вооруженное восстание в Москве было подавлено, но революция все еще продолжалась. По всей России прокатилась волна стачек, забастовок, демонстраций, протестов. Весной 1906 года начались волнения в деревнях и селах обширной Российской империи. Нужно было сплотить партийные ряды, объединиться с меньшевиками, выработать совместный план действий. Эти задачи и должен был разрешить IV съезд РСДРП.

В феврале 1906 года были созданы «Партийные известия» — орган объединенного ЦК РСДРП. От большевиков в редакцию вошли Луначарский, Воровский и Базаров. Вышло всего лишь два номера этой газеты.

Накануне съезда по заданию Ленина Воровский выехал в города Европы, где находились многочисленные группы русских политэмигрантов.

1 марта на пароходе Воровский покинул столицу Финляндии.

«Море и горы разделили нас, — писал он жене, — и всякий раз, как я стараюсь подняться на цыпочки и посмотреть, где ты, поднимается из моря громадная, седая, злая голова и показывает мне зеленый, мокрый, покрытый водорослями язык. И напрасно я бегаю вокруг борта, смотрю направо, смотрю налево, зову... тебя — кругом только море и море, холодное, стальное, зловещее море с белыми гребнями на волнах, бесконечное, однообразное».

...В каюте Воровский задремал. Сквозь сон он услышал какой-то звонок. Потом тишина. Так прошло минут десять. Но вот раздался громкий крик «ура», а

затем хор подхватил какую-то песню. Воровский быстро оделся и выбежал на палубу. Пароход тяжелой массой шел вперед, раздвигая льды, а на нижней палубе группа людей махала платками и пела «Вихри враждебные». Это были русские политэмигранты.

«Куда направились эти несчастные? Где найдут они себе лучшую жизнь?» — думал Воровский, обходя палубу.

По другому борту на палубе расположились эмигранты-финны. Они встали в ряд и тоже затянули... Песня была угрюмая и мрачная.

Пароход двигался. На берегу светилась огнями гавань, кругом, насколько хватает глаз, тянулось белое поле льда. Пароход медленно пробивал дорогу. Сверху, со звездного неба, смотрела молодая луна. Но вот лед кончился, словно его ножом обрезали. Вышли в чистое море, в лунном свете заиграли волны...

Был девятый час утра, когда Вацлав Вацлавович проснулся. Пароход двигался так плавно, что Воровский подумал, не стоят ли они на месте. Он подбежал к иллюминатору. Кругом было море и море. Он оделся и вышел на палубу.

Дул небольшой встречный ветер. Ясное теплое утро. Палуба походила на бульвар в Николаеве. На скамейках сидели обыватели, по галереям разгуливали «барыньки», одни или с «кавалерами», и распевали чувствительные романсы. Тут же образовался кружок. Толстощекий мужчина распевал под дудочку какие-то песенки.

Воровскому стало невтерпеж от этого сытого благополучия, и он, спустившись в кают-компанию, приступил к работе. «Время дорого, надо с пользой тратить его», — таково правило Воровского. Он не любил проводить время праздну. Если уставал от работы, менял занятия. В лучшем случае гулял на

воздухе, чтобы отдохнуть; занимался гимнастикой, чтобы освежиться. А потом снова сажился за стол.

Теперь Воровский решил заняться переводом. Это вызывалось тогда потребностями самой революционной борьбы русского пролетариата. Изучая в немецком подлиннике «Манифест» Маркса и Энгельса, Воровский, как настоящий большевик-ленинец, заметил, что в плехановском переводе «Манифеста» допущено много серьезных недочетов и грубых ошибок, искажающих мысли Маркса и Энгельса по вопросу о соотношении между стихийностью и сознательностью. Эти недостатки в переводе серьезно затрудняли уяснение широкими партийными и рабочими массами правильной ленинской тактики в годы первой русской революции. Это и побудило большевика Воровского взяться за новый перевод «Манифеста».

И вот сейчас Воровский принялся за перевод «красного катехизиса». Он достал свои записи. Вчерне ему удалось сделать перевод еще раньше, в Петербурге. Сейчас надо было уточнить смысловые оттенки, отшлифовать язык — отредактировать переведенные главы.

Через несколько дней Вацлав Вацлавович прибыл в Берлин. Весна уже вступила в свои права. В городе было сухо, чисто и тепло. На улицах продавали тюльпаны: нежно-розовые, как утренняя заря, ярко-желтые, словно яичный желток, синие с золотистой каемкой. Воровский купил небольшой букетик цветов. В парках под бдительным оком гувернанток резвились краснощекие малыши. Пестрые афиши извещали о гастролях Московского Художественного театра: «Царь Федор Иоаннович», «Три сестры», «Дядя Ваня», «На дне», «Доктор Штокман»...

Здесь Воровский встретился с М. Горьким и его женой. Познакомились ближе, чем в Петербурге. Вацлав Вацлавович был сразу очарован милым отношением к

нему Алексея Максимовича и Марии Федоровны. Он часто бывал у них. Нередко их дружеские разговоры прерывал очередной репортер, спешивший взять интервью у М. Горького. Иногда Воровский, Горький и Андреева совершали прогулки по улицам Берлина. Публика останавливалась и разглядывала русского писателя. Алексею Максимовичу это страшно надоедало, и он говорил своим окающим баском:

— Давайте скроемся, надоели! Не пора ли чай пить?

Приходилось возвращаться в гостиницу. Воровский в таких случаях начинал прощаться, но Алексей Максимович не отпускал его:

— Как это без чаю, Вацлав Вацлавович! Мы ведь русские!

Горький пил чай с блюдечка, вприкуску. Сахар был наколот мелкими кусочками. Он заявлял, что так его учил дед.

Мария Федоровна просила Воровского заняться с ней английским. Она знала, что Вацлав Вацлавович свободно владел шестью иностранными языками: немецким, французским, английским, итальянским, шведским и польским. Приходилось задерживаться. Его оставляли ночевать, но Воровский откланивался: утром надо было поспеть на собрание русских политэмигрантов, передать листок о съезде.

Ночевал Вацлав Вацлавович у Житомирского, с которым был знаком еще по Женеве. Житомирский принял Воровского приветливо, предоставил ему кушетку. Воровский даже удивился, что к нему так любезны: они лишь встречались несколько раз в Женеве. И только.

Житомирский в партии был известен как Отцов. По профессии врач. Чернявый, приторно вежливый. Незаметно он старался выведать у Воровского, кто из знакомых большевиков в России, что делают, зачем приехал он в Берлин, куда еще поедет... Но Воровский

не был особенно откровенен с тем, кого хорошо не знал, и поэтому рассказывал мало. И в этом случае осторожность Воровского сослужила хорошую службу: впоследствии выяснилось, что Житомирский — провокатор.

Ознакомившись с делами, Воровский сообщил жене 7 марта: «Здесь, в Германии, в частности, мне совсем нечего делать, так как тут, оказывается, устроено уже все так, что мне приходится только делать *bonne mine à mauvais jeu* (хорошую мину при плохой игре. — Н. П.). Сижу исключительно из-за групп и других мелочей. Думаю обязательно кончить здесь брошюру, а то в дальнейшем не удастся.

Немножко, грешным делом, я увлекаюсь обществом Горького и теряю с ним немало времени, но он такой интересный парень и для меня лично дает так много для наблюдения и проч., что не могу отказать себе в этом удовольствии».

Однажды Воровский присутствовал на вечере Максима Горького в немецком театре. Горький читал «Горячее сердце» (из «Старухи Изергиль»). Потом он, Андреева, Качалов и Москвин читали сценку из «На дне». Качалов читал также «Песню о соколе». Общее впечатление было среднее. Горький на сцене читал хуже, чем дома, притом голос его терялся, и в обществе опытных актеров он стушевывался...

В те дни Горький собирался в Америку, чтобы «заработать» там денег для партийных нужд, в частности для съезда. Ему нужен был человек, знающий английский язык, который бы сопровождал его, устраивал концерты и т. д. М. Горький предложил Воровскому поехать с ним.

Воровский не мог отправиться с Горьким: он выполнял поручение В. И. Ленина объехать города Европы, где находились русские социал-демократы, и, кроме того, должен был присутствовать на IV съезде

РСДРП. Горького сопровождал в Америку Н. Е. Буренин, член боевой организации большевиков.

Весной 1906 года в России началась избирательная кампания по выборам в I Государственную думу. Большевики считали, что эта дума ничего рабочим не даст, но может породить в их сознании конституционные иллюзии. Именно на это и указывал Воровский в своей брошюре «Государственная дума и рабочий класс». Находясь за границей, он писал и другую брошюру, большую по объему, в которой также призывал к бойкоту I Государственной думы.

Находясь в командировке, Воровский продолжал регулярно сотрудничать в легальной прессе. Он писал в толстый литературно-общественный журнал «Образование», в еженедельник «Вестник жизни» и т. д. В это время литературная деятельность его была очень плодотворной.

Рабочие внимательно следили за его статьями в нелегальной и легальной прессе, обсуждали их на вечеринках. Яркие, доходчивые материалы Воровского популяризировали в массах ленинские идеи.

«Статьи Воровского в журнале «Образование», — вспоминал старый революционер И. Мордкович, — и в других легальных марксистских журналах я читал, можно даже сказать, учился на этих статьях, ибо они всегда были посвящены принципиальным вопросам марксизма и строго выдержаны в последовательно марксистском духе».

Иногда рабочие в своих письмах в редакцию просили, чтобы П. Орловский (В. Воровский) высказался по тем или иным наболевшим вопросам. И такие статьи вскоре появлялись.

Воровский продолжал заниматься редактированием своего перевода «Манифеста Коммунистической партии».

В 1906 году издательство «Знание» выпустило «Манифест» в переводе П. Орловского. Его перевод отличался большой точностью и был безупречен с литературной стороны. В. И. Ленин весьма ценил перевод Орловского и считал его одним из лучших переводов «Манифеста».

Закончив дела в Германии, Воровский хотел было выехать в Бельгию, но неожиданный приезд М. Литвинова задержал его. Наконец 20 марта Вацлав Вацлавович пустился в дальнейший путь. Он приехал в Брюссель, где повидал товарищей по партии. «Завтра устраиваю дела с французами, — сообщал он жене 21 марта. — Вечером съезжу в Льеж — там м-ки (меньшевики. — Н. П.) какую-то гадость сделали (подозреваю). Послезавтра утром выезжаю за море».

Предчувствие Воровского не обмануло: в Льеже меньшевики действительно обособились и не хотели идти на объединение.

«Там эти прохвосты, — сообщал Воровский в Петербург, — затеяли пакость. Мое появление сконфузило их, и они пошли на попятный. О подробностях расскажу при свидании. И типы же создаются нашим временем!»

На небольшом пароходике (надо было экономить партийные деньги!) он пересек Ла-Манш и прибыл в Англию. В воскресенье попал в Лондон. Грело весеннее солнце. На душе у Воровского сразу потеплело. Он снял номер в отеле и пустился бродить по городу, проголодался и решил зайти в ресторан. Но, увы, ресторан был закрыт. Пошел в другой, но и там дверь на запоре. Тогда Воровский обратился к одному прохожему и спросил по-английски, где он может пообедать.

— Только дома, — ответил вежливо сухопарый джентльмен. — В воскресенье все рестораны закрыты. Такова традиция. Все отдыхают...

Воровский выругал в душе эту «традицию» и побрел в отель. Настроение испортилось...

...Только в понедельник Воровский встретил нужных ему людей. Собрались в портовом кабаке. Воровский познакомил присутствующих с обстановкой в России, рассказал, что реакция наглет, что нужно объединиться в борьбе с самодержавием, что партийный разлад вносит разлад и в рабочее движение. Тут же была принята резолюция, в которой говорилось о необходимости объединения большевиков и меньшевиков,

Воровский вновь пересек Ла-Манш и днем 27 марта был уже в Париже. В столице Франции он был не первый раз, но по-прежнему любовался его архитектурой, шумом парижских улиц, пестротой толпы.

Вот и сейчас, по пути с вокзала в гостиницу, Воровский смотрел на знаменитый собор Нотр-Дам, восхищаясь его красотой.

В обязанности Воровского входило не только встретиться с русскими политэмигрантами, но также узнать мнение зарубежных социал-демократических деятелей об объединении РСДРП. Он побывал у Жореса и говорил с ним. Жорес поддерживал объединение. Он вообще недоумевал, почему русская социал-демократическая партия раскололась.

— Надо бороться вместе, — заявил он, прощаясь с Воровским.

Как ни занят был Воровский во Франции, как он ни торопился в Швейцарию и Австрию, чтобы скорее закончить объезд городов и вернуться в Россию, он все же нашел время, чтобы осмотреть сокровища Лувра. «Избегал его весь, — писал он жене 29 марта, — ты знаешь, что это вроде как от Женевы до Лозанны пройтись. Не без труда разыскал Венешку. Ах, подлая, какая хорошая. Что-то необыкновенное. Видал я много

чудных статуй — и старых и новых, но в этой что-то особенное, прямо-таки божественное. Уже издали поражает необыкновенная грация линий — какая-то странная, священная поза. Кругом стоят с полдюжины Венер, но все они какие-то вульгарные. А в этой редкое благородство жеста. Не знаешь, что она делала когда-то, когда у ней еще были руки, но чувствуешь, что она делала что-то важное и священное. И эта простота и спокойное, лишенное всяких претензий выражение лица — все это удивительно гармонирует со всей фигурой. Думается даже, что это хорошо, что у нее нет рук, что она какая-то незаконченная. Так она невольно толкает фантазию и заставляет дополнить отсутствующее. Большая определенность только задерживала бы работу мысли и понизила бы сумму эстетических ощущений. Очень занятная, bestия!»

Из Парижа Воровский отправился в Женеву, Цюрих, Вину и Мюнхен.

В начале апреля Воровский вернулся в Петербург...

IV СЪЕЗД РСДРП

Спустя недели две после возвращения из Европы Воровскому снова пришлось пуститься в путь. На сей раз в Финляндию, в небольшой городок Або. Туда съезжались делегаты IV съезда, чтобы потом отправиться на пароходе в Стокгольм.

Воровский был делегатом от Центрального органа Объединенного ЦК РСДРП — газеты «Партийные известия» с правом совещательного голоса.

Стояла тихая теплая погода. Чистенький уютный пароход отошел из Або под вечер. Воровский, Луначарский, Ярославский долго беседовали на палубе, любовались розовым закатом.

Когда стемнело, они спустились вниз, в кают-компанию. Вдруг раздался сильный толчок. Воровский не удержался и повалился на пол. Свет погас. Споры моментально прекратились. Наступила тишина.

Пароход остановился и стал крениться набок. Вскоре нижние каюты наполнились водой. Прибежал озабоченный капитан и стал «успокаивать», что он подал сигнал бедствия, что корабль, по-видимому, прочно засел на камне и не перевернется. Но на всякий случай пассажиры все же надели спасательные пояса. Воровский выбрался на палубу и провел там остаток ночи.

Забрезжило утро. Подул свежий ветерок. Началась легкая волна. Пароход стало раскачивать, и он закрипел на своем каменном вертеле. Вскоре пришел на выручку другой пароход, и началась переправка людей... Через несколько часов делегаты были снова в Або, а потом вновь выехали в Стокгольм.

Для заседаний съезда шведские товарищи предоставили удобные залы огромного шестиэтажного Народного дома.

10(23) апреля от имени Объединенного ЦК съезд открыл тов. Шмидт (П. П. Румянцев. — Н. П.). Он сказал:

— От более или менее удачного результата работы съезда зависит, быть может, как судьба РСДРП в ближайшем будущем, так и исход для пролетариата освободительной борьбы народа с самодержавием, справедливо называемой Великой Российской революцией... Настоящему съезду предстоит дело громадной важности — ликвидировать все сохранившиеся еще остатки фракционного разброда и внутривнутрипартийной усобицы и, оставляя членам партии свободу идейной борьбы, создать действительно единую, слитную РСДРП.

Большинство на съезде было за меньшевиками. С первых же заседаний развернулась острая идейная борьба. Воровский сидел в зале заседаний и думал: «Ох и жаркие бои предстоит нам вынести. Сколько будет поломано копий, прежде чем о чем-нибудь договоримся! И договоримся ли вообще?»

По первому же вопросу — аграрной программе — разгорелись споры. Меньшевики (Маслов и Плеханов) защищали муниципализацию земли. По их мнению, помещичьи земли должны были поступить в распоряжение земств, местных самоуправлений. Ленин, Луначарский и другие большевики отстаивали национализацию. Ленин считал, что национализация земли облегчит пролетариату в союзе с деревенской беднотой переход к социалистической революции.

Воровский в прениях по этому вопросу не выступал. Его точка зрения несколько отличалась от ленинской: он симпатизировал скорее делегату Борисову (С. А. Суворову), ратовавшему за раздел земли. Вацлав Вацлавович не думал еще в те дни о переходе

буржуазно-демократической революции в социалистическую. Он считал, что требование раздела земли в пользу крестьян в программе РСДРП привлечет беднейшее крестьянство в революцию.

В конце концов Ленин был вынужден голосовать за «раздел» земли, так как его точка зрения имела на IV съезде мало приверженцев, а «раздел» земли был ему все же ближе, чем меньшевистская муниципализация.

Между заседаниями съезда большевистская фракция часто собиралась на свои совещания. Здесь поручалось тому или другому делегату выступить в прениях, вносить резолюции, поправки к ним. На одном из таких совещаний Красин, Воровский и Луначарский были избраны в комиссию по выработке резолюции об отношении к вооруженному восстанию.

«Вспоминаются собрания нашей большевистской части участников съезда, — писала К. Т. Свердлова, — которые происходили не реже чем через день. Собирались мы обычно в каком-нибудь ресторане, где, заняв две-три комнаты, обменивались мнениями и впечатлениями, намечали планы действий на очередных заседаниях съезда. Эти собрания не были официальными в полном смысле этого слова. Ни председателя, ни секретаря на них не было, никто не просил слова. Шла живая, шумная, непринужденная беседа, центром которой всегда был Ленин, умевший выслушать каждого, вовремя подать нужную реплику или веселую шутку, дать мудрый и глубокий совет, разъяснить самое сложное и запутанное».

На 22-м заседании съезда обсуждались резолюции большевиков и меньшевиков по вопросу о вооруженном восстании. Воровский горячо защищал свою резолюцию о том, что вооруженное восстание в настоящее время не только необходимое средство борьбы за свободу, но уже достигнутая ступень движения.

Он выступал против Плеханова, который отстаивал свое: «Не надо было братья за оружие». Воровский же стоял за дальнейшее развитие революции.

— Вооруженная борьба в виде отдельных эпизодов, — говорил он на съезде, — тянется уже целый год. Мы не раз оказывались неподготовленными к ней, неспособными использовать ситуации. Когда это отмечалось здесь некоторыми ораторами, например тов. Ярославским, раздавались крики: «А где были большевики?» Я утверждаю, что виноваты были и те и другие. Но в том-то и дело, что мы должны учиться, и наша резолюция пытается учесть опыт прошлого, а «меньшевистская» отвергает его, проходит мимо «В этом-то и лежит один из основных ее недостатков. Товарищ Плеханов указал, что мы должны подражать примеру пруссаков после Иенского поражения: поднимать и организовывать массы. Он выразился буквально: «Нужно, чтобы через полки наши прошло возможно более народа». Совершенно согласен. Чем больше рабочих пройдет через наши полки — партийные организации и, в частности, боевые дружины, тем лучше. Это совершенно большевистская постановка вопроса, и если тов. Плеханов внесет ее в свою резолюцию, я думаю, мы скоро столкнемся. Если же мы по-прежнему будем толковать о восстании как о социальном явлении, то предлагаю вовсе не принимать никакой резолюции...

В своем выступлении В. И. Ленин также критиковал меньшевистскую резолюцию.

— Взгляд Плеханова «Не нужно было братья за оружие» всецело проникает всю вашу резолюцию, — сказал Владимир Ильич.

Однако меньшевистское большинство проголосовало против резолюции о вооруженном восстании, внесенной Винтером (Красиным), Воиновым (Луначарским) и Орловским (Воровским).

Съезд закрылся. Он показал, что объединение большевиков и меньшевиков было, по существу, формальным. Идеологические разногласия остались, борьба продолжалась.

Глава VI ЗА РЕДАКТОРСКИМ СТОЛОМ

В ЛЕГАЛЬНОЙ ПРЕССЕ

В середине мая 1906 года Воровский вернулся из Стокгольма.

В Петербурге начала выходить газета «Волна». Редколлегия газеты состояла из В. И. Ленина, В. В. Воровского, М. С. Ольминского и других испытанных товарищей. Не было Луначарского. Вскоре после съезда он вынужден был уехать за границу. Полиция намеревалась привлечь его по делу об одной рабочей сходке, на которой он выступал с речью. Воровский посоветовал не рисковать свободой и уехать под добродушным поздравом за пределы Российской империи. Луначарский присылал свои статьи из-за границы.

«Волна» остро ставила вопросы, разоблачала думу и думских краснобаев-кадетов, вела борьбу с конституционными иллюзиями. Воровский часто выступал в газете со статьями и фельетонами, подписанными новым псевдонимом — «Фавн».

Внешний облик Воровского в те дни имел что-то общее с мифическим фавном. Полунасмешливое выражение худого, заострившегося лица, улыбка на тонких губах, небольшая каштановая бородка, хитроватый, лукавый взгляд из-под насупленных бровей, сутулая походка — все это так гармонировало с тем представлением о фавне — боге полей и лесов у древних римлян, которое создалось в уме рядового русского интеллигента.

Укрывшись за этим псевдонимом, Воровский зло смеялся над царским правительством, над кадетами, растерявшими свой революционный пыл, над краснобаями-либералами, черносотенцами, меньшевиками.

«Волна» неоднократно подвергалась преследованиям: штрафовалась, конфисковывались отдельные номера. Между прочим, 18-й номер газеты «Волна» был конфискован за статью Воровского «Игра в парламент». Санкт-Петербургский комитет по делам печати «постановил привлечь редактора-издательницу... Ширяеву... и наложить арест на 18-й номер газеты «Волна».

На 25-м номере «Волна» была закрыта. Вместо нее большевики начали выпускать газету «Вперед». Редколлегия осталась прежней.

В целях конспирации ответственные сотрудники «Вперед» собирались в кабинете зубного врача Д. И. Двойрес. Хватаясь рукой за щеку и морщась от боли, Вацлав Вацлавович входил в приемную врача, садился и ждал, пока подойдут остальные товарищи. Вскоре приходил и Владимир Ильич с подвязанной щекой. Если посторонних не было, то все заходили в кабинет, и заседание начиналось. Когда был кто-либо из посетителей, приходилось ждать, пока больной, охая и бормоча что-то, не выкатывался на улицу.

Редакция газеты «Вперед» помещалась на Фонтанке, где была расположена большевистская типография «Дело». Днем, обыкновенно часа в два, небольшая квартира из трех комнат заполнялась литераторами-большевиками. Часто здесь бывали В. И. Ленин, В. В. Воровский, М. С. Ольминский и другие.

В мае 1906 года в доме № 6 по Свечному переулку В. В. Воровский и писатель Д. И. Лещенко организовали по просьбе В. И. Ленина конспиративную квартиру. Владимиру Ильичу отвели отдельную комнату, в которой он работал, отдыхал и обедал. Две другие комнаты использовались для разных партийных надобностей и встреч. Квартира была снята на имя Е. Г. Крич — слушательницы высших курсов П. Ф. Лесгафта.

Под видом прислуги в помощь Е. Г. Крич на квартире поместили еще одного партийного товарища.

В годы первой русской революции Вацлав Вацлавович был также одним из редакторов марксистского еженедельного журнала «Вестник жизни». Редакция этого журнала находилась на Невском. Там собирались многие марксисты-ленинцы: Воровский, Ольминский, Скворцов-Степанов, Свидерский... Нередко заходил туда и писатель Серафимович. В этом журнале Воровский поместил несколько статей, посвященных программе большевистской партии по аграрному вопросу.

В ПОЛЬШУ НА СЪЕЗД

На одном из заседаний редколлегии было решено, что Воровский поедет в качестве гостя от газеты «Вперед» на V съезд социал-демократии Польши и Литвы.

— Лучшей кандидатуры, чем Воровский, нам не найти, — сказал Ленин. — Он знает язык. К тому же в нем течет польская кровь, — добавил шутливо Владимир Ильич.

Ленин предупредил Воровского, что там ему придется здорово повоевать с меньшевиками.

— ЦК посылает туда двух своих представителей, а вы будете один, — сказал Владимир Ильич, — но не робейте, у вас там найдется много помощников. Один Юзеф (Ф. Э. Дзержинский. — Н. П.) чего стоит.

— Я готов вновь скрестить шпагу с меками... — улыбнулся Воровский.

Он быстро собрался и выехал в Закопане (Австро-Венгрия).

Городок небольшой. Красные черепичные крыши и беленькие домики. «Совсем как мухоморы, красные шляпки на белых ножках», — подумал Воровский.

Воровский разыскал Дзержинского и «ознакомился с ним. Вацлав Вацлавович много слышал о нем, но встречаться раньше не доводилось. Феликс Эдмундович ему понравился: стройный, подтянутый, настороженный. Он прощупал глазами Воровского и, видимо, остался доволен: взгляд его сразу потеплел. Договорились о взаимной поддержке.

На съезде Воровский отстаивал ленинскую точку зрения по всем вопросам повестки дня: об отношении к Государственной думе, об оценке революции 1905 года,

об отношении к ЦК (меньшевистскому в своем большинстве) и т. д.

По всем этим «общим вопросам польские социал-демократы сохранили общий фронт с тов. Воровским против обоих меньшевистских представителей ЦК, — писал участник V съезда СДП и Л. В. Ледер. — В заседаниях съезда шел спор только между нами и меньшевистскими представителями ЦК».

Воровский разоблачал тактику меньшевиков. Он говорил, что основная их ошибка — это отсутствие анализа общественных сил, принимающих участие в современной революционной борьбе. Признавая, что революция 1905 года является революцией буржуазной, Воровский вместе с тем указывал, что она отличается от французской революции 1789 года или немецкой 1848 года. Он утверждал, что характерной чертой современной революции было сознательное выступление пролетариата в роли вождя, руководителя демократических масс. Поэтому, говорил Воровский, мы можем назвать ее пролетарской революцией, хотя это не изменит ее буржуазного содержания. С другой стороны, указывал он, позиция буржуазии в России иная, чем была на Западе. Россия давно уже является капиталистической страной, буржуазия давно имеет экономическую власть в стране. Она добивается лишь некоторых политических прав. Это делает ее, по сути дела, контрреволюционной силой.

Ошибочная оценка борющихся групп и социального состава думы завела меньшевистский ЦК на распутье и угрожает партии опасностью стать оружием в руках кадетов в их борьбе с правительством за свое министерство, столь необходимое в их классово-консервативных целях...

В тот же день, 20 июня, Воровский вновь выступил с критикой меньшевиков, в частности с критикой речи Акима (Гольдмана), представителя ЦК РСДРП.

В связи с этим Воровский остановился на характере данной революции, на роли пролетариата в ней.

V съезд СДП и Л принял большевистскую резолюцию по главным вопросам. И в этом немалая заслуга принадлежит Воровскому и Дзержинскому.

В Польше Воровский встретил старых друзей, приобрел много новых. С Марианом Абрамовичем Воровский вспомнил Московский университет, польское коло.

— Ну, как, Пан, живешь? — пожимая руку, спросил Абрамович, вспомнив студенческую кличку Воровского.

— Помаленьку, вот уж борода отросла...

— Это я вижу. А куда девалась косоворотка? — шутил Абрамович, оглядывая элегантный костюм Вацлава Вацлавовича.

— Рассудил, что косовороткой авторитета у рабочих не завоюешь. Вот и снял ее, — отпарировал Воровский.

РЕДАКТОР «НОВОГО ЛУЧА»

Вернувшись в Петербург, Воровский уже не застал газеты «Вперед». Она была закрыта после 17-го номера. Теперь большевики издавали «Эхо».

С каждым днем царская цензура свирепствовала все больше. Штрафы и аресты так и сыпались на голову большевиков. Контрреволюция наращивала свои силы. Участились аресты. В. И. Ленин был вынужден выехать в Финляндию. Решили издавать там газету «Пролетарий».

В Петербурге оставались Воровский, Ольминский, Бонч-Бруевич и некоторые другие товарищи. Они изо всех сил старались, чтобы печатное слово большевиков доходило до широких масс. Но с каждым днем издавать газеты легально становилось все труднее и труднее. Особенно стало тяжело после разгона летом 1906 года I Государственной думы. Большевики уже смогли издавать только еженедельники: «Зрение», «Тернии труда», «Простые речи», но и они быстро закрывались.

В те дни В. И. Ленин жил в Куоккала. Сюда, на виллу «Ваза», где жили Ленин, Крупская и Богданов, тайком приезжали Воровский, Бонч-Бруевич и другие ленинцы.

Связь с Лениным Воровский и другие большевики постоянно осуществляли также через специально выделенных для этого людей. Они переезжали границу Финляндии и провозили статьи Ленина и другие материалы для легальных печатных органов в Петербург.

Одним из таких связных был рабочий-большевик Семен Васильевич Марков. Он доставлял Ленину газеты, а на обратном пути в Петербург провозил рукописи со статьями Владимира Ильича, его письма и указания.

На одном из совещаний на вилле «Ваза» было решено печатать в Петербурге в типографии «Дело» газету «Казарма» — специальный боевой орган большевиков для солдат и матросов. Эта газета, в которой участвовал и Воровский, призывала русских солдат переходить на сторону народа и направить штыки против царского самодержавия.

31 декабря 1906 года вечером Воровский с женой отправились к Бончам, на 4-ю Рождественскую. На улицах было многолюдно. Все спешили к праздничным столам. Подняв воротник теплого пальто, Воровский бережно нес заветную бутылку шампанского.

У Бончей застали компанию: В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский с женой и И. И. Радченко. Вера Михайловна Величкина хлопотала у стола. Бонч наряжал елку. Ровно в 12 подняли бокалы и выпили за новый, 1907 год. Теперь было ясно, что силы революции иссякли, что буржуазия растеряла весь свой революционный пыл, а трудовой народ устал. Говорили о том, что надо сохранять кадры, не терять связи и поддерживать друг друга...

Весной 1907 года большевикам удалось легально выпускать в Петербурге газету «Новый луч». Одним из редакторов ее был В. В. Воровский. Направление газеты не устраивало царское правительство, и оно быстро закрыло ее. Удалось выпустить всего семь номеров. Появилась новая большевистская газета — «Наше эхо». В ней Воровский также активно работал.

Однажды к Воровскому в редакцию пришел литератор-марксист И. М. Каценельбоген и поинтересовался судьбой своей статьи. Она была опубликована, но уж очень отличалась от оригинала. Вацлав Вацлавович сидел за небольшим столиком и правил рукопись. Отложив в сторону бумаги, он рассказал историю злосчастной заметки.

— Пришла полиция, — смеясь, говорил Воровский, — громить наше издательство «Вперед». Я как раз готовил к печати вашу статью. Пришлось ее уступить жандармам, а потом по памяти восстанавливать. Вас найти было невозможно. Так что не обессудьте, если вышло не по-вашему.

Посетитель удивился, когда Воровский вдруг среди разговора пустился вприсядку по комнате. Он проделал тур не без труда, но почти не устал: чувствовалась тренировка.

На недоуменный вопрос Вацлав Вацлавович ответил:

— Лучшая гимнастика. Рекомендую всем, кто подолгу сидит на стуле. Быстро, а зарядка сильная...

Весной 1907 года открылась II Государственная дума. В ней социал-демократы имели небольшую фракцию. Большевики решили использовать трибуну думы в своих целях, чтобы разоблачить либералов-соглашателей, антидемократический характер думы, ее беспомощность.

Ленин, Воровский и другие большевики разъясняли тактику своих представителей в Государственной думе. Они выступали в печати, на собраниях и рабочих митингах.

23 февраля Вацлав Вацлавович сделал доклад «Тактика социал-демократов в Государственной думе». В 11 часов утра в переполненном зале Высшей вольной школы (Курсы Лесгафта) Воровский, не торопясь, начал свою речь:

— Товарищи! Для того чтобы решить этот вопрос, к нему надо подойти с двух сторон — со стороны программы партии и учета сил, которые сложились среди состава депутатов Государственной думы. Надо учесть, что после I думы произошел огромный переворот в низах, крестьянство расслоилось. Это отразилось и на составе II думы. В ней теперь сильнее

левая часть и слабее правая и центр. Но тем не менее изменений в законодательстве Российской империи трудно ожидать, так как дума является только законосовещательным органом — и не больше. Поэтому социал-демократы не должны поддерживать законодательные проекты кадетов. Нашей фракции придется выступать с самостоятельными законопроектами, которые, как мы знаем, не получат одобрения высших инстанций, но зато вокруг них будет организовываться общественное мнение известной части населения.

— Посмотрим теперь, — продолжал Воровский, — на левую часть думы. Она неоднородна. В ней два полюса: правая часть — кадеты и левая — социал-демократы. Промежуток между ними заполняют трудовики и беспартийные левые. Исходя из этого, мы должны выступать самостоятельно, увлекая за собой все остальные демократические элементы... Наша фракция должна выступать в думе так, чтобы восторжествовала не кадетская гегемония, а гегемония социал-демократическая...

В конце февраля в Петербург из Берлина приехал Житомирский. Он имел рекомендательные письма от Луначарского и Литвинова, а также явки к видным деятелям большевистской партии: В. И. Ленину, Л. Б. Красину, В. В. Воровскому и другим.

Как-то вечером, часов около десяти, в квартиру Воровского постучали. Дора Моисеевна подумала, что это Вацлав Вацлавович вернулся ранее обычного из редакции. Но за дверью стоял человек ниже среднего роста, с черными, быстро бегающими глазками.

— Скажите, можно видеть Орловского... — проговорил он не очень громко и не совсем отчетливо. — Я от Анатолия Васильевича. Луначарского.

— Входите, — сказала Дора Моисеевна. — Вацлава Вацлавовича нет дома, но он скоро должен вернуться.

— А что, он еще на работе? — усаживаясь и как бы не придавая никакого значения своему вопросу, поинтересовался посетитель.

Дора Моисеевна хотела было ответить, но потом вспомнила наказ мужа; — не говорить ничего определенного тем, кого она лично хорошо не знала.

— Да нет, пошел к приятелю и должен скоро вернуться.

Минут через десять пришел Воровский. Он пожал руку Житомирскому и сказал Доре Моисеевне:

— Помнишь, в прошлом году я тебе писал, что остановился у Житомирского. Вот он перед тобой, угощай гостя...

А 1 марта 1907 года Житомирский послал в Охранное отделение подробное донесение:

«Воровский Вацлав Вацлавович (Орловский) живет по Верейской улице, дом № 3, кв. 18, у Г. Я. Вейнберга. Редактор журнала «Вестник жизни» (Невский, 102) и социал-демократической большевистской газеты «Новый луч». В типографии «Дело» по вечерам от 9 до 11½ часов происходили собрания редакции (газета «Новый луч»), в которую входили: Лейтейзен, П. Румянцев, С. Суворов, В. Ленин. Днем эта редакция собиралась от 12 до 2½ часов в «Вестнике жизни», в воскресенье вся редакция съезжалась в Куоккалу, villa Vasa, где живут Ленин с женой и Богданов».

Вскоре в Петербурге начались провалы: были арестованы члены Петербургского комитета РСДРП. Полиция искала В. И. Ленина. Не избежать бы ареста и Воровскому. Но он по заданию Ильича выехал в Одессу. Наступала реакция. Необходимо было заранее укрепиться в подполье,

Глаза VII В ОДЕССКОМ ПОДПОЛЬЕ

В ТИСКАХ РЕАКЦИИ

В апреле 1907 года Воровский приехал в Одессу и снял квартиру в доме № 10 по Карантинной улице.

Как-то, прогуливаясь с женой по Дерибасовской, Воровский встретил свою знакомую по Берлину — Раису Лифшиц (Лемберг). Разговорились. Вацлав Вацлавович высказал желание работать в газете. Лифшиц ответила, что это можно устроить, у нее есть знакомые в газетном мире...

Вскоре она представила Воровского Давиду Тальникову, ответственному секретарю, а фактически редактору прогрессивно-демократической газеты «Новое обозрение».

Тальников, небольшого роста, подвижной молодой человек, рассказал Воровскому, что бюджет «Нового обозрения» незначительный, гонорары весьма скромные, но зато ему будет предоставлена полная свобода.

— Вас не будут ни в чем ограничивать, — продолжал Д. Тальников. — Но, конечно, вы сами понимаете, что писать нужно так, чтобы газету сразу же не прихлопнули...

Вацлав Вацлавович согласился и стал работать там постоянно: давал три-четыре злободневных фельетона в неделю, писал статьи на общественно-политические и литературные темы, сочинял театральные рецензии. Печатался он под разными псевдонимами. Работа вполне устраивала Воровского. Она давала ему возможность принимать участие в общественной жизни. Он умело пользовался независимым положением в редакции, отстаивал в своих статьях большевистское направление. Удачно использовал эзоповский язык,

обходил рогатки цензуры и зло бичевал нравы и пороки царского бюрократического строя.

Летом Воровский сильно заболел — простудился во время купания. У него обострился ревматизм и открылся туберкулезный процесс в легком. Пришлось лечь в больницу. В июле приехал посланец Ленина. Он привез Воровскому резолюции V съезда партии, рассказал о борьбе на съезде, о точке зрения Ильича. «Надо использовать все легальные возможности, чтобы сохранить партию, необходимо уйти в подполье и продолжать борьбу...»

Воровский заверил гостя, что решение съезда они выполнят. Как только он выберется из «казенной санатории», сразу же примется за работу. Пока еще мало удалось сделать: устраивал семью. С комитетом связался. Но вот вынужден жить на казенный счет... Думает скоро выбраться отсюда.

В августе у Воровских родилась дочка. Вацлав Вацлавович узнал об этом еще в больнице. На клочке бумажки он написал несколько слов для жены: «Поздравляю, но не завидую. И как тебе не стыдно с девчонкой связываться? Целую».

В конце августа Воровский вышел из больницы. Он еще больше ссутулился. Бледность лица оттеняли темные усы и сильно отросшая в больнице борода. Но глаза светились.

Он долго рассматривал свое чадо — маленький живой комочек, завернутый в пеленки. Сокрушенно покачивая головой, он полусерьезно, полужутливо говорил, что раз не сумела родить наследника, то спасибо и на дочке. И тут же выбрал ей имя: Нина.

Начались трудовые будни. Воровский внимательно знакомился с решениями V съезда РСДРП и был очень рад, что сторонники Ленина на этот раз оказались в большинстве. По вопросу об отношении к буржуазным партиям, думал Воровский, принята наша резолюция.

Только так: «Врозь идти, вместе бить». Но теперь либералы показали свое настоящее нутро. Они больше не будут бить. Как это говорил Ильич: «Либерализм стремится прекратить революцию, пролетариат— довести ее до конца».

Воровский идейно возглавил Одесский комитет РСДРП. В это время в него входили по два представителя от четырех партийных групп: Пересыпской, Дальницкой, Портовой и Городской. Условия работы комитета были трудными. Полиция шныряла по пятам.

После июньского переворота, когда II дума была разогнана царем, социал-демократическую фракцию сослали в Сибирь. Одесская партийная организация несколько раз проваливалась. Большевистские кадры были значительно обескровлены, работать стало трудно, но работа все же продолжалась и велась даже более активно, чем в некоторых других местах России. И в этом, конечно, немалая заслуга Воровского, который вовремя перестроил деятельность Одесского комитета РСДРП, правильно распределил партийные силы по разным партийным организациям, наладил регулярную работу типографии. Комитету удалось выпустить четыре номера нелегальной большевистской газеты «Одесский рабочий».

Воровский хорошо маскировался. Слежки за ним не было вплоть до 19 января 1908 года, когда секретная агентура департамента полиции натолкнулась на печатное приложение к нелегальной газете «Одесский рабочий» № 1, вышедшее раньше газеты. Приложение было посвящено целиком третьей годовщине 9 января.

Охранное отделение встревожилось не на шутку и стало более тщательно просматривать почту из Петербурга в Одессу и обратно. 7 апреля 1908 года полиции удалось расшифровать химический текст письма ЦК РСДРП Воровскому.

После расшифровки письма департамент полиции 22 мая 1908 года писал в Одессу о том, что ЦК сносится с местной организацией РСДРП через Воровского, проживающего по адресу: Одесса, Карантинная, д. 10, кв. 38.

СВЯЗЬ С ЛЕНИНЫМ

Помимо связи с ЦК, Воровский поддерживал постоянный контакт с В. И. Лениным. В письмах и через специальных агентов Владимир Ильич информировал Воровского о партийных конференциях, давал директивы, обращался с разного рода просьбами.

«Дорогой друг! Спасибо за письмо, — писал Ленин Воровскому в июле 1908 года. — Ваши «подозрения» оба неверны. Я не нервничал, но положение у нас трудное, надвигается раскол с Богдановым. Истинная причина — обида на резкую критику на рефератах (отнюдь не в редакции) его философских взглядов. Теперь Богданов выискивает всякие разногласия. Вытащил на свет божий бойкот вместе с Алексинским, который скандалит напропалую и с которым я вынужден был порвать все сношения.

Они строят раскол на почве эмпириомонистической — бойкотистской. Дело разразится быстро. Драка на ближайшей конференции неизбежна. Раскол весьма вероятен. Я выйду из фракции, как только линия «левого» и истинного «бойкотизма» возьмет верх».

«Обязательно устройте так, — писал Ленин, — чтобы могли съездить за границу. Деньги вышлем на поездку всем большевикам. На местах дайте лозунг: мандаты давать только местным и только действительным работникам. Убедительно просим писать для нашей газеты. Можем платить теперь за статьи и будем платить аккуратно»^[18].

В заключение письма Ленин просил Воровского узнать о каком-либо издателе, который взялся бы издать его книгу по философии (Ленин имел в виду свою книгу «Материализм и эмпириокритицизм»).

Вскоре Воровский с семьей выехал на дачу. Он снял комнату и веранду на даче Балиховой, под Одессой, на берегу моря. Дора Моисеевна с маленькой Ниной могла теперь целые дни проводить на воздухе, в саду или у моря.

Вацлав Вацлавович сам любил проводить время на берегу. Вернувшись из редакции «Одесского обозрения» (так стала называться с конца 1907 года газета «Новое обозрение»), он забирал жену, и они вдвоем садились на берегу моря и отдыхали, наслаждаясь солоноватым морским воздухом.

Под тихий шум прибоя Воровский любил мечтать. Поджав колени к подбородку, он давал волю своему воображению. Он представлял себе, как освобожденный человек начнет штурмовать небо, проникать в неведомый мир. Как только построит на земле счастливую жизнь, так и устремится ввысь...

Но Дора Моисеевна, смотревшая в эти минуты на вещи более реально, спускала Вацлава Вацлавовича к земным интересам. Она говорила ему, что все это так далеко, а пока его впереди ждет тюрьма, ссылка и еще бог знает что!

Тогда мысль Воровского делала крутой поворот: он сразу становился серьезным. В глазах вспыхивали колючие огоньки. Он отвечал жене, что по крайней мере знает, зачем живет, что хочет, чего добивается. «Посмотри, вокруг нас сколько людишек из кожи лезут, чтобы получить орден в петлицу или подняться ступенькой выше. Подличают, подставляют друг другу ножку, лижут пятки своему начальству. И все это затем, чтобы поплотнее набить себе брюхо. Право, смешно. Нет, дорогая, жизнь нам дается не для этого. Человек — это борец, созидатель. Мы должны так устроить жизнь, чтобы всем было хорошо, свободно, сытно, весело. А добившись этого, человек покажет, на что он способен! Он полетит штурмовать Луну и Марс. Он построит

корабли, способные в один миг покрывать сказочные пространства. Ты говоришь, что не доживем до тех времен? Ну и что же? Зато дети наши будут чудесно жить! Они вспомнят о нас, чернорабочих, расчищавших им путь».

Перед ним расстилалась широкая водная гладь. Море отдыхало, нежась под косыми лучами солнца. Глядя на раскинувшееся море, Воровский невольно думал: «Вот и русский народ также мил и спокоен, тих и приветлив, как это море. Но появится опасность, набежит тучка — и он весь ощетинится, зашумит и ринется в бой. Сейчас народ «усмирили». Но надолго ли? Пройдет совсем немного времени, и он снова возьмется за оружие!..»

Однажды в августе, усталый и бледный, Вацлав Вацлавович вернулся из редакции позднее, чем обычно. В окнах соседских дач уже вспыхнули огоньки. Как всегда, у калитки его встретила Дора Моисеевна со спящей Ниной на руках. Воровский обнял жену, нежно поцеловал дочку и направился в комнату, где ждал его ужин.

Вацлав Вацлавович был чем-то озабочен. Дора Моисеевна заметила это сразу: достаточно было взглянуть, как муж нервно поглаживал свою бороду. Тонкие длинные пальцы его вздрагивали. Она не ошиблась. Вацлав Вацлавович действительно нервничал. На вопрос жены он ответил, что ему кажется подозрительным субъект, появившийся недавно на их улице. Этот человек пристально следил за дачей Балиховой. Не за ним ли? Если так, придется переехать в другое место.

Дора Моисеевна подала Воровскому письмо и сказала, что оно было распечатано, а затем вновь заклеено. Воровский надорвал конверт — почерк Надежды Константиновны.

«Дорогой друг, — писала Н. К. Крупская, — давно уже получили ваше письмо, но у нас сейчас такая полная неопределенность, что неизвестно, что отвечать. Внутренние отношения совершенно ненормальны, работа стоит. Должно состояться Б. Ц., которое примет какое-либо решение. Мы ожидали, что оно состоится гораздо скорее, чем это оказалось на деле. А до тех пор все остается под знаком вопроса... Вопрос о конференции еще не получил никакой санкции. Трудно будет предпринять что-либо: организации страшно разгромлены, на Урале пустое место,

Москва провалилась, в Питере нет людей и т. д. и т. д., и с каждым днем хуже.

...Сюда необходим один заправский агитатор. Известите телеграммой, можно ли выслать деньги на ваш адрес. Напишите немедленно, имеется ли еще налицо человек, который может взяться за распределение литературы по югу. Если это толковый и надежный парень, можем его содержать. За последнюю неделю удалось наладить кое-что с транспортом. Кажется, дело пойдет. Парню надо будет получать в определенном городе литературу и развозить ее. О явках, складах и проч. придется позаботиться ему самому. Ответьте немедленно. С транспортом медлить больше нельзя. Годна ли старая одесская явка? С парнем свяжите нас непосредственно и установите шифр. Поправилась ли больная? Что это она все хворает? Шлем наш привет вам обоим».

— Да, Ильич и Надя — чудесные люди, — задумчиво проговорил Воровский, отложив письмо. — Сейчас столько дел, а у них находится время, чтобы справиться о твоём здоровье.

Дора Моисеевна взяла письмо и поднесла его к огню.

— Нужно Ильичу сообщить, что сюда писать не стоит, опасно, — добавил Воровский. — Я дам ему адрес редакции. Туда писать менее подозрительно. Писем мы получаем много... — Тут же Воровский рассказал жене, что в редакцию приходят анонимки. Угрожают Фавну. — И кто бы? Бедные евреи. Я стараюсь высмеять черносотенцев, бичую «Союз русского народа», негодую из-за еврейских погромов, а они полагают, что я сам антисемит. Вот ведь какое дело...

На другой день Воровский дал телеграмму В. И. Ленину, что деньги можно выслать на адрес «Одесского обозрения». И в сентябре Вацлав Вацлавович получил из Франции под видом гонорара 250 франков. А в расходной ведомости большевистской редакции «Пролетария» в графе «Помощь местным организациям в России» появилась запись: «В Одессу через Орлов(ского) 250 франков».

Осенью Одесский комитет начал готовиться к общероссийской конференции. Воровский не мог выбраться за границу, хотя Ленин усиленно и звал его.

По заданию ЦК РСДРП и Ленина в ноябре 1908 года Петр Гермогенович Смидович объезжал южные города России, извещая о сроках общероссийской конференции. Это стало известно полиции. Она тщательно за ним следила. Начальник Екатеринославской) охранного отделения доносил в департамент полиции о том, что 7 ноября 1908 года из Харькова в Екатеринослав прибыл член ЦК РСДРП с целью ознакомления с партийными делами в городах Харькове, Екатеринославе, Киеве и Одессе и организации созыва Всероссийской конференции. Взятый под наблюдение под кличкой «Шестнадцатый», он 8 ноября выехал в Киев, а оттуда предполагает выехать в Одессу.

15 ноября 1908 года Петр Смидович приехал в Одессу. Сойдя с поезда, он отправился на дачу, где

летом жил Воровский. Не найдя там Вацлава Вацлавовича, он отправился в город на новую квартиру Воровского. Смидович вел себя осторожно, но все же не заметил за собой «хвостов» и спокойно прошел в квартиру Воровских.

Филеры наблюдали за ним. Начальник Одесского охранного отделения доносил, что Шестнадцатый, «возвратясь с дачи, отправился в дом № 28 по Канатной улице в квартиру сотрудника газеты «Одесское обозрение» дворянина Вацлава Вацлавовича Воровского».

После этого в донесениях охраны Воровский стал значиться под кличкой «Газетный».

Вацлав Вацлавович радостно принял Смидовича, кряжистого, среднего роста человека с небольшой бородкой клинышком. Во время беседы Воровский вдруг с тревогой спросил гостя, «очистился» ли он? Смидович пожал плечами и сказал, что принял меры предосторожности. Тогда Воровский спросил: побывал ли он на базаре, где все обычно теряют «хвосты»? Сожалея, что гость не прошел главной «очистки», Воровский попросил жену сходить с Петром Гермогеновичем в парк, проверить, нет ли лишних глаз.

Все было сделано, как просил Вацлав Вацлавович.

— По-моему, ничего подозрительного нет, — ответила Дора Моисеевна. — За домом никто не следит.

Но слежка была. В тот же день филер доносил:

«Смидович вместе с Воровским отправились в дом № 1 по Базарной улице, в квартиру известного полиции своей революционной деятельностью мещанина Исаака Коренблюма, а через полчаса вторично возвратились в квартиру Воровского».

На другой день, 17 ноября, Смидович неоднократно приходил к Воровскому. Затем Смидович отбыл из Одессы.

С этого времени охранка стала вести за Воровским пристальное наблюдение.

Окончив объезд южных городов, Смидович направился в Петербург, но был арестован 21 ноября на вокзале в Москве. Воровский об этом, конечно, ничего не знал.

В декабре от Одесского комитета на общероссийскую конференцию поехал Коренблюм, который еще с 1904 года был известен Воровскому как член Южного бюро по работе в Николаевском комитете. И вот теперь он отправился за границу, но на пограничной станции был арестован.

Ночью 27 декабря жандармы ворвались в квартиру Воровских на Канатной улице, перерыли все, но ничего предосудительного не нашли.

„УВЫ! ПРОЩАЙТЕ, ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ...“

В годы столыпинской реакции Воровский много работал в легальной демократической и либеральной прессе. Его литературно-критический талант расцвел тогда сильно и ярко. В эти годы политический кризис захватил все стороны общественной жизни: философию, литературу и искусство. Происходило своеобразное испытание на верность делу рабочего класса, делу революции. Часть мелкобуржуазной интеллигенции, так называемые «попутчики», перебежали в лагерь контрреволюции.

Следует сказать, что реакция захлестнула и отдельных нестойких членов большевистской партии — А. Луначарского, А. Богданова и других. В те тяжелые для партии дни они выступали с ревизией основ марксизма — материалистической философии. Под видом «улучшения» марксизма старались протащить идеализм. Они пытались найти и некую среднюю линию в философии, чтобы примирить материализм с идеализмом.

В. И. Ленин незамедлительно дал ответ русским махистам в своей гениальной работе «Материализм и эмпириокритицизм». В этом глубоком философском произведении Ленин защитил от нападков ревизионистов теоретическую основу большевистской партии — диалектический материализм.

Воровский один из первых литераторов-большевиков приветствовал замечательную книгу Владимира Ильича. Обходя рогатки царской цензуры, критик-большевик воспользовался для популяризации работы Ленина рецензией на книгу зарубежного

эмпириомониста Макса Ферворна. В этой рецензии Воровский писал: «Критика махизма представляет особую ценность для России, где целая серия гг. Богдановых, Базаровых, Юшкевичей, Берманов и Комп., ушедших от исторического материализма, вносит хаос в умы читателей, давая под видом марксизма «нечто невероятно сбивчивое, путаное и реакционное»...»

Быстро развивались декадентские литературные течения, возникшие, еще в 90-х годах прошлого столетия. Все они покоились на одной и той же идейной основе — идеализме.

Началась переоценка ценностей: буржуазная критика старалась в исторических экскурсах найти объяснение своей измене делу революции, оправдать свой отказ от служения общественному движению. Реакционные силы яростно атаковали М. Горького — основоположника пролетарской литературы, пытаясь оторвать его от народа, от большевистской партии. В обстановке распада буржуазной культуры перед партией большевиков, перед ее литераторами стояла большая и ответственная задача — парализовать влияние упадочничества на русское общество.

В. И. Ленин и другие писатели-большевики объявили настоящую войну декадансу на страницах нелегальной периодической прессы. Умело использовали они и легальные возможности в России. В легальных сборниках и альманахах, газетах и журналах литераторы-марксисты публиковали свои статьи против распада русской буржуазной литературы и искусства. Литературная критика в те дни была одной из легальных трибун большевиков в их борьбе с вражеской идеологией.

В этой борьбе Воровский проявил свои недюжинные способности литератора-критика. Его живой голос звучал в дни мрака и уныния грозно и уверенно. Он вселял бодрость в сердца простых людей. Злой смех

Фавна выжигал каленым железом фальшь в искусстве и литературе. В своих острых, небольших по размеру фельетонах и заметках Воровский метко разил черносотенцев-громил, взяточников и карьеристов, хищных эксплуататоров русского народа.

В газете «Одесское обозрение» Воровский откликался почти на все злободневные вопросы. Обстановка для работы в газете была благоприятной. Редактор-издатель Исакович не вмешивался в редакционные дела. Всю работу в редакции в основном выполняли Д. Тальников, ответственный секретарь, и В. Воровский, член редколлегии. Часто вдвоем они составляли весь номер, подписывая свои материалы разными псевдонимами.

Фельетоны Фавна тревожили и докучали «отцам города», не давали им спокойно спать. Генерал-губернатор Толмачев нередко вызывал к себе Д. Тальникова. Потрясая кулаками, он ругал его отборными словами.

«Помню, — вспоминал Д. Тальников, — в другой раз тот же Толмачев вызвал меня к себе по поводу очередного юмористического фельетона Воровского (Фавна). Кто такой Фавн, кто такой Орловский или Воровский, генерал не знал. Он требовал объяснений от редакции, которая не умеет обуздывать своих сотрудников.

Дело в том, что накануне мы были с Вацлавом Вацлавовичем в цирке, где показывал свои замечательные номера известный укротитель Саваде. Среди диких зверей Саваде — образец мощной воли — высоко держал знамя человека, и эта острая тема, конечно, могла пригодиться для фельетона. Вацлав Вацлавович и взял ее. Описывая свои впечатления от цирка, автор, между прочим, отметил свирепых и прилизанных догов, которые удивительно быстро носились по сцене и напоминали, по образному

выражению фельетониста, белоподкладочников из «Союза русского народа».

Генерал сурово требовал от перепуганного Тальникова объяснений: как мог он пропустить сравнение прекрасных юношей-монархистов с собаками. Толмачев с гордостью показал на значок «Союза русского народа», который он носил в петлице своего офицерского мундира.

— Я сам имею честь состоять в этом союзе! — кричал он, бегая по комнате. — Не забывайте, что и его императорское величество — член «Союза русского народа»...

Тальников довольно туманно объяснил генералу, что это художественная вольность фельетона. Генерал распекал, грозил, потом отпустил без последствий. Для серьезной репрессии повод был все же ничтожным.

Фельетоны Воровского-Фавна остро задевали разные политические и общественные темы, их едкий, сатирический смех возбуждал против автора представителей правящих классов.

Вскоре Воровскому пришлось распротиться с псевдонимом «Фавн». «Увы, прощайте, дорогой читатель, — писал он 8 июля 1909 года. — Мы с вами больше не будем беседовать! Не будем смеяться над человеческой глупостью и пошлостью, не будем валить в сорную кучу все поддельные добродетели, не будем разбивать насмешкой жалкое бутылочное стекло, выдающее себя по нашим временам за бриллиант. Ибо я покидаю мой пост... Прощайте же, читатель, это наша последняя беседа. Прощайте — до лучших времен».

Однако через неделю фельетоны Воровского появились за подписью «Кентавр». Тираж газеты достигал 10 тысяч экземпляров. Для того времени эта цифра была очень большой.

Осенью 1909 года в Одессе ждали приезда царя. Многие буржуазно-либеральные газеты намеревались

напечатать портрет Николая II. Но редколлегия «Одесского обозрения» — Д. Тальников, В. Воровский и А. Муров — не хотела печатать портрета. Тогда редактор-издатель, не считаясь с решением редколлегии, самочинно поместил портрет царя.

На другой день Д. Тальников, В. Воровский и А. Муров в знак протеста ушли из газеты, опубликовав 15 октября в газете «Одесские новости» письмо, подписанное своими псевдонимами:

«Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты заявить, — писали они, — что с 11 октября мы, заведующий редакцией и все сотрудники, за исключением г. В. Ткачева, вышли из состава редакции газеты «Одесское обозрение» и слагаем с себя ответственность за новое направление этой газеты, идущей вразрез с прошлой традицией... Астров, Дельта, Кентавр, Лоренцо, Я. Орловский, Псевдоним, Д. Тальников, Фавн»^[19].

Испугавшись, что такое заявление о перемене направления, бывшего до этого прогрессивно-демократическим, отпугнет многих подписчиков, издатель пытался опровергнуть авторов письма. Исакович и Ткачев сообщили, что никакого, мол, нового направления нет и размолвка якобы произошла на личной почве.

17 октября в «Одесских новостях» появилось новое письмо Д. Тальникова, В. Воровского, А. Мурова. Они писали, что надо быть наивным, чтобы морочить читателя сказкой, будто вся редакция, за исключением одного человека, бросила редакцию газеты из-за «несогласия на личной почве» между официальным и фактическим редакторами. На самом деле конфликт разгорелся вследствие вмешательства редактора-издателя в редакторскую часть газеты, с которой он ничего общего не имел. Конфликт еще более

обострился вследствие уклонения редактора-издателя от объяснения с редакционной коллегией по поводу возникших трений.

В этот период Воровский много работал, быстро уставал. К тому же старый процесс в позвоночнике обострился. Воровский согнулся еще ниже, но не терял присутствия духа: шутил, смеялся. Из-под стекол пенсне искрилась лукавая улыбка. Но иногда друзья замечали, как Вацлав Вацлавович отходил в сторону и, держась за поясницу, старался выпрямиться. По лицу пробегала болезненная гримаса. Спустя несколько минут Воровский вновь появлялся среди товарищей как ни в чем не бывало. Друзья советовали Воровскому отдохнуть.

— Нет, нет, — отвечал он, — работников у нас здесь мало. Нельзя теперь думать об отдыхе. Пока не подохну или не попаду в «казенную санаторию», работы не брошу.

В те годы Воровский удачно использовал возможности литературной критики, чтобы воспитывать массы в духе ленинских идей борьбы со старым строем и его порождениями в искусстве и литературе. В марксистских сборниках «Литературный распад», «О веяниях времени», «Из истории новейшей русской литературы», а также в легальной демократической прессе Воровский выступал против декадентского искусства, стремившегося отвлечь народ от революции.

В литературной критике Воровский был подлинным публицистом-ленинцем. Он объявил настоящую войну декадентским течениям в русской литературе. В своих критических статьях Воровский вскрывал фальшь «модных» произведений буржуазных писателей, а в сатирических фельетонах высмеивал причуды литераторов-модернистов. Он старался парализовать влияние упаднической литературы на широкие массы русского народа.

В блестящей статье «В ночь после битвы» критик-марксист подверг беспощадной критике роман Ф. Сологуба «Навыи чары» и рассказ Леонида Андреева «Тьма». Воровский показал, что эти писатели не случайно выступили с клеветой на революцию и ее героических участников. Оба писателя выражали идеологию той части русской интеллигенции, которая бежала в реакционный лагерь, изменила делу освобождения русского народа.

«Оба они залезают мародерскими дланями в политику, — писал Воровский, — в жизнь и дела революционеров, героев вчерашней битвы, и, когда они уходят со страниц книги, вы видите, что на «обработанных» борцах не осталось ни одного ценного предмета. Только мрачный брюнет Леонид Андреев делает это с подобающим брюнету демоническим видом, а жизнерадостный блондин Федор Сологуб, беззаботно посвистывая и подплясывая матчиш».

Воровский правильно заключал, что отход от реализма не остается безнаказанным для художника. На примере творчества Леонида Андреева критик убедительно показал, как по мере удаления писателя от реализма, от правды жизни вырождается и его художественное мастерство.

Критикуя Куприна, большого художника-реалиста, временно поддавшегося влиянию декаданса (особенно это проявилось в рассказе «Морская болезнь»), Воровский объяснял крен к модернизму аполитичностью писателя. Критик отстаивал решающую роль мировоззрения в художественном творчестве. Он еще раз иллюстрировал эту мысль на примере Бунина («Деревня») и Горького («Лето»). Классовая ограниченность тонкого художника Бунина помешала ему рассмотреть в деревне борющиеся революционные силы. Но то, чего не увидел в

крестьянстве Бунин, подметил Горький, стоящий на передовых, пролетарских позициях.

В своей литературной практике Воровский продолжал путь, намеченный Белинским, Чернышевским, Плехановым. Он руководствовался правилом: «Выделять жемчужные зерна из массы суррогата и отсылать читателя, слушателя, зрителя от преходящего, суррогатного к вечному и подлинному...» Но Воровский шел дальше революционных демократов и Плеханова. Вслед за Лениным он боролся за принцип партийности литературы, отстаивал основы пролетарского искусства.

В Одессе у Воровского часто бывали писатели, журналисты, друзья. Заходили споры о литературе, о модных писателях. Вацлав Вацлавович всегда отстаивал реалистическую литературу.

Он говорил, что беда модернистов в том, что они не знают классиков, не хотят учиться у них. А все их чудачества происходят оттого, что они потеряли опору, оторвались от народа. В народной жизни надо искать источник вдохновения, а не в рюмке вина. Надо служить народу своим творчеством, бороться за человека...

Воровский и его жена быстро сдружились с Давидом Лазаревичем Тальниковым. Они вместе проводили время, втроем ходили в театры, на концерты, художественные выставки. Вацлав Вацлавович был тонким ценителем искусства, собирал репродукции картин. Он горячо откликался на все болезненные проявления в искусстве, чутко относился к культурной жизни тогдашней Одессы.

В это время в Одессе шли гастроли труппы «Кривое зеркало». Воровский с женой и Тальниковым побывали на представлении этого театра. Вацлав Вацлавович остался недоволен спектаклем. Он написал фельетон, в котором говорил, что эта труппа утратила вкус и чутье к общественным вопросам. Их смех для смеха никому не

нужен. Сатира — это большое политическое оружие. А разве у нас мало плохого, всякой дряни, на что необходимо направить сатиру? Вместо этого мы видим, как комики на сцене из кожи лезут, чтобы позабавиться над своим же собратом-артистом...

А однажды Воровский побывал в художественном салоне. Он был поражен, что на выставке почти никого не было. Но, посмотрев картины, он понял причину.

— Да кто пойдет сюда, — говорил он жене, — если художники пишут только для себя. Это не салон для всех, а просто кастовый клуб старых холостяков. Подумать только, мимо этих художников прошла целая полоса общественной жизни! Как будто не было революции, не было «Потемкина», декабрьских боев...

Вечером к Воровскому зашли местные писатели:

А. Федоров, Н. Олигер, С. Юшкевич. В беседе с ними Вацлав Вацлавович не утерпел и рассказал о выставке:

— Нет, господа, — говорил он, — если вы хотите, чтобы вас читал народ, благоговел перед вами, — идите к нему, живите его думами, выражайте его интересы. Литература должна отражать подлинную жизнь. Ваши книги должны учить людей, как жить, как сделать жизнь лучше. Вы должны давать ответ народу, как найти дорогу к свету, к счастью. Надо служить угнетенным классам, не кучке снобов. Если вы это уясните, то бессмертие вам обеспечено. Если же нет, то вас быстро забудут. Будущее принадлежит тем, кто борется, а не тем, кто наслаждается. Жить — значит бороться. Уясните себе эту истину, а потом попробуйте донести ее до читателя. Если удастся это сделать — жизнь не напрасно будет прожита...

Как ни много писал Воровский, все же литературного заработка ему не хватало, чтобы прокормить семью из трех человек, внести очередную плату за прокат рояля, необходимого Доре Моисеевне, прекрасной музыкантше. Да и Воровскому не хотелось

лишать себя возможности вечером, после работы, послушать Шопена или венгерский танец Брамса, которые так хорошо исполняла жена.

Вацлав Вацлавович стал искать дополнительный заработок и вскоре нашел его в «Анонимном обществе товарных складов». Благодаря прекрасному знанию многих иностранных языков он устроился туда в качестве корреспондента. За приличную плату переводил разную деловую переписку заграничных фирм.

Морального удовлетворения эта должность ему не давала. Воровский часто острил по поводу своей работы, говорил, что вот он и приказчиком стал. Сокрушался, что там жулик на жулике сидит и жуликом погоняет, да что поделаешь: честный человек теперь редко у дел. Воровский припоминал, что их старому знакомому, Радченко, также не удалось сносно устроиться в Баку. Теперь он в Харькове, но, видно, и там не сладко. Надо будет узнать, нельзя ли и его здесь устроить...

Вскоре Воровский нашел Ивану Ивановичу Радченко [20] место бухгалтера там же, где и сам служил, и написал ему. Радченко очень обрадовался.

«Муж ежедневно поет целые дифирамбы Воровскому, — записала в те дни в дневнике жена Радченко, Алиса Ивановна, — какой он умный да хороший, образованный и культурный, остроумный, деликатный и тактичный, какой необыкновенно работоспособный, до чего предан партии и Ленину! Что же, я буду очень рада за них обоих, если они в столь тяжелое время окажут друг другу взаимную поддержку».

Недолго раздумывая, Радченко приехал в Одессу, где с помощью Воровского устроился в «Анонимном обществе товарных складов».

Иван Иванович Радченко — человек большой души. Все в нем говорило о доброте и порядочности: и кроткие ласковые глаза, и скромная, застенчивая улыбка, и тихий чарующий голос. Он был на II съезде РСДРП и поддерживал там Ленина. В те годы Воровский познакомился с ним и потом поддерживал эту дружбу всю жизнь.

Вацлав Вацлавович ввел Радченко в курс партийных дел, поведал о подпольной работе в Одессе, рассказал о заграничных распрях Ленина с Богдановым и Луначарским.

Но Радченко недолго прожил в Одессе. В разговоре с Воровским Иван Иванович не раз высказывал опасения, что он своим бухгалтерским трудом якобы поддерживает эту явно жульническую фирму. На это Вацлав Вацлавович улыбался и говорил на одесский манер:

— Наивник какой! А где же лучше? Пока ведь социализма как будто нигде не построено. Так что напрасно вы волнуетесь... Да и не думайте, что только вам тяжело. А что мне, лучше? Но что же делать? Прикажете по миру идти?

Все же Радченко собрались в Петербург. В день отъезда они пришли к Воровским проститься. Дора Моисеевна смахнула не одну слезу. Она сдружилась с мягкой, рассудительной Алисой Ивановной и отзывчивым, добрым Иваном Ивановичем. Она очень жалела, что лишается их общества. Вацлав Вацлавович, как всегда, отшучивался: «И на кого вы нас покидаете, горемычных...» Но шутка не могла скрыть волнения Воровского. Он был опечален и расстроен не меньше жены, хотя и не проливал слез.

Глава VIII

В БОРЬБЕ О ОППОРТУНИЗМОМ

ЛЕГАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И НЕЛЕГАЛЬНАЯ ГАЗЕТА

Осенью 1909 года из Парижа в Одессу был отправлен один партийный товарищ, — Владимир Деготь. Накануне отъезда В. И. Ленин дал ему явку к Воровскому и сказал:

— Помните, в Одессе мы имеем крупную силу — тов. Воровского. Это один из наших лучших литераторов. Передайте ему, что я давно уже не получал от него ни писем, ни статей. Пусть он отбросит лень и начнет писать...

Нагруженный нелегальной литературой — газетами «Пролетарий» и «Социал-демократ», посланец Ленина прибыл к Воровскому в редакцию «Одесское обозрение». Выждав, пока в комнате остался один Вацлав Вацлавович, В. Деготь передал ему привет от Владимира Ильича, а также его пожелание больше писать.

Воровский отложил в сторону рукопись, на которой только что делал пометки своим разборчивым, округлым почерком, привстал из-за стола и поздоровался. Усадил гостя, стал расспрашивать о Ленине:

— Ну как он? Как здоровье? — Потом задумался, снял пенсне и сказал: — Ильич прав, я давно уже не писал... Провал за провалом, людей нет, а работы уйма. Хорошо, что вас Ильич прислал на помощь.

А работы было действительно немало. Начались дополнительные выборы в III Государственную думу, куда социал-демократы хотели провести своего депутата, надо было создавать профсоюзы, готовиться к забастовке на заводе Шполянского.

Одесский комитет развернул активную деятельность, чтобы закрепить влияние партии в легальных союзах. Вскоре удалось создать несколько легальных профсоюзных организаций: типографов, литографов, конторщиков, кожевников и рабочих обойных фабрик.

Одесский комитет вновь наладил свою небольшую типографию. В ней регулярно печатались листовки, прокламации и брошюры. В отчете одесской охраны за июнь месяц 1909 года сообщалось, что местная организация РСДРП издала и распространила опасные листки о забастовке, вела активную агитацию среди рабочих и матросов за проведение забастовки, готовилась к созыву южнообластной конференции. В августе Одесскому комитету удалось выпустить первый номер «Одесского профессионального вестника». Официальным редактором этого журнала была видная революционерка Серафима Ильинична Гопнер. Фактически же большая часть работы легла на плечи Воровского. План этого первого номера обсудили на даче Воровского. Собрались будто бы пить чай, завели граммофон. Дора Моисеевна разносила чай, а Воровский докладывал о содержании журнала. Весь номер был посвящен работе профессиональных союзов.

Журнал вышел в свет, но почти весь тираж конфисковала полиция. Спасли немного. Однако одесситы не пали духом. Типографию наладили в другом месте и уже в ноябре отпечатали воззвания: «Ко всем рабочим завода Шполянского», «Ко всем типографским рабочим г. Одессы». Листовки распространили среди рабочих, и агитация подействовала. На металлическом заводе Шполянского вспыхнула забастовка, в которой приняли участие 300 рабочих.

В Одессу регулярно поступала периодическая партийная пресса из-за границы. Воровский получал по

адресу «Одесского обозрения» нелегальные газеты: «Пролетарий», «Социал-демократ».

Ленинскими статьями в этих газетах руководствовался Вацлав Вацлавович в борьбе с местными ликвидаторами и отзовистами. Особенно большую помощь Воровскому оказала статья Ленина «На дорогу», опубликованная во втором номере «Социал-демократа». Получив этот номер газеты, Воровский внимательно изучил ленинскую статью, а потом передал ее членам комитета.

— Вот смотрите, — сказал Воровский, — Ленин говорит, что нам надо использовать все формы борьбы с самодержавием, и легальные и нелегальные. А наши ликвидаторы хотят, чтобы мы вышли из подполья и растворились в профсоюзах. Отзовисты же, наоборот, хотят всю партийную работу вести только в подполье. И те и другие губят партию. Надо проявить гибкость и суметь сочетать обе формы...

Воровский возглавил борьбу с отзовистами и ликвидаторами в Одессе. Борьба была чрезвычайно напряженной. Ликвидаторы чинили всякие препятствия в партийной работе, даже пытались уничтожить листовки, призывающие к забастовке. Об этом, в частности, сообщалось из Одессы за границу в письме, перехваченном охранкой: «У нас, можно сказать, за короткий срок выпущены три листка. Первый листок относительно забастовки местных печатников Южно-русского общества, вызвавший громкий, фейерверочный, но слишком бедный по логике и содержанию протест со стороны ликвидаторов, позволивших себе в некоторых случаях доходить до хулиганства, как уничтожение листовок... Один отрадный факт с любовью, с радостью нужно отметить. Растет настроение рабочих. Повышается спрос. Это неоценимый плюс... Листки имели большой успех».

В результате длительной и напряженной борьбы Одесскому комитету под руководством Воровского удалось осудить ликвидаторство и отзовизм. На районных собраниях рабочие дали бой оппортунистам. После этого на собрании Городского района и на заседании Одесского комитета были приняты резолюции: об отношении к отзовизму и ультиматизму, о ликвидаторстве, о профсоюзах.

Эти резолюции готовились при участии В. В. Воровского. Он набросал их текст, а потом они были обсуждены на заседании комитета. Резолюции были приняты семью голосами при одном воздержавшемся, а затем отосланы В. И. Ленину за границу и опубликованы там в Центральном органе РСДРП — газете «Социал-демократ». Н. К. Крупская от своего имени и от имени Владимира Ильича писала из Парижа в Одессу, что принятие Одесским комитетом этих резолюций очень их порадовало.

В конце 1909 года Одесский комитет выпустил несколько листовок: «Товарищ», «Ко всем рабочим и работницам г. Одессы», «9-е января» и т. д. — и решил вновь издавать свою нелегальную газету «Рабочий».

В полуподвальной комнате, на окраине Одессы, была расположена типография. Здесь в начале января 1910 года готовилась газета «Рабочий». Первый номер ее был сверстан, не хватало только передовицы. Вскоре один из членов Одесского комитета, Андрей Агеев, принес гранки передовой статьи «Наши задачи».

— Все готово, товарищи, — сказал возбужденно Агеев. — Вот передовица Орловского.

В этой статье Воровский призывал пролетариат Одессы не падать духом и не опускать руки, «ибо исполинская борьба рабочих против всего векового уклада эксплуатации и насилия не может быть закончена одним махом, одним ловким ударом или удачным нападением». Рабочему классу предстоит

трудная и продолжительная борьба, она требует большой выдержки и большого упорства. Не один раз придется еще пролетариату подниматься на своего врага и терпеть неудачи и разочарования. Надо готовиться к схваткам, учиться сплачивать свои силы — вот задачи дня, писал Воровский.

Одесская охранка внимательно следила за действиями социал-демократов. В ночь с 9 на 10 января полиция арестовала многих членов Одесского комитета.

В типографию нагрянули в самый разгар работы: газета печаталась. Полиция конфисковала 1 294 экземпляра «Рабочего». В числе арестованных оказались А. Агеев, В. Деготь, И. Белопольский и другие — всего 52 человека.

Тут же в квартире Воровского, на Софиевской улице, в доме № 9, был произведен обыск. При этом отобрали для просмотра два тюка рукописей и брошюр. Жандармский ротмистр, производивший обыск у Воровского, доносил начальству о том, что автор рукописей занят изучением социализма, хорошо знаком с произведениями видных социалистических писателей, владеет иностранными языками и занимается переводами иностранных произведений на русский язык (например, им переведен «Манифест Коммунистической партии», на который судебными установлениями наложен арест...).

Но прямых улик о принадлежности Воровского к Одесскому комитету охранке обнаружить не удалось. Вацлав Вацлавович хорошо водил полицию за нос. Он никогда не хранил у себя компрометирующих документов.

МУХОМОР В ГАЗЕТЕ «НАШЕ СЛОВО»

Зимой этого же года Воровский получил возможность разговаривать с одесским пролетариатом через легальный орган «Наше слово». Это была небольшого формата рабочая газета. Стоила она всего одну копейку и быстро завоевала авторитет у трудящегося люда. Главным публицистом ее стал Воровский. Его едкие фельетоны за подписью «Черномор», «Мухомор» и «Профан», колючие передовицы за подписью «Пр» будоражили сонное царство сытых, вселяли бодрость и уверенность в сердца простых людей.

Случались и казусы. Воровский часто пользовался эзоповским языком, писал полунамеками. Рабочие не всегда разгадывали истинный смысл написанного им и однажды даже прислали в редакцию протест против его фельетона «Финал съезда».

Дело в том, что на съезде по борьбе с пьянством группа рабочих заявила: «Пропаганда воздержания от употребления спиртных напитков при существующем политическом бесправии, при отсутствии свободы собраний, союзов и свободы слова совершенно невозможна». Приведя эти слова, Воровский иронизировал: «Какая бестактность!» Да, впрочем, чего, мол, ждать от господ, воспитавшихся на «Коммунистическом манифесте», «Эрфуртской программе», митингах и пр. Продолжая иронизировать, он писал, что непомерно высокая заработная плата и короткий рабочий день... развратили и испортили рабочих, они начали беситься с жиру.

Злая ирония по адресу власть имущих не была понята группой рабочих, и они написали протест.

И Мухомору (Воровскому) приходилось более прозрачно намекать, что он друг рабочих, что об этом можно судить по цвету его шляпки и т. д. «Многие читатели тоже, кажется, не из титулованных, — оправдывался Воровский, — не разобрал, какого рода красная шапка сидит на моей ножке, недостаточно вдумались в мое осторожное отношение к неосторожному вопросу и приняли меня чуть ли не за самого г. Крамера (реакционер, разорвал на антиалкогольном съезде рабочих резолюцию. — Н. П.) или за его двойника... Что касается меня, то я всецело стою на той стороне, на чьей полагается стоять уважающему себя Мухомору — грибу, как известно, не аристократического происхождения. Вообще же прошу любезную аудиторию не забывать великой истины, что язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли...»

В газете «Наше слово» Воровскому удалось создать тип острого, злободневного фельетона для рабочих. Фельетоны Мухомора, ежедневно украшавшие газету, имели огромный успех среди трудящихся Одессы. Слава об этой бойкой газетке докатилась и до других южных городов: Николаева, Киева, Екатеринослава. «Наше слово» просуществовало около полугола и было закрыто властями, а ее редактор-издатель арестован и заключен в тюрьму.

В ОДЕССКОЙ ТЮРЬМЕ

Пока Воровский работал в газете «Наше слово», следствие по делу Одесского комитета продолжалось. У арестованного Владимира Деготь при аресте нашли клочок бумажки со словами: «Новорыбная, Абрам или Боровск». На бумажке была написана та самая явка, которую дал В. И. Ленин в Париже. По оплошности В. Деготь не уничтожил ее, и она стала уликой против Воровского. Кроме того, у А. Агеева — одного из членов Одесского комитета — отобрали при аресте сверстанные полосы нелегальной газеты «Рабочий» и гранку передовицы, где рукой Воровского были сделаны поправки.

11 июня Воровского арестовали по делу Одесского комитета Российской социал-демократической рабочей партии и поместили в тюрьму, где находились его товарищи по партийной работе.

Неожиданное появление Воровского на тюремном дворе во время прогулок опечалило старых друзей — значит, и до Воровского добрались!

В тюрьме Вацлав Вацлавович не терял присутствия духа, умел шуткой подбодрить товарищей, вдохнуть в них, новые силы. По свидетельству И. Белопольского, рабочего-наборщика, среди заключенных Воровский пользовался большим уважением. Его товарищеское отношение, общительность и жизнерадостность поднимали настроение политических арестантов.

Как-то заключенных повели в баню при тюрьме. Это было единственное место, где сходились по 20-30 человек. Здесь можно было держать себя относительно свободно и непринужденно. Очутился там и Воровский. Он первым вызвался быть банщиком, чтобы попарить

арестантов. Взобравшись на верхнюю полку, размахивая веником, он громко кричал:

— Кто за пар — подымай руку!

Затем, когда парная была готова, Воровский сделал каменное лицо, копируя старшего надзирателя Яшана, низкорослого сибиряка, и безразличным монотонным голосом заговорил:

— Эй, заходи, которые...

Вслед за Воровским эту фразу со смехом подхватывали остальные. Выстраивались в очередь, и Воровский, взмахнув веником, колотил по спине своего товарища, пока тот не отскакивал в сторону, чтобы уступить место другому... Так проходили редкие веселые минуты в жизни политических заключенных.

Воровский сидел в отдельной камере. На сей раз одиночное заключение он переносил тяжелее обычного. По ночам он почти не спал, беспрестанно воюя с паразитами.

Однажды в камеру Воровского перевели В. Дегтя и А. Агеева, так как их камеру вздумали белить. Втроем жизнь в камере пошла интереснее. Вацлав Вацлавович мог теперь поговорить, поделиться мыслями.

Как-то речь зашла о книге Владимира Ильича «Материализм и эмпириокритицизм». В годы реакции эта книга пользовалась большой популярностью среди членов РСДРП. Меньшевики, в частности Л. Аксельрод (Ортодокс), усматривали в ней больше недостатков, чем достоинств. Возмущенный этим, Воровский говорил:

— Верно, что Ильич меньше, чем махисты, употребляет философских терминов и тем самым не пускает пыль в глаза читателю. Но зато его книга глубока и содержательна. Владимир Ильич Ленин доказал всем, что махизм — это завуалированный идеализм.

Нередко речь заходила о декадентской литературе, модной в те годы. И тогда обычное спокойствие

покидало Воровского. На бледных щеках вспыхивали пятна огненного румянца. Он не мог усидеть на месте, вскакивал и начинал ходить из угла в угол. Словно оправдываясь, говорил:

— Надо быть рыбой, чтобы молчаливо сносить порнографистов, этих новых «открывателей» искусства.

С жаром нападал на сочинения Федора Сологуба и Арцыбашева. Доставалось и Леониду Андрееву, подпавшему под влияние декадентов. Вацлав Вацлавович, поглаживая каштановую бородку, продолжал:

— Хотя Арцыбашеву и Сологубу нельзя отказать в таланте, но оба они приспособляются к рынку, продают себя. Рынок сейчас требует клеветы на революцию. И вот, пожалуйста, Арцыбашев пишет свой гнусный роман, клеветает на героев-революционеров. Так же поступает и Сологуб. Когда буржуазия играла с огнем, он воспевал революцию и загребал немалые деньги. Сейчас положение изменилось. Буржуазия испугалась размаха революции — переменялся и Сологуб. Он стал заниматься порнографией — ведь на этом можно прилично заработать! Они, как шакалы, рыщут и обирают духовные ценности с павших бойцов. И все это во имя золотого тельца! Литература стала товаром, а писатели — купцами!

В тюрьме Воровский много читал, особенно художественную литературу (Достоевского, Писемского и других), изучал книги по истории литературы, всеобщей истории и т. д. «Завел гигиенический режим, — сообщал он жене, — ем за двоих, делаю гимнастику, обтираюсь, моюсь утром и на ночь, кроме того, днем гуляю полчаса ежедневно, воздуху у меня много, вообще держусь умницей».

На следствии Воровский ловко отвел все доводы обвинения. Когда ему предъявили бумажку со словами «Новорыбная, Абрам или Боровск», он доказал, что

никогда не жил на Новорыбной улице и что тут какое-то недоразумение. Не знает он никакого Абрама! («Абрам» — кличка Агеева. — Н. П.). По поводу корректурных пометок, сделанных, по мнению полиции, рукой Воровского, он заявил, что они так незначительны, что не дают права устанавливать по ним почерк.

— Эго могло быть сделано любым человеком, — говорил Боровский. — Лично я к этому не причастен.

Далее Воровскому ставили в вину противоправительственный характер содержания его рукописей.

— Все эти рукописи, — отвечал он, — были написаны в 1905–1906 годах. Напечатаны они не были и лежали у меня в качестве архивного материала. В них имелось много статистических выкладок, пригодных для других работ, поэтому я их и сохранил.

Относительно печатных статей и брошюр, в которых содержались нападки на правительство, Воровский сказал, что они были напечатаны в период «свободы» печати и он, следовательно, снимает с себя всякую ответственность за них. На следствии Воровский стойко защищался, никого не выдал. Ему были предъявлены фотографии членов Одесского комитета и членов районных организаций. Взглянув на фото, Воровский отвечал, что никто из лиц, изображенных на предъявленных карточках, ему не известен, нигде и никогда он с таковыми не встречался.

И вот 15 июля, после полуторамесячного тюремного заключения, Воровский вышел на свободу. Начальник жандармского управления города Одессы мотивировал освобождение Воровского тем, что выяснение всех относящихся к делу обстоятельств дало «лишь косвенные указания на принадлежность его к организации».

В КРУГУ БЛИЗКИХ И ЗНАКОМЫХ

Воровский шел по улицам Одессы, выбирая наиболее тенистые места. Июльское солнце нещадно палило, хотя полдень был еще далек. Вацлав Вацлавович радостно шагал по плиточным тротуарам, задерживаясь у круглых афишных колонок, чтобы посмотреть, что идет в театре, цирке, иллюзионе. Иногда он невольно заглядывал и в витрины магазинов. Чего там только не было! Словно восковые, застыли гроздь янтарных фиников из Турции, горки золотистых апельсинов из Италии. А рядом новинка — пишущая машинка из Германии. Коньяки Шустова и модные широкополые женские шляпки из Франции. Со всего света навезли купцы товаров, но покупатели редко заходили сюда: дорого...

Поразмяв ноги и вдоволь найдясь по ярким солнечным улицам портового города, Воровский сел на конку и поехал на Большой Фонтан, на дачу, куда переехала семья после его ареста.

Дома его не ждали. Накануне он не мог сообщить об освобождении из тюрьмы, так как до самой последней минуты не был уверен в этом. Дора Моисеевна лежала в тени, в шезлонге, и беседовала с Давидом Тальниковым. Воровский не удивился присутствию гостя. Ведь они были друзьями и часто навещали друг друга.

Начались расспросы. Трехлетняя Нина, взобравшись к отцу на колени, теребила его бороду.

Дома Воровского ждало письмо.

— Принесли из редакции «Одесского обозрения», — сказала Дора Моисеевна, вручая конверт. — Но, как видишь, оно из Берлина от какого-то Тышки.

— Не от какого-то Тышки, а от нашего Тышки, — ответил Воровский, принимая конверт. — Тышка видный польский социал-демократ и приятель Розы Люксембург. Я тебе, по-моему, как-то говорил о нем...

«Редакцией варшавского еженедельника «Трибуна», — читал Воровский, — предложено мне обратиться к вам с просьбой о сотрудничестве вашем. Нужны статьи экономико-статистические, политические, литературные (равно и рецензии и критика о книгах) и касающиеся всех вопросов, имеющих более или менее непосредственное отношение к рабочему движению и к нуждам четвертого сословия. Нужны также статьи, посвященные пропаганде, для чего вам послужит материал из жизни и условий России. Жду немедленного ответа... Если же вы не питаете к подписи моей, еще неизвестной в литературе, большого доверия, то прошу вас на первый раз адресовать на имя нашего общего знакомого г-на Ильина (В. И. Ленина. — Н. П.). Имею еще кое о чем побеседовать, но откладываю это до получения от вас ответа».

— Вот видишь, мой литературный талант начинает приобретать мировую известность, а ты не ценишь, — обратился Воровский к жене, окончив чтение письма. — Заказывают статьи, ссылаются на Ленина. А ведь не знают, поди, что Ильич журит меня?! Мало пишу в нелегальную прессу! А где взять время, разве угонишься за всем?

...Наступили длинные осенние вечера. Ветер завывал и рассерженно швырял в окна пожелтевшие листья. Небо хмурилось, часто шли дожди.

В такие вечера обыкновенно к Воровским заходил Давид Тальников. Втроем они отправлялись в синематограф, или иллюзион, как в то время называли кинотеатр. Однажды они случайно попали на картину, в которой показывалась частная жизнь писателя Леонида

Андреева. Выйдя из кино, Вацлав Вацлавович возмущался: как может уважающий себя человек на потеху публике выставлять свою интимную жизнь? Ему была противна эта самореклама Андреева. Да и кому она нужна?

— Да, но ведь сейчас модно сниматься в кино, — возразила ему Дора Моисеевна. — Сам Лев Николаевич Толстой, которого ты так любишь и ценишь, снимался.

— Ну, сравнила! Толстому восемьдесят лет, его запечатлели для потомства, да и разве в таких позах? Разве Толстой ходил в синематограф, чтобы полюбоваться собой? А Андреев! Почитай петербургские газеты, они сообщают, что он самолично смотрел на себя в синематографе «Сатурн». Что ни говори, а «молодые таланты» не восприняли хорошую традицию Горького. Они не дают отпор толпе, любящей поглазеть на интимную жизнь знаменитостей. Рука так и тянется к перу. Так и хочется позлословить на сей счет.

Длинными вечерами нередко вспыхивали споры о задачах литературы и искусства. В это время Воровский много писал на литературные темы в столичные партийные издания: в газету «Звезда», журнал «Мысль» и т. д. Он считал, что литература и искусство призваны воспитывать в людях хорошие вкусы, облагораживать души, смягчать нравы.

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день их должен добывать,—

любил повторять Вацлав Вацлавович слова Гёте из «Фауста». Он ходил по комнате и говорил Тальникову: «Жизнь вне борьбы — это не жизнь, а прозябание. Жизнь только тогда имеет смысл, когда человек знает свою цель и добивается ее. Красота жизни — в

революционном подвиге, в борьбе за свободу. И вот задача писателя — воспитывать в людях непримиримость ко всему старому, отжившему, гнилому. Свой эстетический идеал художник проводит в своих произведениях. Писатели, чувствуящие аромат эпохи и отражающие его, достойны нашей поддержки, поддержки партийных критиков. Если же писатель поет на старый лад, но сам талантлив, мы обязаны ему помочь найти дорогу к сердцам простых людей. Если же художник глух к запросам жизни, тогда пусть он пеняет на себя. История осудит его и оставит на задворках».

...В феврале в Одессу из Петербурга снова приехал Иван Иванович Радченко с семьей. Остановившись в гостинице, он в тот же день пошел к Воровскому. Он рассказал, между прочим, о том, что Горький недоволен статьей Орловского «Две матери» в «Звезде».

Воровский одним из первых уловил связь творчества Горького с новым этапом освободительного движения, увидел в нем отражение настроения пролетариата. Критик-большевик с радостью отмечал зарождение в жизни и в литературе нового героя — пролетария. Такие герои-борцы, как машинист Нил из пьесы «Мещане», Павел Власов и другие рабочие из повести «Мать», — это положительные герои новой русской литературы. В произведениях «буревестника революции» критик ценил романтизированное изображение жизни.

Но не всегда Воровский был последователен, иногда не улавливал биения нового пульса в творчестве Горького. Так, критик ошибочно утверждал, что образ Ниловны не типичен: такие матери «могут существовать как индивидуальные явления», «они не характерны для данной среды и данного времени». Воровский неверно оценил образ Ниловны потому, что не увидел множества русских женщин, помогавших своим мужьям и сыновьям бороться за свободу. Речь

шла не просто о художественных достоинствах или недостатках, а о наличии в самой жизни реальной основы для воплощения социалистического идеала. Именно поэтому Горький резко протестовал против утверждений Воровского в статье «Две матери» о «надуманности» и «маловероятности» образа Ниловны.

Воровский сожалел, что Горький не понял его добрых намерений. Он заботился только о том, чтобы пролетарская литература в художественном отношении не уступала произведениям старых классиков. Может быть, в чем и ошибся. Но нет ли здесь личной обиды? Он не хотел обижать Горького. Вот и Ольминский считает недопустимой полемику между приверженцами одного политического направления.

Воровский достал из письменного стола еще незапечатанное письмо и вручил его И. И. Радченко.

«Неужели Вы думаете, — говорилось в письме, — что полемика с автором есть уже личная полемика. Ничего подобного. Я могу самым искренним образом уважать и любить автора и все-таки горячо спорить против его сочинений. Вы говорите: надо спорить с идеями. Это, голубчик, ведь общее место, не более. Идеи, к сожалению, не бегают по белу свету на своих ножках, а всегда обязательно появляются в ипостаси конкретного автора. Это, конечно, технический недостаток, но ничего не поделаешь. Споря с идеей, по необходимости споришь с носителем ее. И ничего в этом нет скверного, и Вы напрасно бичуете себя за полемику с Рожковым^[21] и проч.

Другое дело, если полемика против автора ведется не в круге идей, а в сфере личных выпадов, передержек, подсиживаний и т. д. Это, разумеется, не может иметь ценности. (Прошу не смешивать с личной полемикой резкую идейную полемику.)

Теперь, что касается вопроса о подчеркивании пункта согласия, умалчивая о разногласиях, то я по-прежнему продолжаю негодовать. Ведь этак мы выродимся в общество взаимного обожания. Я уже не говорю о психологической невозможности умолчания, когда видишь ошибочные суждения. Оставить их без возражения мог бы только человек, равнодушный к теории и ее судьбам. Но, и помимо этого, во что мы превратимся. Я буду выуживать «пункты согласия» в Ваших статьях, Вы в моих, X в статьях Y и т. д. Получится какой-то компендиум пунктов согласия, набор общих бесспорных мест, трюизмов, того, что свободно можно вынести за скобки.

Индивидуальности авторов, их частные суждения, их личные исследования — все то, что способно двигать вперед теорию, и все это сотрется, сойдет на нет. Получится марксизм в издании для институтов благородных девиц. Упаси нас, господи, от сего благополучия.

Вы ошибочно толкуете мою готовность послать Вам рукопись. Я именно хочу послать ее для возражений и избежания мордобоя по недоразумению. Только за этим. Меня слишком живо и серьезно интересует самая тема Вашей книги, чтобы я не предпринял все меры к устранению недоразуменного мордобоя. И именно в силу этого искреннего интереса я и не думаю претендовать на прелести неожиданного нападения, которое так по душе нашему брату бумагомараке. Однако должен заметить — то, что Вами написано и напечатано, есть уже совершившийся факт. Возможно, что теперь Вы многие положения смягчаете, толкуете несколько иначе (сейчас ведь у Вас несколько другое настроение). Поэтому не будьте в претензии, если Ваши объяснения покажутся мне не соответствующими тому, что имеется в печати черным по белому: ибо я имею дело не с Вами, а с книгой под заглавием «А. Б.».

— А о какой книге идет речь? — спросил Иван Иванович.

— О книге Ольминского «Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России». Уже вышла. Разве не читали?

— Признаться, не читал...

— А вот Ильич уже прочел и просил меня выступить с критикой на нее. Уж слишком односторонне Михаил Степанович представил в ней дворянство, этак сплошным косяком. Он проглядел внутрдворянскую борьбу, хотя сам очень часто приводит ее примеры. В конце концов нельзя забывать о декабристах. Герцен тоже из дворян. А Плеханов? Да и у меня, — тут Воровский шутливо хлопнул себя по карману, — лежит эта дворянская грамота. Однако она не мешает мне быть большевиком...

Радченко с женой и сыном часто заходили к Ворovskiм в гости. Пока дети резвились, взрослые вели беседу.

Так было и 18 марта 1911 года, когда газеты принесли известие о смерти П. Я. (Якубовича-Мельшина) — поэта-народовольца. По этому поводу у Ворovskiх получился стихийный вечер воспоминаний о поэте. Иван Иванович и Вацлав Вацлавович рассказывали о его жизни, декламировали стихи.

— Спокойное счастье преступно и ложно: жизнь — борьба, а не рабство — не сдавайся трусливо! — читал Воровский.

Вечер закончился музыкой. Дора Моисеевна сыграла Шопена, а потом Грига. Вацлав Вацлавович сидел в кресле и слушал, гости устроились на кушетке. Так незаметно пролетели часы...

Как-то в апреле, в погожий денек, Воровский и Радченко с женами решили пойти посмотреть на полет приезжего авиатора.

За городом, на поляне, было отгорожено место, где стоял изящный аппарат-стрекоза. Полет был удачным. Летчик плавно скользил на своем аэроплане и под аплодисменты многочисленной публики так же плавно сел.

— Глядя на этот полет, и у меня крылья выросли, — проговорила Алиса Ивановна Радченко.

— Да, человек становится не только царем земли, но и царем воздуха, — ответил Воровский. — Я уверен, что в нашем веке уже полетят на Луну.

— Ну, ты со своей фантазией там давно уже побывал, — возразила Воровскому Дора Моисеевна.

— Однако согласись, это ведь не одно и то же... Вот посмотри, некоторые «цари воздуха» пока еще довольствуются землей, — указал Воровский на обездоленных людей, спавших на земле у забора. — Они также мечтают о лучших временах, но им от этого не лучше. Чтобы мечта стала былью, надо действовать, бороться...

Глава IX

КАНДИДАТ В ДЕПУТАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

В «ЯСНОЙ ЗАРЕ»

После закрытия копеечной газеты «Наше слово» Воровскому долго не удавалось выступать в одесской легальной печати. Это, конечно, не значит, что у него не было предложений сотрудничать в тех или иных буржуазных органах. Имя Орловского было уже достаточно популярно в газетном мире. Но Воровского не устраивали газеты, в которых он не имел возможности писать то, что хотел.

В это время в Одессу приехал по заданию партии большевик Сергей Васильевич Малышев. В Петербурге ему была дана явка к Воровскому и приказ «беречь Воровского» как очень нужного для партии человека.

Как-то на улице Воровский указал Малышеву на пьяного отставного капитана.

— Это Безнощенко, — шепнул Воровский.

Услышав имя, Малышев вспомнил: редактор небольшой черносотенной газеты «Черноморский портовый вестник». О нем раньше говорил Воровский и советовал с ним познакомиться.

Малышев прошел на бульвар и сел на одну скамейку с пьяным капитаном. В завязавшейся беседе Малышев сообщил, что он газетный работник и приехал в Одессу, чтобы найти какую-нибудь работу в одесских газетах.

— Ничего не выйдет, — ответил ему капитан. — Там сидят одни революционеры и жида. Тебя, русского, не пустят, не жди. А вот у меня есть своя газета. Если хочешь, поработай.

Тут же сговорились об условиях. Вся редакция переходит в руки Малышева. Он должен заботиться о распространении газеты и нести расходы по ее изданию, получая взамен всю выручку от продажи

тиража. Капитан же взял на себя только сбор объявлений и доход с них. Обе стороны остались довольны друг другом.

С большим трудом Воровский и Малышев собрали 42 рубля, чтобы выпустить первый номер газеты. Фактически ее редактором стал Воровский. Он очень осторожно вел первые номера, желая сберечь газету до выборов в Государственную думу. Но рабочие сразу поняли об изменении ее направления. И по манере изложения и по языку она была явно рассчитана на пролетариат. И трудящиеся города, в особенности рабочие порта, стали усердно читать и покупать «Черноморский портовый вестник». Настойчиво просили его у разносчиков газет, а когда те, по требованию своего начальства, бойкотировали газету, выгоняли их с территории порта. Разносчики были вынуждены тайком от своего начальства забегать в редакцию «Черноморского портового вестника» и брать там свежие номера.

Эта газета сыграла важную роль в подготовке забастовки в Одесском порту. Свыше 750 рабочих бросили работу и объявили забастовку.

Генерал-губернатор Толмачев вызвал к себе издателя Безнощенко и спросил его, почему газета изменила свое направление. Тот рассказал, что всю работу в редакции он поручил одному надежному работнику-газетчику.

— А ты знаешь, что в твоей газете революционеры? — с криком напустился на Безнощенко Толмачев.

После этого капитан с горя запил и отказался иметь дело с Малышевым. Так Воровский остался вновь без литературного органа, а газета вновь сползла на черносотенные позиции.

Вскоре Воровскому и Малышеву представился случай издавать газету «Черноморец». Разрешение на

ее печатание имелось у одного рабочего. Удалось выпустить только первый номер, посвященный предстоящим выборам в Государственную думу. Воровский придал номеру очень яркую революционную окраску, и газета тут же была закрыта администрацией.

Неудачи не обескураживали Воровского. Он настойчиво искал пути сотрудничества в других легальных газетах Одессы. Он хорошо знал, что участие в легальной прессе в обстановке жестокой реакции было необходимым средством борьбы с царизмом.

Воровский ясно сознавал, что массы ждали от большевиков правдивых ободряющих слов. И эти слова нужно было нести не только в подпольных кружках, на собраниях и сходках, которые он, впрочем, редко посещал, остерегаясь провала, но и открыто в печати.

Воровский искал не просто сотрудничества в газетах, а постоянного руководства с тем, чтобы самому можно было определять направление и лицо печатного органа. Поэтому он всячески старался входить в редакции газет с небольшой группой своих приверженцев-марксистов.

На предложение Ольминского о сотрудничестве в журнале «Современник» Воровский отвечал щедрински: с одной стороны, нельзя не сознаться, с другой — следует признаться...

«Конечно, сотрудничество с протоплазмами, — писал Воровский, — типа Василья Васильевича^[22] или наездниками, вроде мусью Амфитеатрова, мало соблазнительно. Это Вы и сами, чай, понимаете. Но, с другой стороны, очень уж соблазнительно забраться в толстый журнал, раз предоставляют право писать, что хочешь, а не то, что хозяин велит. Как-никак, а сейчас ведь совсем нет своей прессы: «Мысль» отдыхает, да и вообще она тесна для нас, дальше политики не в силах идти; ну, а иметь дело с проходимцами, вроде

господина Иорданского^[23], благодарю покорно, не особенное удовольствие своим горбом создавать капиталец для этих субъектов».

Далее Воровский развивал мысль о том, что надо войти в журнал группой, обязательно солидарной, чтобы не дать себя «слопать» и выговорить себе право свободно высказываться без оговорок, кроме, конечно, необходимых цензурных многоточий. Если это нам гарантируют (а раз они сами просят нас осчастливить, то, думаю, пойдут на эти условия), тогда почему бы и не воспользоваться благоприятным моментом.

«Вообще, конечно, в этом есть грехопадение, а уж если грешить, то, по-моему, грешить основательно, (ведь я большевик!). Это значит войти «постоянными» сотрудниками, т. е. обязательно давать в каждый (или приблизительно каждый) номер статьи. Ибо, если наши статьи будут идти разрозненно — то один даст, то другой, а то и никто, тогда не стоит грех на душу брать. Вы понимаете мою мысль?» — спрашивал Воровский. «Нужно, чтобы все видели, что мы не случайные гости, получающие из любезности пристанище, а сохозяева, высказывающиеся в своем, а не чужом органе. Это тем более важно, что «Современник» имеет уже круг читателей, и нужно, чтобы они понимали, что происходит. Самое лучшее, конечно, было бы, если бы можно было захватить в свое пользование определенные отделы».

Яков Станиславович Ганецкий.

Георгий Васильевич Чичерин.

Однако условия, выдвинутые Воровским, не были приняты редакцией, и большевики-литераторы отказались от сотрудничества в этом журнале, представлявшем, по мнению Ленина, помесь народничества с марксизмом.

Осенью 1911 года группе марксистов удалось приобрести небольшую газетку «Ясная заря», бесцветную и бледную. До этого ее редактировал и издавал «король одесских репортеров» некто Трецек — человек хитрый, жадный к деньгам и невежественный. Газета быстро катилась под уклон, не имея ни направления, ни читателей. Трецек решил продать ее.

Этим воспользовались товарищи Воровского. Они пригласили Вацлава Вацлавовича редактировать эту газету. Воровский сразу же взялся за дело. Газета заметно оживилась и стала приобретать успех. Ею заинтересовались рабочие. Живые передовицы и остроумные фельетоны Воровского быстро завоевывали симпатии читателя.

В те дни в Одессу приехал большевик Александр Константинович Воронений, впоследствии видный литератор. У него был адрес Воровского, данный Марией Ильиничной Ульяновой.

Воронский пришел на квартиру к Воровскому, где его встретила Дора Моисеевна. Она попросила немного подождать. Вскоре появился и сам Воровский. Он вышел из ванной комнаты с дочерью, закутанной в мохнатую простыню. Он довольно улыбался, лицо у него светилось, в бороде сверкали капли воды. Принял гостя просто и радушно. Узнав, что Воронский пишет фельетоны и заметки, Вацлав Вацлавович предложил ему сотрудничать в новой газете «Ясная заря». Воронский с готовностью согласился. Тут же договорились о конкретных материалах.

— Но на гонорары, молодой человек, особенно не рассчитывайте, — сказал Воровский. — Еле концы с

концами сводим, несмотря на то, что наш казначей — настоящий коммерсант. Говорят, что ему сама бабушка-повитуха напорочила коммерцию. Из-за этого он и в меньшевики попал. Это Моисей Урицкий. Может, слышали?

Вацлав Вацлавович направил своего гостя к одному товарищу, который должен был сообщить явку в Николаев, где Воронений решил поселиться.

«Ясная заря» распространялась не только в Одессе, но и в других городах Южной Украины.

«Свой человек ранним утром шел к пароходу, — вспоминал А. Воронский, — получал «Ясную зарю», продавал газету в рабочих кварталах и у заводских ворот. Он уверял, что газета прекрасно расходуется, что рабочие ею очень довольны».

Вскоре «Ясной зарей» заинтересовалось начальство. Оно смекнуло, что за крамола таилась в этой небольшой по формату газетке, наполненной горячим пламенным словом, и быстро закрыло ее.

В ПОДПОЛЬЕ

Летом 1911 года Серго Орджоникидзе по поручению Ленина делал объезд южных партийных комитетов. Он должен был «ознакомить местные организации, группы и ячейки с положением дел в партии и предложить готовиться к конференции...».

Небольшая квартирка по Пантелеймоновской улице с приходом Серго наполнилась шумом. В ней сразу стало как-то теснее. Вацлав Вацлавович пошел было готовить кофе, чтобы угостить товарища с дороги (Дора Моисеевна уехала с Ниной к родным в Николаев), но Григорий Константинович замахал на него рукой:

— Что вы, кофе! Кому нужен ваш барский напиток! Любите шашлык? Сейчас угощу. У меня есть барашек, купил на рынке, торговался, как купец. Так подозрений меньше. Вот смотрите! — С этими словами Орджоникидзе вытащил из сумки молодого барашка...

— Ну что ж, пусть будет так, — лукаво улыбнулся Воровский. — Видно, придется служить у вас поваренком...

...Вацлав Вацлавович считал, что созвать общепартийную конференцию необходимо. И заверил гостя, что от Одессы пошлют делегата.

В январе 1912 года в Праге состоялась общепартийная конференция РСДРП. На ней исключили из партии ликвидаторов-меньшевиков. Партия значительно окрепла и стала единой, большевистской. Воровский, как предполагал, не смог выбраться за границу. Был послан Воронский.

«Находившийся в Одессе с первых чисел февраля, — сообщала одесская охранка, — Александр Константинович Воронский, намеревавшийся сделать

доклад о ленинской конференции, не мог найти связей, и лишь 15 апреля ему удалось сделать доклад некоторым членам инициативной группы. 25 апреля, вечером, Воронский посетил дом № 28 по Пантелеймоновской улице, где проживал Вацлав Вацлавович Воровский».

Об этой встрече Воронский писал позднее: «В Одессе зашел к Воровскому. Передал ему привет от Ленина, рассказал о конференции. Воровский с решениями конференции согласился. Он кашлял, черты его лица обострились. «Ясную зарю» давно закрыли. Я зашел к нему еще однажды, застал писателей: Бунина, Федорова, Юшкевича, Олигера».

Решения Пражской конференции всколыхнули работу в местных партийных социал-демократических организациях. Она значительно оживилась и в Одессе. Большевики, руководимые Воровским, хотели созвать там южную областную конференцию, обсудить на ней решения Пражской конференции, изгнать меньшевиков-ликвидаторов из партии.

С этой целью в Одессе было организовано так называемое Бюро по созыву Южнорусской областной конференции. Во главе его встал Воровский. Он энергично взялся за подготовку областной конференции.

Однако меньшевики из Одесского комитета РСДРП всячески противились. Их поддерживали меньшевики из венской «Правды». Они хотели созвать сепаратную общепартийную конференцию, чтобы осудить там большевиков, дать им бой. С этой целью весной 1912 года на помощь меньшевикам приехал из-за границы Иоффе. Представитель венской «Правды» выступил на собрании членов РСДРП. Собрание состоялось 11 мая на берегу моря, на даче сочувствующего большевикам бухгалтера Неймана. Иоффе пытался навязать свою резолюцию о созыве общепартийной конференции

вопреки той, которая уже состоялась в Праге. Но тут взял слово Воровский. Он разоблачил махинации троцкиста Иоффе и предложил свою резолюцию. Она была принята большинством голосов.

В этой резолюции говорилось, что инициативная группа в Одессе должна войти в соглашение с киевской группой по созыву южной областной конференции. Для более конкретных переговоров об организации этой конференции в Одессу приезжал рабочий печатник Давид Шварц. Он только что вернулся с Пражской конференции и перед отъездом из Праги получил поручение Ленина организовать Южнорусский областной центр. Воровский полностью разделял точку зрения Ленина и договорился со Шварцем о совместных действиях. Шварц поехал в другие города — Екатеринослав, Енакиево, Юзовку, Полтаву.

В Одессе началась усиленная подготовка к конференции. И хотя из видных большевиков в Одессе был только Воровский, а в комитете было много меньшевиков, все-таки практически удалось больше сделать в Одессе, чем в Киеве, так как Д. Шварц и почти весь Киевский комитет вскоре были арестованы. В Одессе же Воровскому и другим товарищам удалось оповестить ряд организаций и наладить связи с Николаевом и Крымом. Для этого туда выезжали специальные уполномоченные Одесского комитета.

13 мая вновь состоялось собрание на даче бухгалтера Неймана. Прибыл туда и Воровский. Чтобы отвлечь внимание шпииков, Вацлав Вацлавович захватил с собой пятилетнюю Нину. Он оставил ее в саду поиграть, а сам направился в дом, где находилось уже несколько товарищей. На собрании решили выдвинуть кандидатом в депутаты IV Государственной думы «от города Одессы сотрудника газеты «Одесские новости» дворянина Вацлава Вацлавовича Воровского».

Воровский не возражал, раз так нужно партии. Но добавил, что вряд ли он будет угоден его величеству царю всероссийскому. «Думаю, что постараются упрятать меня за решетку, хоть я и дворянин. Выступавшие здесь говорили, что это поможет мне. Но учтите: дворянская грамота — ведь это еще не охранная грамота. С ней так же легко сажают, как и без нее. Единственное преимущество разве то, что царские держиморды не пускают в ход свои кулаки...»

...Подготовка к конференции шла успешно. Она была условно назначена на конец мая. Но делегаты не съехались к установленному сроку, и день открытия конференции был перенесен на начало июня.

А в это время начальник жандармского управления города Одессы доносил в департамент полиции, что он направил агентуру для выяснения места и времени собрания членов областной конференции. Он предлагал арестовать делегатов этой конференции. Но последовало указание: не спешить с ликвидацией и продолжать наблюдение.

Выборы делегатов в обстановке реакции были сопряжены с невероятными трудностями. Кроме того, члены инициативной группы РСДРП заметили за собой усилившуюся слежку полиции. Моисей Урицкий спешно выехал в Петербург, пытался бежать из Одессы Иоффе, но был задержан полицией. Вскоре последовали и другие аресты. Конференция так и не состоялась.

СНОВА АРЕСТ, СНОВА ТЮРЬМА...

Весной 1912 года на далеких сибирских рудниках были расстреляны царскими властями рабочие. Эта весть молниеносно облетела всю Россию. События на Лене подняли за собой новую волну революционного движения в стране. Русский пролетариат энергично поднялся на борьбу.

12 апреля в газете «Одесские новости» появилась заметка «На ленских приисках». Ее автором был Воровский. Он согласился с начала марта сотрудничать во влиятельной либеральной газете «Одесские новости» при условии, что редакция обеспечит ему полную свободу.

«Наша публика имеет очень смутное представление о том, — писал Воровский в этой заметке, — что такое сибирские прииски. Это не наши культурные промышленные предприятия, а заброшенные в глубь тайги, на расстоянии сотен верст от городских центров, оазисы, где тысячи рабочих находятся в полной власти своих хозяев. Там нет ни частных домов, где можно поселиться, ни частных лавок, где можно купить провиант. Все в руках приисковой администрации. Она должна доставлять все необходимое для жизни рабочего населения, и эта обязанность является источником неограниченной власти».

В такой глуши трудно было обиженному искать справедливости и суда, поэтому понятно зависимое, почти крепостное положение приисковых рабочих. Воровский призывал «к ревизии всего крепостнического строя приисковых отношений».

Вскоре в «Одесских новостях» появилась другая заметка Воровского — «Кто виноват?». Касаясь

официальных документов по поводу ленского расстрела, автор статьи разоблачал министра внутренних дел Макарова, который считал забастовку рабочих ленского прииска политическим актом. Воровский заявил, что министерство внутренних дел заранее направило на прииски военную силу и жандармов. На нем и лежит главная ответственность за злодеяние. Причину же трагедии Воровский правильно усматривал в «варварской эксплуатации рабочих в тайге».

К ленским событиям Воровский возвратился 24 мая в своей заметке «Своеобразная провокация». Эта статья написана совсем по другому поводу. Но в ней дается уничтожающая характеристика «боярина Трещенкова» (офицера, руководившего расстрелом на ленских приисках. — Н. П.).

В газете «Одесские новости» Воровский чувствовал себя все же стесненным. Он не был хозяином положения. Волей-неволей приходилось считаться с редактором. «Пока работаю в «Новостях», — сообщал Воровский в письме к Радченко, — но дело идет туго, и не знаю, удастся ли устроиться более прочно. Редактор человек тяжелый, и хотя у нас отношения безукоризненно корректные, но все же не чувствую себя на своем месте».

Сотрудничество в газете «Одесские новости» продолжалось вплоть до ареста, то есть до 8(21) июня 1912 года. За три месяца Воровский опубликовал около ста материалов. Тут были статьи, заметки, рецензии, фельетоны... В свой публицистический труд Воровский вносил всю пламенную душу и пылкое сердце. И поэтому его статьи не были равнодушной констатацией фактов, явлений, событий. Они волновали читателя, рождали в нем гнев и ненависть к поработителям.

Воровский очень любил писать, он был литератором по складу своей души и по духу. Он упивался своей

работой. В письме к Радченко от 8 апреля 1912 года Вацлав Вацлавович сообщал, что его жена сейчас в Николаеве, поехала с сестрой к отцу, а я «пьянствую» (то есть упоен работой. — Н. П.).

Воровский нетерпеливо ждал вечера, когда шумный портовый город замирал. Жена и дочь ложились в постель. Наступали блаженные минуты творения. Он садился за стол. Обычно его спокойное, задумчивое лицо оживало, глаза искрились, по губам пробегала улыбка. Видимо, ему на ум пришла удачная мысль, яркое сравнение, острое словцо. Не замечал, как пробегала короткая летняя ночь. В окна заползал свет. Голова наливалась усталостью, тело становилось дряблым. Он брел к постели, чтобы забыться и набраться новых сил.

Настоящее писательство как любовь, говорил Воровский. Его нельзя укрыть, когда оно волнует душу и толкает к перу; его нельзя вызвать искусственно, в нем нельзя фальшивить без того, чтобы вдумчивый читатель не почувствовал этой фальши и искусственности. Писательство, как понимал его Воровский, есть свободное и правдивое выражение внутреннего убеждения человека. Такое убеждение есть у всякого мыслящего и незачерствелого человека; но писатель отличается тем, что это убеждение у него назойливо и властно просится наружу и замалчивание этого убеждения, не высказывание его причиняет нравственное страдание. Нравственное же страдание причиняет и неполное, неясное, неточное — одним словом, несвободное высказывание своего суждения.

И сам Воровский был именно таким писателем, который нравственно страдал, когда, попадая в тюрьму, не мог высказывать своих убеждений, не мог ежедневно разговаривать со своим читателем.

Большого и опасного писателя видели в лице Воровского представители царской власти. Прокурор

одесской судебной палаты писал: «Воровский является весьма видным и деятельным писателем, пропагандирующим идеи Российской социал-демократической рабочей партии...»

В конце мая 1912 года Воровский совершил на пароходе поездку по Черному морю от Одессы до Батуми. Во время поездки он встречался с кавказскими большевиками и имел с ними беседу о конференции. Он побывал также в приморских городах Крыма: Евпатории и Ялте, где совещался с местными социал-демократами. Поездка на пароходе была для него также прекрасным отдыхом. Бодрящий морской воздух, пышная кавказская природа, красочность южных базаров, разноязычный говор пестрой толпы — все это отвлекало Воровского от постоянных дум о партийной работе.

Вацлав Вацлавович очень любил море. Подолгу он стоял на палубе и любовался меняющимися красками морской воды. Особенно прекрасным море казалось вечером, когда заходило солнце. Оно приобретало какое-то фантастическое свечение. По мере погружения багрово-красного солнечного диска за горизонт море меняло краски. То оно было пурпурным, то сгущалось до кроваво-красного цвета, то становилось темным, как нефть. Исчезало солнце, исчезала вместе с ним и игра красок. Темнота надвигалась быстро, но небо еще долго продолжало играть, повторяя ту цветовую гамму, которая недавно была так характерна для моря...

Воровский вернулся из поездки 7(20) июня и уже на другой день расстался со свободой. В ночь на 8 июня 1912 года члены Одесского комитета РСДРП во главе с Воровским были арестованы.

Снова потянулись нудные тюремные дни. Воровский старался их чем-нибудь заполнить, он много читал, писал письма, занимался литературной работой. Для своей пятилетней дочери Нины он написал сказку.

В письме из тюрьмы товарищу Воровский сообщал полупонамеком о своем отъезде из Одессы накануне ареста: «Пишу Вам ответ из совершенно неожиданного места. 8 июня (по старому стилю. — Н. П.) меня зачем-то арестовали, и сижу теперь в тюрьме. Оба Ваши письма я получил, но не ответил, так как уехал из Одессы. Первое письмо пришло ко времени моего отъезда, а второе я застал по возвращении, но не успел ответить, ибо на другой же день был арестован...

Долго ли меня продержат — еще не знаю, ибо не знаю, что мне собираются в вину поставить. Проверая грехи своей жизни, думаю, что это повторение третьегодней истории (Воровский намекает на то, что после его ареста в 1910 году дело не было закончено и тянулось вплоть до 1912 года. — Н. П.), ибо мой главный грех — что я, Вацлав Вацлавович Воровский, лицо запротоколированное, дактилоскопированное, занумерованное, прошнурованное и снабженное казенной печатью. Однако надеюсь, что всего этого недостаточно, чтобы заставить меня слишком долго пользоваться бесплатным помещением...»

Но предположения Воровского не оправдались. Ему пришлось просидеть в одесской тюрьме до поздней осени 1912 года. Судили Вацлава Вацлавовича при открытых дверях. Защитником Воровского выступал известный в Одессе адвокат по политическим делам Ю. Гросфельд.

Несмотря на отсутствие прямых улик против Воровского, охранное отделение не сомневалось в его причастности к Одесскому комитету РСДРП. Всех членов Организационного комитета по созыву южной областной конференции сослали под гласный надзор полиции в отдаленные места России. Воровского выслали в Вологду. После суда ему предоставили право неделю побыть дома.

— Ничего, еще легко отделался, — говорил Вацлав Вацлавович. — Могло быть хуже. Я и не предполагал, что они обо всем пронюхали. Вот прохвосты! Даже узнали о том, что меня в думу выдвигали. Не иначе, как нас кто-то предал...

Глава X

СКИТАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

В ВОЛОГДЕ

В начале ноября 1912 года Воровский прибыл в Вологду, типичный губернский городок на севере России.

...Холодное серое небо. Нависшие облака. Зима запаздывала в тот год. Мороз еще не сковал грязь на булыжной мостовой, и она чавкала под копытами лошадей.

С вокзала Воровский в сопровождении городского отправился на извозчике. Пролетку изрядно трясло. Вацлав Вацлавович держался за спину. Тряска болезненно отдавалась в позвоночнике. Тонкое лицо его было перекошено гримасой.

«Вскоре же, идя по берегу реки Вологды, — вспоминал один партийный товарищ, — я увидел извозчика, на котором сидел рядом с городовым Вацлав Вацлавович. Я окликнул его, он остановил извозчика, и мы несколько минут поговорили; Воровский расспрашивал об условиях жизни, о составе ссылки и т. д...»

С первых же дней пребывания в вологодской ссылке за Воровским была установлена слежка. В отчетах полиции о наблюдении за ссыльными он значился под кличкой «Важный».

Воровский быстро сдружился с ссыльными Вологодской губернии, а также имел «связи» с видными иногородними партийными работниками. В то время в Вологде, в ссылке, находилась сестра В. И. Ленина — Мария Ильинична Ульянова. Через нее Вацлав Вацлавович поддерживал отношения с Владимиром Ильичем.

В декабре 1912 года Н. К. Крупская сообщала в Петербург из Кракова о том, что они связались с Орловским, что теперь он, вероятно, будет писать в «Правду».

В Вологде Воровский нашел своих друзей по Одессе С. В. Малышева и И. А. Саммера и начал было налаживать выпуск нелегальной большевистской газеты. К этому делу ему удалось привлечь и других партийных товарищей: Б. Богданова, М. Быкова и т. д. Но постоянная слежка за ссыльными, недостаток технических и материальных средств затрудняли издание газеты.

Воровский часто ходил в кино и на концерты, бывал в театрах. В одном письме к жене он сообщал, что побывал уже в трех иллюзионах, посетил концерт певца Давыдова и балалаечника Трояновского. Он писал, что Давыдова он никогда раньше не слышал, а теперь мог судить только о том, каким некогда был его голос. От голоса осталось одно воспоминание, но зато школа, опыт, умение заставляли Воровского с удовольствием слушать этого безголосого старичка.

Балалайку Воровский не любил, он считал этот инструмент слишком архаичным, чтобы относиться к нему серьезно. Но Трояновский так великолепно играл, что Воровский не жалел, что пошел на концерт.

Воровский подробно писал жене о посещении театра, где давали «Заложников жизни» Ф. Сологуба.

«Отплевывался я после этого, словно таракана проглотил. И пьеса дрянь сама по себе, а уж игра — хуже нельзя!» — возмущался Вацлав Вацлавович.

Воровский регулярно получал письма от старых боевых друзей: В. Бонч-Бруевича, М. Ольминского. И, таким образом, был в курсе всех партийных дел.

Однажды Воровский получил сразу две бандероли: в первой был большевистский журнал «Просвещение» № 1, который прислал Михаил Степанович Ольминский,

а во второй — толстый роман «На ущербе». Открыв первую страницу романа, Воровский увидел «посвящение» от автора.

«Ба, да это старая знакомая — Раиса Лифшиц. Вот уж не ожидал, — подумал Воровский. — Уж не написать ли и мне роман?»

Писать роман Воровский не стал, но это подтолкнуло его, и он усиленно начал работать над литературно-критическими статьями. Об одной такой статье он писал жене 17 января 1913 года:

«Ты меня спрашиваешь, что за статью я пишу. Это довольно трудно сказать. Во всяком случае это будет «женская» статья — результат моего «бабничанья» в Вологде. Поводом — но только поводом — послужила «Вышла из круга» (повесть С. Юшкевича. — Н. П.)... А вообще это размышление о современной женщине и ее безысходном положении. Что выйдет — пока не знаю, хотя написал уже больше половины. Ввиду фривольности сюжета хочу послать ее в «Современник» (а не в «Сов. Мир»), для «Современного Мира» имею другую, более серьезную тему, но требующую больше работы».

Помимо литературно-критической деятельности, Воровский занялся с одним ссыльным, социал-демократом Б. Богдановым, подготовкой к печати статистического труда: «Маслодельные артели в Вологодской губернии». Впоследствии эта книга была выпущена в Вологде и пользовалась известностью среди специалистов сельского хозяйства.

Много внимания уделял Воровский и воспитанию молодых ссыльных в духе большевизма. Нередко среди ссыльных возникали споры, чаще всего между большевиками и меньшевиками. Малоопытная молодежь плохо представляла себе причины раздоров. Воровский долго и терпеливо разъяснял историю борьбы двух фракций в РСДРП.

Квартира Воровского служила ареной словесных боев. Сюда приходили многие ссыльные.

В беседе Воровский указывал, что борьба между большевиками и меньшевиками — это не личные раздоры двух лидеров — Мартова и Ленина. Это глубоко принципиальная борьба.

— Меньшевики считают, что русский пролетариат не созрел, чтобы брать власть в свои руки. Мы же глубоко убеждены, что возможна революция социалистическая. Меньшевики тянут нас к буржуазному парламентаризму западных стран, мы же должны идти дальше.

— Было бы непростительной глупостью понимать наш непримиримый спор с меками так упрощенно, — говорил Воровский, — как некоторые здесь полагают. Эта борьба серьезная, трудная, но она необходима. В конце концов меньшевики должны будут выбрать или дорогу в буржуазный лагерь, или к нам. Третьей линии нет, напрасно они стараются ее выдумать...

У Воровского часто собирались единомышленники, к нему приходили за советом молодые члены партии. Среди ссыльных Воровский организовал ряд нелегальных кружков для изучения марксистской теории и практики социалистического движения. Под видом вечеринок собирались политссыльные и горячо спорили, слушали Воровского, Богданова, Малышева. Потом начиналось обсуждение.

В феврале 1913 года в России праздновалось 300-летие дома Романовых. В связи с царским праздником ожидалась амнистия политзаключенным. Ждал ее и Воровский. Сильно скучая по жене и дочери, он все же советовал теперь немного обождать с приездом в Вологду, пока не будет ясна ситуация.

В результате амнистии Воровскому уменьшили срок пребывания в административной ссылке на один год. 23 февраля 1913 года Воровский отправил жене

телеграмму: «Вероятно, скинут год, процесс прекращается, собирайся».

У Воровского было чистое и твердое, как кристалл, сердце. Ни честолюбие, ни зависть ему не были знакомы.

«Когда я смотрю, — писал он жене, — как разные человечки пыжятся, жилиются, из кожи лезут, чтобы обратить на себя внимание Европы, чтобы сыграть роль в каком-нибудь «комитете» или «думе», или еще каком-нибудь злачном месте — мне только смешно. Ты сама знаешь, что чины и ордена сами ко мне лезли, а я поворачивался к ним спиной. Ибо я выше человеческих слабостей — живу на звезде и имею на плечи смешных гомункулов».

Как-то осенью 1913 года к Воровскому зашел Малышев. Страхивая с плаща капли дождя, он сказал, что Вацлаву Вацлавовичу придется сплясать, а то он не покажет, что принес. Недолго думая, Воровский, улыбаясь, пустился в пляс. Он прошелся по комнате вприсядку, а потом, отдуваясь, подошел к Сергею Васильевичу и протянул руку.

Малышев вынул из-за пазухи книгу Н. А. Рубакина «Среди книг», вышедшую недавно в Москве, развернул ее и, тыча пальцем, сказал:

— Читайте!

Вацлав Вацлавович увидел статью В. И. Ленина «О большевизме». В ней Воровский нашел и свой псевдоним — П. Орловский.

— Поздравляю, — кивнул Малышев на книгу. — От души рад за вас. Уж если сам Ильич назвал вас в числе главных писателей-большевиков, то это большая награда.

— Да, мне приятно, конечно... — дочитав статью, сказал Воровский. — Щекочет мое самолюбие, хотя я и не тщеславен. Ильич хитер: раз похвалил, то знает, я еще ретивее писать начну.

Вскоре к Воровскому приехала семья: жена и шестилетняя дочь Нина.

«Мы встречались ежедневно, — вспоминал один ссыльный, Б. Перес, — за столом у местной обывательницы Матафтиной, у которой столовались некоторые ссыльные. Не раз я бывал у Вацлава Вацлавовича дома.

Однажды вечером во время разговора я взялся за попавшиеся мне под руку поломанные куклы Ниночки и одну за другой починил их. Когда она наутро нашла своих исцеленных кукол, Вацлав Вацлавович пресерьезно уверил ее, что я кукольный доктор, и от души смеялся, когда при каждом моем появлении Ниночка бежала ко мне навстречу с новой пациенткой».

В кругу друзей Вацлав Вацлавович был обаятелен. Все окружающие от души любили его. Редко можно было увидеть его раздраженным, вспыльчивым, злым. Он обладал удивительной выдержкой и хорошо владел собой. Необыкновенный такт и ласковая внимательность к людям, забота и мягкость к ближним — все это подкупало. Неудивительно, что всех его знакомых тянуло к нему. С Вацлавом Вацлавовичем было приятно поговорить об искусстве и политике, об интегралах и литературе. Он был очень разносторонне образован, любил поэзию и часто декламировал стихи.

В Вологде Вацлав Вацлавович нередко хворал. Северный климат был явно ему противопоказан, но царские жандармы, видимо, на это и рассчитывали. Согнувшись, Воровский с трудом передвигал ноги. В момент обострения ревматизма глаза его становились грустными, но ненадолго. Даже когда недуг приковывал его к постели, он старался улыбнуться и часто подтрунивал над своей телесной немощью.

Он работал над чертежами и планами постройки женской гимназии на одной из площадей Вологды. Эта

работа давала ему средства к жизни. В то же время он писал статьи для «Правды» и других изданий.

В МОСКВУ, НА РОДИНУ

Осенью 1913 года срок ссылки подходил к концу. Воровский начал подумывать, куда ему направиться.

В. Бонч-Бруевич звал его в Петербург, предлагая место редактора в издательстве «Жизнь и знание». Но Воровского тянуло на родину, в Москву. Кроме того, петербургский климат, пожалуй, хуже вологодского — мог обострить его болезнь. И Воровский отказался от соблазнительных предложений Бонч-Бруевича. Однако он просил Владимира Дмитриевича дать ему рекомендации и сообщить знакомства, которые могут пригодиться в Москве.

«Но так как Вы всегда имели склонности к оптимизму и идеализации человек, — писал Воровский Бонч-Бруевичу, — то сначала (при помощи Веры Михайловны) произведите строгий критический смотр вашим москвичам... Для критерия сообщаю Вам, что могу быть: а) литератором, б) переводчиком, в) редактором, г) статистиком, д) библиотекарем, е) личным секретарем и вообще всем. По части технической: а) составлять проекты зданий, сметы на постройку, чертить и т. п. (хотя черчение вредно отзывается на моих верхушках), б) заведовать строительной конторой, канцелярией, чертежной, вообще быть начальством, в) наблюдать за постройкой чего угодно и где угодно». Далее, продолжая шутить, Воровский сообщал, что ему легче всего быть начальством: мало работы и много денег.

«Идеалом было бы получить место личного секретаря при каком-нибудь приличном и платежеспособном человеке, но идеал, как известно, тем и отличается, что никогда не достигается».

Рассказывая о своем житье-бытье в Вологде, Воровский продолжал: «Мои живут неодинаково: дочь здорова и толстеет, мать похварывает и худеет; возможно, что в сумме остается то же самое, но все-таки это слабое утешение».

В конце сентября Воровский приезжал в Петербург. Неоднократно он заходил в издательство «Жизнь и знание», виделся с Бонч-Бруевичем и другими товарищами. Тут же условился с Владимиром Дмитриевичем о литературной работе, обещал редактировать рукописи.

В октябре 1913 года кончился срок ссылки, и Воровский с семьей выехал в Москву, куда его усиленно звали друзья: Г. М. Кржижановский, И. И. Радченко и другие.

В Москве на Воровского нахлынули воспоминания юности. Он ходил по кривым улицам старого города и вспоминал молодость. Домик на Таганке, где он жил в студенческие годы, напомнил ему молодежные сходки, шумные собрания, споры. Он вспомнил, как под студенческой шинелью проносил рабочим листовки и запрещенные брошюры, как читал их в тесном кругу, как вместе они пели «Беснуйтесь, тираны», «Варшавянку», «Вихри враждебные»... А вот и тюрьма, где он провел два долгих года. Здесь, в застенке, родилась песня: «Смело, товарищи, в ногу!» Ее сочинил Леонид Петрович Радин — ученый, революционер. Слова этой песни пришли на память, и Воровский про себя напевал:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе,
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

«Как все это было давно, — думал Вацлав Вацлавович. — От многого я бы теперь воздержался. Но, видимо, такова диалектика жизни. Идти вперед, не останавливаясь на полпути. В этом цель нашей жизни...»

Проходя мимо огромного здания Технического училища, Воровский поддался внутреннему порыву, зашел и неожиданно для себя подал прошение: «Желая закончить техническое образование, прерванное в 1897 году, настоящим имею честь просить Ваше Превосходительство зачислить меня в число студентов Московского технического училища. При этом прошу зачесть мне все те чертежные работы и проекты, которые были мною сданы в свое время, а также работы в мастерских и те учебные предметы, по которым я сдал экзамены».

В Москве Воровскому предложили в «Обществе электрического освещения 1886 года» место инженера, которое вскоре должно было освободиться. Пока дело с работой, тянулось, Иван Иванович Радченко пригласил Воровских отдохнуть у него, вблизи Богородска.

В октябре 1913 года Воровский вместе с Глебом Максимилиановичем Кржижановским, работавшим тогда инженером, приехали к И. И. Радченко. Пока Алиса Ивановна хлопотала с самоваром, мужчины обсуждали вопрос, как устроить Воровского здесь, на торфяном болоте. Надо же ему отдохнуть после вологодской ссылки.

Иван Иванович предложил Воровскому сделаться организатором потребительского общества: оклад 100 рублей на всем готовом.

Сняв пенсне, Воровский улыбнулся и сказал, что он был в приказчиках, теперь может стать и кооператором.

Вскоре Воровский с женой и дочерью перебрались погостить к И. И. Радченко. Им отвели комнату и веранду наверху.

Вацлав Вацлавович ушел с головой в создание местных рабочих организаций и искренне увлекся этим. Иван Иванович поражался его деятельностью: и партийной, и профсоюзной, и кооперативной.

В конце ноября Дора Моисеевна с Ниной уехали в Одессу, и Воровский остался один. Появилось больше свободного времени. Как-то на досуге он сел за стол и написал письмо Бонч-Бруевичам в Петербург:

«Помните чеховского актера, который перед смертью все рвался «в Вязьму». Вот и я, очевидно, предвидя близкий (каких-нибудь лет 20 осталось) конец, начал рваться на свою родину — Москву. Решил, сидя в Вологде, что поеду в Москву. А тут еще мой лейб-медик говорит: не суйся в Питер, без легких будешь, а без легких, как видно из самого названия, тяжело. Вот я и приехал в Москву.

Надо знать, что в Москве, вернее в том самом болоте, куда я теперь окунулся, уже 1½ года сидит Иван Иванович Радченко. Звал он нас погостить, вот мы и решили «использовать» его как базу для «выступлений».

Приехал в Москву, глядь куда ни плюнь — все старые приятели. Тут и Красин, и Кржижановский, и Фриц (Ф. В. Ленгник. — Н. П.), что на белом коне во время оно въехал, и пр. и пр.»^[24].

Воровский рассказал, как его с места в карьер начали устраивать и устроили. В электрическом обществе должна через несколько месяцев освободиться одна вакансия, для него подходящая; а пока ему предложено поселиться на казенной даче и поправлять расстроенное здоровье. Дали на болоте квартиру из 3 комнат с ванной, мебелью, отоплением и освещением. Дали 100 целковых в месяц, а для оправдания его бытия приставили «организовать потребительское общество». Работа не из трудных —

пока еще ничего делать не приходилось, ибо еще только строят дом для лавки, да и само общество только начинает образовываться. «Вот как я очутился на болоте».

Однажды зимой Вацлав Вацлавович получил от Бонч-Бруевича каталог книг, выпущенных издательством «Жизнь и знание». Он зашел к Радченко и, потрясая каталогом, сказал, что Бонч неисправим, что у него прямо-таки страсть к книгоиздательскому делу. Вот уж истинно говорится: горбатого могила исправит. Уверен, что когда Бонч умрет, мы найдем завещание: обернуть его труп в печатную бумагу и сжечь на полном собрании сочинений Серафимовича или Гусева-Оренбургского. Ну что ж, он не враг просвещения, в добрый час! Давайте больше книг, меньше дураков будет на свете...

В январе 1914 года Воровский выслал Бонч-Бруевичу рукопись своей статьи и просил ее отдать в «Современный мир» или «Современник». При этом он указывал, чтобы статья попала непременно в февральскую книжку, потому что книга, материалами которой он пользовался в корректуре, выйдет, вероятно, к 1 марта, а по выходе ее статья потеряет часть интереса.

...Зима. Пушистый снег прикрыл наготу улиц и площадей, приукрасил тихие дворики Москвы. Город сразу похорошел, помолодел. Без семьи Воровскому стало скучно коротать зимние вечера, и он чаще начал навещать своих студенческих друзей: Башкова, Бриллинга и других. Внимательно следил за культурной жизнью большого города — второй столицы государства Российского.

13 февраля Воровский писал жене, что случайно попал на одну «людную» лекцию. «Зря пропал вечер и 90 коп. кровных, трудовых денег. Единственным развлечением в этой белиберде было появление

футуриста Маяковского, который сначала явился в пиджаке какого-то ярко-пестрого футуристического цвета, за что был выведен мерами устроителей и полиции. Через полчаса вернулся в пиджаке цвета танго и возражал, ко всему общему удивлению, толково и разумно».

1914 год. Начало империалистической войны. Однажды Воровский шел по Тверской. Навстречу двигалась толпа с портретом Николая II. Группа молодых людей в котелках несла хоругви. Пьяные выкрикивали лозунги: «Да здравствует царь!», «Да здравствует Россия!» Воровский пропустил мимо себя толпу бесновавшихся купчиков и подумал:

«Для них война — это прибыль. А каково будет русскому солдату сидеть в окопах и грызть сухари...»

В Москве Воровский пробыл недолго, только до осени 1914 года. Устроиться прилично в электрическом обществе не удалось. Пришлось ехать в Петроград.

В ПЕТРОГРАДЕ

«Дорогой дядя Ваня, — писал Воровский Ивану Ивановичу Радченко 24 мая 1915 года из Петрограда. — Факт, столь поразивший Ваше воображение, а именно то, что я плачу долги, есть-таки да факт, и, можно сказать, не факт, а истинное происшествие. Причину его Вы сейчас узнаете и все поймете, и затихнет в Вас голос сомнений». И Воровский объяснил эту причину.

Л. Б. Красин известил Воровского о постройке электростанции на Неве и предложил там работу. Воровский принял это предложение. Но из-за войны стройка вскоре прекратилась. Строительную контору решили ликвидировать. Всех служащих должны были уволить, а Воровского перевести в правление и держать там до лучших времен. Но энергия Леонида Борисовича Красина, придумывавшего для своего друга разные комбинации по устройству его на работу, была неистощима. Он рекомендовал Воровского на завод Симменса-Шуккерта в помощники к заведующему отделом цен. Место сулило заманчивые перспективы, давало большую долю независимости и 300 рублей для начала. Недолго мешкая, Воровский согласился. Так он очутился под крылышком Леонида Борисовича Красина, как он шутил в кругу знакомых.

Леонида Борисовича он знал давно. Еще когда Красин был студентом Петербургского технологического института, Воровский слышал о нем как об активном члене революционного кружка. Но впервые они встретились на III съезде партии. Воровский выступил с критикой в адрес примиренцев из ЦК. Со всем пылом, свойственным молодости, Вацлав Вацлавович указывал тогда, что это они, примиренцы, в

том числе и Красин, помогли ЦК распустить Южное бюро большевиков. Позднее Красин понял, что напрасно ратовал за мир с меньшевиками, и твердо стал на ленинские позиции.

Но по-настоящему они подружились в годы первой русской революции, в редакции газеты «Новая жизнь». В то время Леонид Борисович проявил талант организатора и отличного конспиратора. Худощавый, стройный, с небольшой бородкой клинышком, Красин поражал Воровского своей практичностью, обилием связей, деловитостью. «Инженер до мозга костей», — подумал о нем тогда Вацлав Вацлавович.

«Идешь на службу, и даже в голову не приходит, что какой-нибудь Митя Верещагин может тебе сказать резкость (Верещагин — инженер из «Общества 1886 года», где в 1914 году служил Воровский. — Н. П.). Ничего этого здесь нет, — с радостью сообщал Воровский И. Радченко. — Надо мной есть два человека: заведующий моим отделом, скромный, забитый и весьма почтительный ко мне еврей, и директор завода, ипохондрик, но вполне корректный со мной, так что все у нас идет гладко. Не знаю, пронюхали ли они о моих связях с Леонидом, или просто смотрят на меня как на члена «командующего класса», но мне даже странно после 1886 года чувствовать себя безначальным...»

Вспоминая свое житье-бытье «на болоте», мысленно воображая, что там творится, Воровский в письмах подтрунивал над пристрастием И. И. Радченко к торфяному болоту. Вацлав Вацлавович звал своего друга с женой в Петроград.

«Не понимаю, — писал он им, — что вам за охота киснуть на болоте: сами скоро в торф превратитесь. Встряхните старость свою, а то плохо кончите».

Летом 1915 года Вацлав Вацлавович отправил дочь Нину на дачу, где с ней занималась ее школьная воспитательница. Там ей было хорошо. Она резвилась

на воздухе, бегала и играла. В воскресенье к ней приезжали родители. Они радовались, что дочь поправилась и стала менее раздражительной.

Во время первой империалистической войны легальные органы печати большевиков были разгромлены поднявшейся волной реакции и шовинизма. У большевиков в Петрограде сохранился журнал «Просвещение», но и его издание прекратилось. Оставшиеся в России партийные товарищи делали все, чтобы наладить его выпуск. В редколлегию журнала ввели Воровского и примыкавшего в то время к большевикам Б. Авилова.

Выпустить во время войны журнал так и не удалось. Вацлав Вацлавович делал несколько попыток создать литературную группу в Петрограде, чтобы распространять среди масс печатное слово большевиков. В его маленькой, но уютной квартирке на Церковной улице не раз собирались уцелевшие большевистские силы: Ольминский, Елизарова, Шведчиков, Полов (Дубовской), Авилов и другие, чтобы договориться о составе литературной группы. Но все попытки оканчивались неудачей. Среди присутствующих не было единства.

«Однажды после жарких и бесплодных споров на маленьком собрании у Воровского тов. Шведчиков и я, — рассказывал В. Попов (Дубовской), — собрались домой. Один из видных, старых большевиков, уговаривавший нас посидеть еще, чтобы «договорить», ядовито, заметил:

— Где уж тут сидеть. Они боятся опоздать к началу революции».

Эти неудачи с образованием литературной группы и с выпуском периодического органа большевиков сильно волновали В. И. Ленина. Через Н. К. Крупскую он запрашивал в Петербург в начале 1916 года: «Кто входит в Петербургскую литературную группу? Где

Галерка (Ольминский. — Н. П.)? Виделись ли с ним? Почему он не мог войти в «Летопись» (журнал, редактировавшийся М. Горьким. — Н. П.) представителем от б-ков? Как счел Авилов возможным единолично пойти в «Летопись»?

Где Орловский? Чем объясняется его уход? Кто вообще сейчас еще в Питере из старых партийных товарищей?»

Не довольствуясь такими запросами, В. И. Ленин и Н. К. Крупская послали Воровскому письма, которые тот получил через одного товарища. Однако Воровский не сумел ответить на них, так как еще осенью 1915 года был послан заводом Симменса-Шуккерта в Стокгольм в длительную командировку. Потом эта командировка оказалась постоянным местом работы до конца войны. Вернувшись ненадолго в январе 1916 года, Воровский забрал семью и вновь выехал в Швецию.

Зимой 1916 года Воровский с женой и дочкой переходили пешком границу Финляндии, чтобы оттуда проехать в Стокгольм. Конечно, лучше бы было пароходом, но залив в ту зиму замерз, да и опасно было: в Балтийском море поджидали свою жертву германские подводные лодки и минные поля. Империалистическая война была в самом разгаре.

Глава XI ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

В СТОКГОЛЬМЕ

В годы империалистической войны Скандинавские страны служили убежищем для многих русских политэмигрантов. Особенно их много было в Швеции и Норвегии. Колония русских большевиков в Стокгольме была связующим звеном между Россией и В. И. Лениным. Письма и телеграммы для Ленина из Петербурга посылались на имя Я. С. Ганецкого, а затем пересылались в Швейцарию.

В Стокгольме Воровский поселился с семьей на тихой улице Биргерярлсгатан, неподалеку от дома, где жил Ганецкий с семьей, и включился в партийную работу.

Здесь застала Вацлава Вацлавовича и Февральская революция. Первые известия о ней сильно взволновали его. «В чьих руках фактически власть? Неужели, наконец, действительно покончено с самодержавием?» — вот вопросы, которые сразу родились в голове Воровского. А потом полезли в голову и другие мысли: «Кто арестовал царских министров? Какие взаимоотношения между Временным правительством и Советом рабочих депутатов?»

В Стокгольме образовался эмигрантский комитет. Ганецкий и Воровский держались от него в стороне, так как он сразу же установил связи с царским послом и ратовал за немедленный выезд на родину.

Однажды за обедом Дора Моисеевна протянула Воровскому телеграмму из Питера...

Пробежав текст, Воровский сказал, что телеграмма от Бюро ЦК, которое торопит Ленина с приездом.

Было начало апреля 1917 года. Весеннее солнце щедро поливало улицы Стокгольма, а на воду нельзя

было смотреть: так и слепило глаза. В один из таких погожих дней Воровский отправился на квартиру Якова Станиславовича Ганецкого.

— Вот полюбуйте, опять требуют Старика^[25], — сказал Воровский, протягивая телеграмму Ганецкому.

— Да, — в раздумье ответил Ганецкий, — видно, дела серьезные, раз так торопят Ильича с приездом...

— А как не торопить, когда в Питере сейчас все бурлит. Растеряешься, пожалуй. Одни говорят: давайте поддерживать Временное правительство, а другие против...

В России действительно создалась сложная обстановка. В февральские дни там сразу родились две власти: власть народа — Советы рабочих и солдатских депутатов и власть буржуазии — Временное правительство. Получив власть, буржуазия считала революцию законченной. Эсеры и меньшевики подпевали буржуазии. В этой новой обстановке кое-кто растерялся. Вместо того чтобы сразу занять непримиримую позицию к Временному правительству и выбросить лозунг: «Вся власть Советам!», они заколебались и остановились было на полпути.

Народ говорил: «Долой войну!», а Каменев в «Правде» вещал: «Стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряд — снарядом».

В те дни В. И. Ленин переслал через стокгольмских друзей «Письма издалека». В них Владимир Ильич ясно говорил рабочим, что они должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу на втором этапе революции.

— Неужели нашим не ясно, что Ильич делает теперь ставку на социалистическую революцию? — теребя бородку, говорил Воровский. — Почему стараются примирить рабочего с Керенским? Разве можно сейчас быть теплым, как это делает Каменев? Советы должны

быть наши. Сейчас в них засели агенты буржуазии, а Каменев и иже с ним ничего не предпринимают, чтобы революционизировать рабочих. Можно ли так добиться мира, земли, свободы?..

— Ильич чувствует неладное и сам рвется в Россию, — сказал Ганецкий. — Вот послушайте, что он мне пишет: «Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время...»

— Да, Старик спешит в Питер, но все границы для него заперты, — задумчиво проговорил Воровский. — Надо помочь ему вырваться из Швейцарии.

— А он уже придумал план, — улыбнувшись, сказал Яков Станиславович. — Ильич пишет: «Найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым». Вот он даже свою фотографию прислал, чтобы по ней мы могли подобрать шведа и достать у него паспорт. Я, признаться, хохотал, когда прочел это...

— Что? Ильич прислал фото? Дайте мне карточку, я найду ей лучшее применение... — В серых глазах Воровского вспыхнули огоньки, по тонким губам пробежала улыбка и растаяла в темных с проседью усах, но он быстро подавил ее и стал вполне серьезным.

— Вы что? Какую-нибудь каверзу задумали, Вацлав Вацлавович? — спросил Ганецкий, зная пристрастие своего друга к разным проделкам.

— Какие тут шутки! Я заставлю медлительных шведов отнестись к Ленину с большим участием, только и всего.

— Ну что же, берите... Сейчас, я думаю, нам надо составить телеграмму Ленину и послать немедля, — сказал Ганецкий, вырывая листок из блокнота.

Яков Станиславович, веселый, подвижной человек, подстриженный под ежик, сел за письменный стол и начал быстро писать.

Воровский, худой и высокий, ходил по комнате, усталанной ковром, и диктовал мягким, вкрадчивым голосом:

— Беленин [\[26\]](#) телеграфирует 5. апреля: Ульянов должен тотчас же приехать. Все эмигранты имеют свободный въезд. Для Ульянова специальное разрешение. Вероятно, ответ на мой предложенный Вам план поездки... Просим непременно сейчас же выехать, ни с кем не считаясь. По поводу группы Мартова телеграфирую. Посылаю гонца к Беленину узнать мнение Чхеидзе [\[27\]](#). Куба [\[28\]](#), Орловский.

Через два дня, утром, Ганецкий сидел за кофе и просматривал газеты. Вдруг на первой полосе «Политикен» — газеты левых шведских социал-демократов — он увидел знакомое лицо: прямо на него смотрел Ленин. Это была та самая фотография, которую прислал ему Владимир Ильич. А под ней передовица — «Вождь русской революции» [\[29\]](#).

— Гиза, посмотри, — сказал он жене. — Вот проделки Воровского. Позавчера он стянул фотографию, а сегодня, полюбуйся, она уже в газете. Как тебе это нравится? И когда только успевает он все делать?

«Человек, портрет которого помещен выше, — переводил со шведского Ганецкий статью о Ленине, — один из самых замечательных вождей русской социал-демократии. Он вырос из массового движения русского пролетариата и рос вместе с ним; вся его жизнь, его мысли и деятельность неразрывно связаны с судьбами рабочего класса.

В счастье и в несчастье, в момент бурного революционного подъема и в долгие годы бешеного разгула реакции он оставался верен интересам русского и международного пролетариата, и для него была лишь одна цель — социализм, лишь одно средство

— классовая борьба, лишь одна опора — революционный международный пролетариат.

Самое характерное в этом человеке, — продолжал Ганецкий, — неистощимая энергия, его необычайная принципиальность, которые помогли ему в годы реакции остаться верным большевистской партии и собрать своих единомышленников вокруг знамени «Интернационала».

ПРИЕЗД ЛЕНИНА В СТОКГОЛЬМ

В Швейцарии шла подготовка к отъезду в Россию. Владимир Ильич попросил швейцарского социалиста Фрица Платтена вести переговоры с германскими властями. Переговоры успешно закончились. Ленину и группе большевиков-эмигрантов удалось получить разрешение (в обмен на немецких военнопленных) на проезд из Швейцарии через Германию в Швецию. Было условлено, что на пути следования по Германии никто не будет выходить из вагона и не будет вступать дорогой в какие-либо переговоры. Немецкие власти гарантировали при этом экстерриториальность вагона и ни у кого не стали проверять паспортов. Платтен сопровождал Ленина и других товарищей только до Стокгольма, так как Временное правительство не разрешило ему въезд в Россию. О своих приготовлениях Владимир Ильич регулярно сообщал Ганецкому в Стокгольм.

В воскресенье, 8 апреля, Ганецкий с женой и четырехлетним сыном Станиславом отправились к Воровским. Белокурый мальчик во всем старался подражать отцу.

Воровского гости застали на кухне. Надев фартук, он мыл посуду.

— Овладеваю тайнами женского ремесла, — ответил хозяин на приветствие гостей. — Дора опять слегла, а Нине доверить — тарелок лишиться...

Мужчины уединились в кабинете, женщины разговаривали в спальне. Ганецкий рассказал Воровскому о телеграмме Ленина, в которой Ильич просил сообщить о своем выезде Стрему и Линдхагену

— шведским товарищам, социал-демократам, а также выслать тысячи две-три крон на дорогу.

Пробежав немецкий текст телеграммы, Воровский задумался: «Каков теперь Ильич... Наверное, здорово изменился. Уже десять лет, как не видел его. Соскучился...»

Словно угадывая мысли Воровского, Ганецкий сказал:

— С Владимиром Ильичем легко работать. Это человек большого обаяния.

— Главное, он любит людей, с которыми работает и борется за общие интересы.

Тут же договорились, что Ганецкий выедет в Мальме, зафрахтует там шведское судно, пошлет его в порт Засницу (Германия) с таким расчетом, чтобы оно прибыло туда числа 11 апреля и смогло принять на борт русских политэмигрантов.

В те дни Вацлав Вацлавович работал представителем фирмы «Симменс-Шуккерт» в Стокгольме. Ему, как заведующему местным закупочным бюро, редко приходилось совершать поездки по Швеции. Поэтому было решено, что он не будет отлучаться из Стокгольма, чтобы не вызвать никаких неприятностей по службе, а станет ждать Владимира Ильича в шведской столице.

В небольшой портовый городок Треллеборг — место, куда должен был пришвартоваться пароход с Лениным и другими товарищами на борту, — Ганецкий прибыл из Мальме, где он фрахтовал судно 10 апреля. Тут же, на вокзале, он заказал отдельный вагон до Стокгольма и послал Владимиру Ильичу телеграмму. Потом отправился бродить по городу.

Был ясный солнечный день. Море спокойно нежилось на солнце. Поблизости от вокзала, в стороне от портовых кабачков он нашел гостиницу «Корона», где заказал ужин на 32 человека (по количеству

прибывающих). До прибытия судна оставалось несколько часов. Вечерело. Не спеша, с тросточкой в руке Ганецкий прогуливался по набережной. Волны лениво лизали берег, тихо бились у мола.

Пока небольшой белый ярко освещенный пароход «Треллеборг» пришвартовывался к пристани, Ганецкий жадно смотрел голубыми навывкате глазами на толпу пассажиров, облепивших палубу, разыскивая Владимира Ильича и Надежду Константиновну.

Спустили трап. На берег сошли Владимир Ильич с Надеждой Константиновной, Миха Цхакая, Григорий Усиевич, Елена Кон и другие. Встреча была короткой, но теплой и радушной. Владимир Ильич пожал руку Ганецкому и поблагодарил его за помощь. Ганецкий обратил внимание, как постарел Ленин с тех пор, как они не виделись. Лицо осунулось, голова совсем облысела. Но глаза не изменились: они по-прежнему горели и лукаво искрились. Да и движения остались резкими, молодыми...

Тут же Ленин начал расспрашивать о России, хотел знать все о революции, выпрашивал подробности, которых Ганецкий сам не знал.

В ресторане все были удивлены обильной шведской закуске. Шведы любят поесть. У них считается делом чести отведать как можно больше холодных закусок. Вот и сейчас стол был накрыт в традиционном шведском вкусе. Тут и разные сельди: пряного посола, маринованные, очищенные, вареные, жирные. Затем анчоусы и сардины. Тут и мясо: буженина, ветчина, корейка, поджаренное свиное сало, студень, свиные ножки. Тут и салаты пяти сортов: с омарами, салат «Карри», французский, итальянский и даже русский.

Когда аппетиты улеглись, начались расспросы и рассказы. Владимир Ильич жалел, что Воровский не мог приехать, но надеялся на встречу с ним в Стокгольме,

расспрашивал о здоровье Вацлава Вацлавовича и его жены.

— Я вижу, ваши желудки не удалось законсервировать немцам, — шутил Ганецкий за столом, — хотя буржуазная печать на все лады трубит о «пломбированном вагоне».

— Пломбы никакой не было, но держали нас строго, — вспоминал потом Миха Цхакая. — Наш спутник, маленький Роберт, захотел было поупражняться с одним немцем на станции в знании французского языка, ибо других он не знал, но немец не пожелал с ним разговаривать, повернулся спиной. Так нашему мальчику и не удалось поговорить. А на берегу, когда мы садились на пароход, постлали доски, чтобы не касаться немецкой земли, — таково было желание германских властей.

— Получили ли вы мою телеграмму? — обратился Ганецкий.

— О да, мы были очень рады, — ответил Миха Цхакая. — Но вначале, когда капитан спросил: «Кто из вас господин Ульянов?» — мы было струхнули... «А что вам угодно? — выступив вперед, сказал Владимир Ильич. — Я Ульянов». Тогда-то капитан и сообщил нам текст вашей телеграммы. Все сразу повеселели, приободрились...

Немного отдохнув, все заспешили на вокзал. Особенно не терпелось Владимиру Ильичу, он так и рвался скорее в Россию.

И вот все в вагоне поезда. Ганецкий сел в одно купе с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Беседа затянулась до поздней ночи. Владимир Ильич все расспрашивал о последних сведениях из России. Он говорил о предстоящей борьбе пролетариата, о перспективах развивающейся революции, о форме, которую она должна принять...

Владимир Ильич указывал на необходимость оставить за границей ячейку для сношения между ЦК РСДРП (б) в России и внешним миром, для информации и вообще «на всякий случай». Тут же наметилось Заграничное бюро ЦК партии большевиков, в которое вошли Ганецкий и Воровский. Лишь в 4 часа удалось уговорить Владимира Ильича немножко поспать.

В. В. Воровский среди служащих советского полпредства в Риме.

Здание советского полпредства в Риме. 1922 г.

В Стокгольм прибыли утром 14 апреля. На вокзале собралась толпа встречающих. Сновали вездесущие репортеры. Пришел Воровский с дочерью, тут же находилась и колония русских политэмигрантов, шведские социал-демократы.

В небольшом помещении вокзала, где было вывешено красное знамя, состоялся краткий митинг. На нем присутствовали бургомистр города Стокгольма Линдхаген, депутаты-социалисты Стрем и Карлсон, редактор газеты «Политикен» Нерман и другие.

Линдхаген, хорошо знавший Ленина, быстро закончил все формальности, связанные с проездом русских подданных, и помог разместиться на отдых в первой-классной гостинице «Регина». После завтрака, устроенного бургомистром в честь Ленина и его друзей, все отправились по магазинам, чтобы купить книги и необходимые вещи. Воровский и Ганецкий развозили небольшие группы прибывших товарищей, показывали им столицу Швеции.

На квартире Воровского В. И. Ленин оставил письма и партийные документы, которые небезопасно было везти в Россию: никто не знал, как встретят большевиков на родине. Тут же Ильич оставил точные инструкции Заграничному бюро ЦК РСДРП (б) и вручил оставшийся у них капитал в 300 шведских крон на партийные расходы.

Вечером Воровский провожал русских политэмигрантов на вокзале: Владимир Ильич торопился с отъездом и не хотел даже переночевать в Стокгольме.

Владимир Ильич просил Воровского держать с ним постоянную связь, информировать о делах за границей, сообщать в зарубежной печати о ходе русской революции, присылать материалы в «Правду». Воровский заверил Ленина, что связь они постараются наладить.

В ЗАГРАНИЧНОМ БЮРО РСДРП(б)

Через несколько дней после отъезда Владимира Ильича и других политэмигрантов в Россию Воровский с Ганецким отправились к царскому послу, чтобы попробовать договориться о пересылке с его помощью партийной почты и курьеров. По этому случаю оба они принарядились. Воровский надел свой серый в елочку костюм, тщательно завязал галстук-бабочку, почистил туфли. Ганецкий также облачился в свой лучший костюм и захватил тросточку.

По дороге к зданию русского посольства Воровский шутливо говорил, что вот они и заделались дипломатами. Правда, у них нет собственного автомобиля, но со временем будет и он...

В просторной богато убранной приемной их любезно принял сам посол Гулькевич, оказавшийся после Февральской революции не у дел. Чтобы не ударить в грязь лицом перед сановитым господином (знай, мол, что революционеры тоже не лыком шиты!), Воровский выказывал любезность, разговаривая с ним. Вацлав Вацлавович интересовался буквально всем: какова площадь посольства, велика ли арендная плата, на какой срок арендный договор, мебель его собственная или казенная, каков штат служащих, каковы их оклады. Гулькевич был растерян. Смокинг еще больше оттенял бледность его лица. С ужасом в голосе он проговорил:

— Не собираетесь ли вы устранить меня? Ведь я целиком согласен с Временным правительством. Я сам думал, что царизм — пережиток...

Улыбаясь, Воровский убежденно произнес:

— Да, царизм действительно оказался пережитком. Но не пережиток ли и Временное правительство?..

Посол обещал исполнить точно все требования, которые предъявили ему Воровский и Ганецкий. Он обязался бесконтрольно пересылать диппочтой пакеты в адрес Ленина, согласился выдать дипломатические паспорта тем курьерам, которых они сами отберут. Посол согласился также по настоянию Воровского выдать визы революционерам-эмигрантам для проезда в Россию.

Озадаченный посол, кланяясь, проводил Воровского и Ганецкого до дверей.

— Первый прием прошел неплохо, дорогой Вацлав Вацлавович, — сказал Ганецкий на улице. — У вас прирожденный дипломатический талант.

— Главное — чувствовать себя хозяином положения. Мы сейчас представляем русский народ, а он, — Воровский кивнул на здание русского посольства, — только Николая Романова. Теперь ему и вовсе некого представлять...

На другой день Ганецкий, выполнявший в Заграничном бюро ЦК РСДРП (б) секретарские функции, послал В. И. Ленину письмо. Сообщив о получении письма от Владимира Ильича из Гапаранды (пограничный пункт между Швецией и Финляндией), он писал: «Относительно сношений сделали все, что можно. Но первый шаг должен сделать Питер. Должны постараться посылать возможно чаще курьеров, письма — особым способом и т. п. — одним словом, чтобы мы возможно скорее получили сведения. Весьма важны и газеты. До сих пор не получили ни одного номера.

С протоколами устроим в следующий раз. Через несколько дней едет Орловский, и он возьмет».

Однако связь с Лениным в те дни была затруднена. Временное правительство чинило всякие препятствия.

23 апреля Ганецкий опять написал письмо В. И. Ленину и сетовал на то, что от него нет ни писем, ни телеграмм. Ганецкий также спрашивал Ленина, сколько

они могут пока израсходовать денег на телеграммы для «Правды».

Заграничное бюро ЦК РСДРП (б) в Стокгольме не сидело сложа руки из-за того, что связь с Лениным была в первое время нерегулярна. Оно установило прочные контакты с левыми социал-демократами Скандинавских стран, Германии, Швейцарии и Франции. Этого было, конечно, мало. Главное — связь с Россией, с Лениным не была постоянной. Поэтому в мае 1917 года Воровский предпринял поездку в Петроград. Он продолжал все еще работать в фирме «Симменс-Шуккерт» и по делам службы отправился в Россию.

В Петрограде он сразу попал в водоворот революционных событий. Боевое настроение рабочих росло с каждым днем: устраивались митинги, демонстрации. Пролетариат требовал мира, хлеба, свободы, но Временное буржуазное правительство ничего не делало, чтобы улучшить положение народа. Оно продолжало войну. На улицах российской столицы Воровский видел демонстрантов, шествовавших с транспарантами: «Долой войну!», «Опубликовать тайные договоры!», «Вся власть Советам!»

Воровский зашел в партийное издательство «Жизнь и знание» к Бонч-Бруевичу. Вацлав Вацлавович удивлялся размаху издательского дела и талантам Владимира Дмитриевича. Разглядывая корешки новых книг, Воровский произнес:

— Вы просто чародей, Владимир Дмитриевич, а Вера Михайловна — пленница в вашем книжном царстве.

Воровский обещал помогать издательству чем мог: брался за редактирование рукописей, намеревался присылать иностранные книги для переводов, хотел писать сам статьи для сборников.

Остановился Воровский у своих родственников — на Петроградской стороне, Ждановской улице, дом № 1

(именно этот адрес и телефон записал В. И. Ленин в свою адресную книжку в те дни 1917 года. — Н. П.),

Воровский повидал Владимира Ильича, получил инструкции и выехал обратно в Швецию.

На другой день после возвращения Воровского в Стокгольм собралось Заграничное бюро. Воровский рассказал, что видел в России, что ему наказывал Владимир Ильич. Главное теперь — это разоблачать Временное правительство. Нужно информировать международный пролетариат, что Временное правительство и не думает кончать войну. Для этого необходим орган, печатный орган, через него будем вести борьбу с буржуазией и ее лакеями — социалистами-патриотами.

Скоро они съедутся к нам сюда на международную конференцию. Мы должны будем связаться с левыми элементами II Интернационала и совместно с ними попытаться сорвать эту говорильню. Буржуазия хочет использовать своих лакеев, чтобы они своими разговорами, обещаниями отвлекали массы от мира. Под шумок пацифистов империалистам Антанты легко вести войну. Мы должны будем выступить с разоблачением этой лживой идеологии. Мы за социалистическую революцию, только она избавит народ от войны, даст ему хлеб и свободу.

Тут же Заграничное бюро ЦК РСДРП (б) решило издавать два раза в неделю информационный «Бюллетень «Правды» на двух языках: немецком (в Стокгольме) и французском (в Женеве).

Ганецкий сообщил, что в Стокгольм съезжаются меньшевики. От исполкома Петроградского Совета прибыли Розанов и Мешковский. Старик Аксельрод мутит воду, обвиняет нас, большевиков, в нетерпимости, написал германским социал-демократам письмо, требует их посредничества. Гаазе и Ледебур клюнули на это и скоро придут сюда.

Говорили о возмутительном поступке Реннера — австрийского социал-демократа. Реннер приехал на конференцию, чтобы «защищать» интересы австрийского пролетариата, но перед самым отъездом был на тайной аудиенции у австрийского императора. Об этом написали друзья из Австрии в письме, которое, не подозревая этого, привез сам Реннер.

— Курьез! — заметил Воровский. — Думаю, что этот факт нам пригодится для нашего «Бюллетеня».

Вскоре Ганецкий переехал за город и снял там небольшую виллу. Туда же было перевезено все необходимое для издания «Бюллетеня «Правды». Он стал выходить два раза в неделю. Помимо богатой информации, в каждом номере печатались оригинальные статьи. Все статьи В. И. Ленина, появлявшиеся в «Правде», перепечатывались в «Бюллетене». Первый номер «Бюллетеня «Правды» возбудил повсюду большой интерес. Заграничные газеты стали выписывать «Бюллетень», используя оттуда материалы для себя.

Большевистские газеты тогда попадали за границу редко и нерегулярно. Как быть? Откуда черпать информацию? В Гельсингфорсе большевики выпускали «Волну». В ней перепечатывались многие статьи из «Правды», но были также и важные оригинальные материалы. Воровский и другие редакторы «Бюллетеня «Правды» пользовались газетой «Волна», черпая для него полезные сведения.

В бурные июльские дни 1917 года «Волна» напечатала тайную телеграмму Керенского адмиралу Вердеревскому. Этой телеграммой Керенский вызывал из Гельсингфорса ряд военных судов для подавления в Петрограде июльской демонстрации. В приказе говорилось, что если военные корабли вместо Петрограда направятся в Кронштадт, их надо топить подводными лодками.

Эта телеграмма, разоблачающая предательство Керенского, была перепечатана в «Бюллетене «Правды» под заголовком «Государственная измена Керенского». Она произвела в Европе эффект взорвавшейся бомбы.

Представитель Петроградского исполкома меньшевик Розанов прибежал в редакцию «Бюллетеня «Правды» и завопил:

— Как вы смели печатать военные документы? Это же измена! Вы играете на руку немецким шпионам! Вы ответите за это!

Воровский встал и невозмутимо сказал:

— Да, это измена. Но не наша, а Керенского. Почему вы так беспокоитесь за его престиж? Не хотите ли разделить его лавры? Ну что ж, пожалуйста. Для нас не секрет, что ваши единомышленники из Петроградского Совета изменили делу пролетариата и лижут теперь пятки Керенскому. Что же касается военных тайн, то мы не такие уж дураки: мы не перечислили названия кораблей, не указали их количества...

Взбешенный Розанов пулей выскочил из квартиры Ганецкого, где помещалась редакция «Бюллетеня «Правды».

— Ну, теперь ждите гостей, — заявил Ганецкий. — Шпики будут вынюхивать, где у нас радиоприемник. Им ведь и невдомек, что эта «тайна» перепечатана из гельсингфорсской «Волны».

...Временное правительство жестоко расправилось с демонстрантами — рабочими Петрограда — в начале июля 1917 года. Начались гонения на большевиков. Черносотенная печать клеветала на Ленина, облыжно обвиняла его в измене и призыве к вооруженному восстанию. Меньшевики настаивали, чтобы Ленин явился на суд и объяснил все. Но идти на суд — значило идти на расправу к Временному правительству. Партия не разрешила Ленину сделать такой шаг. Ленин был

вынужден уйти в подполье и стал скрываться в шалаше около станции Разлив.

Однако клевета на В. И. Ленина продолжалась. Особенно злобствовал меньшевик Алексинский, требовавший, чтобы Ленин явился в суд и дал объяснение.

Заграничное бюро ЦК РСДРП (б) встревожилось не на шутку. На очередном заседании оно решило отослать исполкому Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов следующую телеграмму: «После того как мы узнали, что по делу Ленина и товарищей назначена следственная комиссия, мы требуем, чтобы нас допросили». Одновременно эта телеграмма была опубликована в 13-м номере «Бюллетеня «Правды».

Заграничное бюро ЦК послало также телеграмму в Вену Виктору Адлеру с просьбой прислать материалы об освобождении Ленина из австрийской тюрьмы. Эти документы могли помочь Ленину в реабилитации.

Летом 1917 года в Стокгольме должна была состояться международная конференция социал-патриотов. Инициатором являлся оборонческий Петроградский Совет. Однако Заграничное бюро ЦК РСДРП (б) систематически и настойчиво разоблачало предполагавшийся съезд оборонцев.

В «Бюллетене «Правды», в газете «Политикен» Бюро ЦК постоянно публиковало материалы, рассказывающие об истинных намерениях прислужников капитализма. Так, в газете левых социал-демократов «Политикен» был напечатан «Манифест» Заграничного бюро ЦК, к которому присоединили свои подписи шведские, болгарские и польские социалисты. В «Манифесте» указывалось, что конференция созывается оборонческим Петроградским Советом, поэтому левым социалистам на ней делать нечего, нужно созвать свою конференцию.

Этот документ Заграничного бюро ЦК появился на свет в результате совета Ленина. В письме в Стокгольм Владимир Ильич писал: «Не издать — ли вашей стокгольмской тройке от имени ЦК, плюс от поляков, плюс от «Arbeiterpolitik», плюс от Хеглунда (шведский социал-демократ. — Н. П.) и К^о тотчас международный призыв к совещанию только левых... в международном масштабе?»

Большевики считали, что прочный мир будет установлен только тогда, когда рабочий класс возьмет власть в свои руки. Буржуазные же правительства станут продолжать войну под шумок своих лакеев социалистов-патриотов, призывающих к миру. Разоблачительная кампания большевиков сыграла свою роль — конференция не состоялась.

Однажды вечером, когда медно-красное солнце садилось далеко в горах, Вацлав Вацлавович сидел дома, занимаясь с Ниной шведским языком.

Пришел Ганецкий с письмом от Ленина, скрывавшегося тогда в Финляндии. Владимир Ильич интересовался «Бюллетенем»: «Сколько № № издано и на каких языках? Имел ли Гильбо^[30] все № № ? Доставляется ли бюллетень в Америку, северную и южную? Пишите обо всем подробнее»^[31].

Далее Ленин писал, что «было бы прямо преступно откладывать теперь созыв конференции левых». Воровский улыбнулся и произнес про себя: «На сей раз, дорогой Ильич, опоздали: она уже состоялась...»

Конференция «левых» началась в первых числах сентября 1917 года в Стокгольме. В фешенебельном ресторане гостиницы «Регина» собрались делегаты социал-демократических партий разных стран. От большевиков России присутствовали В. В. Воровский и Н. А. Семашко.

Выступивший в порядке ведения конференции меньшевик Аксельрод потребовал, чтобы были допущены не только интернационалисты, но и «центристы» и «оборонцы».

Ему горячо возражал Воровский. Спокойно, деловито, отменяя все нападки Аксельрода, Вацлав Вацлавович указывал, что делегаты-большевики будут присутствовать на совещании только с представителями таких рабочих партий, которые революционно борются в своей стране за переход государственной власти в руки пролетариата. Ибо мир возможен только тогда, когда власть окажется в руках народа.

Воровский говорил, что Временное правительство и не думает кончать войну. Ведь не кто иной, как сам Милюков, заверил страны Антанты, что Россия будет выполнять договоры батюшки-царя. Обращаясь к присутствующим, Воровский указывал на меньшевиков как на мастеров длинных речей. Он говорил, что меньшевики отводят тут всем глаза, а Керенский спокойно воюет. Меньшевики туману напускают, а в это время солдат гонят в бой.

Разобиженные меньшевики — Аксельрод и Панин — покинули конференцию, когда увидели, что их надежды не сбылись: превратить III Циммервальдскую конференцию в говорильню социал-патриотов о мире не удалось.

Несмотря на пестрый состав конференции, она все же имела положительное значение. На ней был принят «Манифест» к рабочим всего мира, в котором говорилось, что только пролетарские массы всех стран, оставшиеся верными социализму, могут положить конец братоубийственной войне. В «Манифесте» содержался призыв к пролетариату всех стран о проведении всеобщей забастовки, чтобы принудить свои правительства прекратить войну и заключить мир.

Однако Циммервальдская комиссия медлила с обнародованием этого «Манифеста», ссылаясь на то, что не все еще партии были оповещены о его содержании и от них не было получено официального согласия.

Между тем революционные события в России развертывались с необычайной быстротой. Поддержка со стороны международного пролетариата была необходима. Воровский неоднократно звонил Балабановой — секретарю Циммервальдской комиссии — и требовал как можно быстрее опубликовать обращение к рабочим всего мира.

Оно появилось в шведской газете «Политикен» лишь после того, как грянул гром Октябрьской революции. Это обращение было обнародовано также в журнале «Вестник русской революции», издававшемся с сентября 1917 года Заграничным бюро ЦК РСДРП (б) на немецком языке.

...В ночь с 7 на 8 ноября 1917 года Воровский находился в редакции газеты «Политикен». Когда он вошел в кабинет к редактору Нерману, высокому стройному человеку средних лет, по комнате бегал подвижной Ганецкий. Тут же присутствовал Хеглунд, Стрем и другие шведские социал-демократы. Они внимательно прочитывали телеграммы агентства, приходившие в редакцию. Все с нетерпением ждали дальнейших событий.

— Ну, что повесили носы, — обратился Воровский к присутствующим, здороваясь с каждым за руку, — сейчас решается, можно сказать, судьба России, совершаются события мировой важности. А вы словно хороните кого-нибудь. Во всяком случае, из двух возможностей одна нам обеспечена: или победим, или понесем поражение...

— Неужели потерпим поражение? — допытывался нервно шагавший Ганецкий. — Столько труда положено

на революцию — и вдруг провал...

— Ну, если судить по вороху бумаг, — кивнул с иронией Воровский на телеграммы буржуазных агентств, — мы, очевидно, погибли: уж очень большие армии мобилизует для Керенского буржуазия...

Только в 4 часа утра Воровский вернулся домой с ликующим лицом. Он разбудил жену:

— Вставай! Свершилась величайшая из всех революций. Мы победили!

— Ты посмотри, — говорил он с жаром, — какие события. Мы участники гигантских переворотов! Никому другому, а нам принадлежит честь заложить фундамент под будущее здание! Мой ум не в силах даже охватить всего, что мы творим. Пусть мы сейчас не достигнем того, что ставим своей задачей, не успеем достроить целиком свое здание. Хорошо уже то, что восставшие массы разрушили, выворотили с корнем из родной земли всю мерзость прошлого. К старому нет возврата. Косная спокон веков народная масса, масса рабочих, крестьян, солдат, всего трудового люда сдвинута с места. Ей дан толчок, она приведена в движение. Пусть кто-нибудь попробует ее остановить! Не выйдет! Ну, разве не радостно жить в такое время?!

Воровский выпил кофе и снова простился с женой.

— Иду к Ганецкому. Надо послать телеграмму, поздравить наших в Питере с победой. Молодцы, — добавил он уже на ходу, надвигая шляпу на высокий, открытый лоб.

Глава XII ПЕРВЫЙ ПОСОЛ СТРАНЫ СОВЕТОВ

СТРАЖ ОКНА В ЕВРОПУ

Ранним дождливым утром 8 ноября Воровский пришел к Ганецкому. Решили немедленно установить связь с Петроградом, с В. И. Лениным. Но как? Кто примет телеграмму? Вдруг на телеграфе сидят еще старые чиновники?

Но тут Ганецкий вспомнил, что есть в Стокгольме агент Петроградского телеграфного агентства, вылощенный журналист Ликиардопуло. Не мешкая, Воровский позвонил по телефону и обратился к нему с вопросом:

— Известно ли вам, что произошло в России?

Оказалось, что Ликиардопуло хорошо осведомлен о событиях в Петрограде и пребывал в панике. Когда Воровский попросил журналиста приехать по срочному делу, тот немедленно явился и охотно взялся переслать в Россию телеграмму, которую ему вручили.

На другой день было решено, что Ганецкий должен выехать в Россию.

Ганецкий задержался на финско-шведской границе, в небольшом городке Гапаранде. Он не знал, в чьих руках русский пограничный пункт Торнео — в руках «большевиков или сторонников Керенского. Решил рискнуть: подошли к мосту через реку и попытались вызвать с противоположной стороны комиссара. На их вызов явился внушительный человек в матросской форме. Это был комиссар — матрос Светличный. Начались осторожные переговоры. Вскоре выяснилось, что пограничный гарнизон в руках большевиков, и Ганецкий свободно покатыл в Петроград.

Воровский остался в Стокгольме. Ему тоже очень хотелось попасть в обновленную Россию и принять

непосредственное участие в революции. Но можно ли оставить партийный пост без соответствующего на то разрешения? Нет, на это Воровский не мог пойти. Как ни хотелось в Петроград, но партийный долг был превыше всего.

Отправляя товарища в Россию, Воровский, шутя, оговорил его отъезд условием:

— А ваша семья остается в залог, на всякий случай, чтобы не покинули меня здесь совсем...

Воровский один выпустил несколько номеров журнала «Вестник русской революции». В журнале Воровский опубликовал Декрет Советского правительства о мире. В своих комментариях он несколько раз специально подчеркивал, что первым шагом рабоче-крестьянского правительства явился шаг к миру.

В 11-м номере журнала Воровский напечатал свою статью «В. И. Ленин». Воровский писал, что Ленин — человек волевой, твердый. Он не отступает ни перед каким сопротивлением, не падает духом перед неудачами. Он настойчиво идет к своей цели.

Воровский указывал, что именно этот «человек с железным кулаком, с железным характером и железными нервами» приведет Россию к светлой и богатой жизни. Российский пролетариат может полностью рассчитывать на Ленина.

10 ноября 1917 года в Петрограде состоялось очередное заседание ВЦИКа. На нем было принято постановление о назначении полномочным представителем Советского государства в Скандинавских странах тов. В. В. Воровского. Но связи с Петроградом не было, и Воровский ничего не знал о своем новом назначении.

Как-то вечером Фредерик Стрем, депутат шведского риксдага (парламента), левый социал-демократ, зашел к Воровскому. Он застал Вацлава Вацлавовича

взволнованным, что случилось с ним редко. Стрем рассказал, что вчера, в перерыве между заседаниями в риксдаге, к нему подошел министр иностранных дел и спросил, не знает ли он инженера Воровского, которого русские большевики желают иметь здесь в качестве дипломатического представителя? Стрем смекнул, что лучше будет, если ответить отрицательно... А сегодня из газет он узнал, что Воровскому «временно» предоставлены дипломатические права. Вот и пришел его поздравить...

— Это-то и заставляет меня волноваться, — ответил Воровский, поглаживая свою небольшую с проседью бородку. — Дело в том, — продолжал Воровский, — что мои друзья в Питере поставили меня в глупое положение. По Стокгольму расползлись слухи, что я красный посол, а мне официально ничего не известно. Ко мне ходят друзья и враги, хотят сведений о России, запрашивают мое мнение, требуют у меня виз, а я сижу, как дурак, и черпаю все сведения из тех же шведских газет, что и вы, дорогой Фредерик.

Расхаживая по комнате, Воровский рассказал еще о том, что через Гапаранду передали телеграфное сообщение, будто он назначен также сотрудником Петроградского телеграфного агентства. Это тоже курьез. С таким же успехом можно было назначить его префектом Парижа. Не имея ни инструкций, ни материалов, ни, главное, денег на телеграфные сообщения в Россию, ясно, что он не может ничего предпринять. Сидящие там товарищи должны были все это знать. Им надо было бы все объяснить кому следует, больше бы было толку. Чтобы поставить телеграфное осведомление для России, необходимо снять помещение, оборудование, пригласить персонал, нужно иметь деньги на телеграммы. Откуда же он извлечет их?

— Видимо, ваши друзья не могут пока связаться с вами, — ответил Стрем.

— Конечно, у них большие трудности. Но почему бы Ганецкому не приехать самому или отправить курьера... Вот сейчас написал письмо «нашим генералам» и ругнул их на языке рабочих, крестьянских и особенно солдатских депутатов...

Все претензии Воровский изложил письменно 27 ноября 1917 года управляющему делами Совета Народных Комиссаров В. Бонч-Бруевичу. Из письма видно, как рвался Воровский в Россию, как он хотел хоть одним глазом взглянуть на новую жизнь.

«Сам бросать не решаюсь, к тому же надеюсь, что скоро приедет Ганецкий и сообщит о положении дела. Но весьма буду благодарен, если меня сгонят со службы здесь и дадут возможность вернуться на родину (с гарантией кормления)».

В конце ноября в Смольный с письмом для Ленина прибыл из Торнео комиссар пограничной охраны Тимофеев.

— Вы извините, Владимир Ильич, — сказал он, передавая конверт, — что я вынужден был вскрыть это письмо. Гляжу на конверт, а там сургучная печать с короной. Э нет, думаю, не подвох ли тут какой. К чему бы это печатью в виде короны припечатывать письмо для вождя трудящихся. Да и вез его какой-то не внушавший нам доверия коммерсант-эмигрант. Я отобрал письмо, но, прочитав, увидел, что действительно вам и о добром деле писано...

Быстро пробежав письмо, Владимир Ильич улыбнулся, прищурил левый глаз и ответил:

— Хвалю, батенька, за осторожность. Но письмо это от нашего представителя в Стокгольме, Воровского. Связи у нас с ним пока нет никакой. Вот он и воспользовался кольцом с дворянским гербом как печатью. Он у нас большой выдумщик...

В письме говорилось о том, что положение Воровского как представителя Советского государства двусмысленно, пока у него нет официальных на то документов. Воровский информировал Ленина о положении в Стокгольме, о сложной международной обстановке в Швеции.

Но вот курьер из Петрограда прибыл, и связь наладилась. Из газет и писем, присланных с курьером, Вацлав Вацлавович узнал подробности Октябрьского вооруженного восстания. Он узнал: Владимир Ильич настаивал, чтобы восстание началось 24 октября, до открытия II съезда Советов. Ленину пришлось торопиться, так как предатели Зиновьев и Каменев разболтали сроки восстания.

Штаб революции расположился в Смольном, оттуда Ленин лично руководил восстанием. За ночь отряды Красной гвардии заняли все правительственные учреждения и окружили Зимний дворец, в котором засели министры Временного буржуазного правительства. Выстрел «Авроры» был сигналом к штурму Зимнего дворца — последнего оплота Временного правительства. В ночь с 25 на 26 октября под дружным натиском вооруженных рабочих и войск петроградского гарнизона, перешедших на сторону революции, Зимний пал. Министры были арестованы. Власть перешла к рабочим и крестьянам. В ту же ночь съезд Советов принял декреты о земле и о мире и образовал рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с Лениным.

Воровский ушел с головой в дипломатическую работу. В это время он был первым и пока единственным послом за границей. Стокгольм был тогда окном в Европу, а Воровский, как он выражался, стражем этого окна.

Столица Швеции стала центром, где переплетались политические, экономические и финансовые интересы

стран Антанты и Германии. В Стокгольм стекалось белое офицерье, чтобы укрыться от «варваров-большевиков» и покутить в фешенебельных ресторанах, на время отдохнуть душой и телом от войны и революции, от потока крови и слез, от страха и ужаса, преследовавших буржуазию по пятам.

Скромную квартиру «красного посла» на Биргерярлсгатан, 14. осаждали жаждущие поехать в Россию или в Финляндию. Попав в непривычную для них обстановку, когда нередко сам «посол» открывал двери и принимал просителей в комнате, где стояла детская кровать, они долго не могли освоиться с советскими нравами.

Как-то раз, в первые дни после назначения Воровского полномочным представителем, к нему обратился важный коммерсант-норвежец. Он хотел поехать с семьей в Финляндию. Когда Воровский завизировал ему паспорт, тот спросил:

— Сколько с меня следует?

— Ничего...

Посетитель был немало удивлен, он никак не мог понять, как это «господин посол» ставит визы бесплатно (в первые недели паспорта визировались бесплатно из-за отсутствия канцелярии). Норвежец был озадачен, он порывался хотя бы дать «на конфеты» дочери посла. Но когда Вацлав Вацлавович сказал, что и этого не полагается, норвежец ушел совершенно сбитый с толку.

Простота и сердечность в обращении с посетителями, ясность ответов — все это покоряло многих иностранцев, посещавших в те годы Воровского.

Однажды в советское посольство на обратном пути из Петрограда в Швецию зашел адвокат Аксель Карлсон, которому Воровский давал визу. Швед специально пришел, чтобы выразить свой восторг.

Будучи в Петрограде, он посетил В. И. Ленина и других руководителей Советского правительства.

— Что за люди! — заявил он Воровскому. — Что за милые, ласковые люди! Как все просто, человечно делают они, без волокиты, без бюрократической переписки! Я никогда не забуду этого...

Это говорил человек, отнюдь не сочувствующий большевикам, человек крайне правых убеждений.

В первые же дни своей дипломатической деятельности Воровский установил тесный контакт с нашей границей в Торнео, с комиссаром Светличным, впоследствии расстрелянным белофиннами. Через Светличного наладилась связь с Россией. Свои письма Воровский шифровал собственным кодом, чрезвычайно трудным. Не раз заместитель Наркоминдела Г. В. Чичерин^[32] обращался к Ганецкому, знавшему шифр Воровского, чтобы тот помог прочесть письмо или телеграмму из Стокгольма.

Так как Воровский был первым и вначале единственным комиссаром Советского правительства за границей, то ему приходилось заниматься всевозможными вопросами: и дипломатическими, и партийными, и политическими, и коммерческими, и даже военными.

Чтобы ускорить дело, он нередко сам обращался непосредственно к В. И. Ленину. При этом Воровский проявлял большую инициативу.

С акционерным обществом Гуннер-Андерсон Воровский заключил несколько торговых сделок на поставку в Россию кос, серпов, топоров и других металлических изделий, в которых чувствовалась большая нужда, в обмен на русский лен и пеньку.

Зная нужды Родины, Воровский телеграфировал Ленину о том, что имеется возможность закупить в Дании огородные семена.

В другой телеграмме Ленину Воровский сообщал о безобразиях некоторых руководителей из революционного комитета в Архангельске, реквизировавших груз одной заграничной фирмы, хотя на вывоз у фирмы было личное разрешение Владимира Ильича. Воровский просил Ленина разобраться и принять немедленные меры к отправке груза.

А когда в Гельсингфорсе реквизировали 8 тысяч пудов смазочного масла, предназначавшегося для Швеции, Вацлав Вацлавович телеграфировал Владимиру Ильичу, чтобы доставили новую партию.

В. И. Ленин также обращался к Воровскому. «Срочно подыщите и пришлите сюда трех бухгалтеров высокой квалификации для работы по реформе банков, — телеграфировал однажды Ленин. — Знание русского языка обязательно. Оплату установите сами, сообразуясь с местными условиями».

Постепенно Воровский подыскал себе сотрудников. Он делал это осторожно, так как в Стокгольме в это время орудовала белогвардейская банда под руководством полковника Хаджи Лаше, объявившая террор большевикам. Были случаи, когда члены этой банды под разными предлогами являлись в советское посольство и предлагали свои услуги. Но благодаря бдительности Воровского банде Хаджи Лаше не удалось проникнуть в посольство, чтобы иметь там свои глаза и уши.

Секретарем посольства Воровский определил Арона Циммермана, известного Воровскому еще по подпольной работе в Одессе. Взял на службу в посольство и Николая Клементьевича Клышко, честного и исполнительного человека, когда тот, возвращаясь из Англии в Россию, проездом оказался в Стокгольме. Курьером некоторое время работал Вельтман (брат М. Павловича, известного большевика. — Н. П.).

В декабре 1917 года Воровский сообщил В. Д. Бонч-Бруевичу, что в Петроград выехал Вельтман, и просил телеграфировать, приехал ли он. Вельтман привез Бонч-Бруевичу письмо от Воровского, из которого видно, что советский посол к тому времени (29 декабря 1917 года) уже хорошо освоился со своими обязанностями, вполне постиг тонкости дипломатической деятельности. В письме Воровский давал советы, как привезти к нему необходимые «гостинцы», как оформить их и т. д.

«Все это велите заделать в пакет и запечатать, — сообщал он. — Не знаю, знакомы ли наши с техникой отправки курьеров: пакет должен быть за печатями Комиссариата иностранных дел и у курьера должен быть курьерский лист вроде того, с которым я его послал, и этот лист должен быть визирован в шведском посольстве (хотя последний пункт при выезде из России, кажется, не нужен)».

Целыми днями Воровский был занят в посольстве. Домой он приходил после шести часов, но и тогда его рабочий день еще не кончался: прибывали посетители, которые не считали возможным по каким-либо причинам посещать посольство.

Воровский пил кофе, расстегивал серый в елочку однобортный пиджак, но не снимал его (авось кто придет: послу надо быть в форме!), садился читать газеты. Жена ворчала, что он много работает, не жалеет себя. Утешая ее, Воровский отвечал, что сейчас только и можно тем взять, что работать за троих, ведь людей так мало!

В начале 1918 года из России прибыл курьер. Он привез диппочту, передал приветы от Ленина, Ганецкого, Луначарского, Бонч-Бруевича и других товарищей. Воровский не успел его расспросить, как тот исчез. Единственное, о чем сообщил он, так это о

Луначарском, о его скорби по поводу гибели произведений искусства.

«Конечно, революция, как всякая война, — рассуждал Воровский, — приносит и известную долю горечи, особенно таким эстетическим натурам, как, например, Луначарский. Да разве мне не было больно, — думал Воровский, — когда я читал, как Красная гвардия обстреливала Кремль, где засели юнкера. Ведь там собраны несметные сокровища, гордость русского гения. Но война есть война. Когда речь идет кто — кого, не приходится сокрушаться, что гибнут произведения культуры. Когда пушки смолкнут, народ займется культурой. Конечно, наше пролетарское искусство будет строиться не на песке, оно вберет в себя все лучшее, все передовое из прошлого, и поэтому мы должны стараться сохранить искусство прошлого, но не любой ценой. Главное сейчас — укрепить власть. И вот это, видимо, еще не все уяснили себе. Но они поймут. Ильич поможет...»

Все еще находясь под впечатлением услышанного, Воровский засел за письма.

«Ну, ну! — писал он Вере Михайловне Величкиной, жене Бонч-Бруевича. — Как Вам нравится эта сказка из «1001 ночи»? Вы в министерских сферах витаете, а я чуть не «посланник»! Где же Каруж?! (Улица в Женеве, на которой жили большевики в эмиграции накануне первой русской революции.. — Н. П.)

Страшно интересное и захватывающее время! В такое время хочется жить... Мир увидит, как говорит и действует пролетариат, который достигает власти.

Мы уже совсем было собрались в Россию, да назначение комиссаром задержало. Живем так себе, беда, что все-таки оторваны, мало имеем сведений, газеты запаздывают, телеграммы скудны».

ПИСЬМО ИЛЬИЧУ

«Дорогой Владимир Ильич, — писал Воровский 20 января 1918 года. — Я давно чувствую потребность с Вами побеседовать, и, хотя Вы адски заняты, может, удосужитесь прочесть это письмо, а кто знает, может, ответите на него. Я принял предложенную мне должность представителя правительства в Скандинавии, так сказать, с закрытыми глазами: не имея возможности ни повидаться с товарищами в Питере, ни обсудить политическое положение и мою роль, ни даже ознакомиться с новым порядком в России, с составом и официальной физиономией правительства, с его точкой зрения и намерениями. Но я считал, что в такой горячий момент лучше сделать некоторые ошибки, действуя быстро, чем ради безошибочных поступков тратить уйму времени на поездку в Питер и разговоры».

Далее в письме Воровский сообщал, что, учтя все это, он начал действовать, как подсказывали ему его большевистское понимание момента, интересы рабочего правительства и его здравый смысл. Он писал, что ему страшно хочется поговорить с Владимиром Ильичем по душам, узнать, как Ильич сам думает. Но сейчас это, видимо, только мечта. И Воровский делился с Лениным своими мыслями. Воровский заверял Ленина, что он всей душой с ним и по мере сил своими делами старается помочь общему делу.

В этом обстоятельном письме Воровский писал, как он с каждым днем все более убеждается, что политика «ведомства» Троцкого основана не на разумной борьбе за демократический прочный мир народов, а на ложно-классическом жесте и высокопарной фразе.

Тогда Вацлав Вацлавович вел в Стокгольме негласные «побочные» переговоры с немцами. Все то, что немцы не могли или не хотели говорить в Бресте, они передавали своему советнику в Стокгольме Рицлеру, а тот доводил до сведения Воровского. О всех немецких условиях Воровский, в свою очередь, сообщал непосредственно Ленину в Петроград.

В течение долгого времени Воровский защищал Троцкого в Стокгольме от нападков и делал это искренне, но последние события показали, что Троцкий «с треском провалился на экзамене». И Воровский приводил список ошибок Троцкого.

1) После заключения перемирия никоим образом нельзя было ехать в Брест для разговоров о мире, что надо было вести их в Стокгольме, ибо немцы страшно боятся Стокгольма. Воровский сообщал Ленину, что об этом он ставил Троцкого в известность. Но тот не внял его советам. Тогда, до начала переговоров о мире, можно было от немцев добиться перенесения места переговоров. Но после того как начались переговоры в Бресте, обменялись декларациями и т. д., уже поздно было ставить требования о переезде в Стокгольм.

2) Нельзя было пускать немецкие делегации в Петроград. «Это — и пресловутая манифестация мира — все пустые жесты сомнительного тона. Мы хотели утереть немцам нос, а сами оказались с соплями! Немцы видели Петроград, а это для иностранцев много значит».

3) Троцкому никоим образом не следовало ехать в Брест: поехав туда, он только показал противникам свои настоящие размеры. Пока там сидели подотчетные люди, они могли всегда ссылаться на «начальство», запрашивать его, выгадывать время и, связываясь с Питером, решать сложные вопросы. Когда же Троцкий сел против немецких представителей — Кюльмана и

Гофмана, пришлось ответы выкладывать на стол — не к кому было апеллировать, не за кого прятаться.

4) Нельзя было признавать права за украинской делегацией выступать самостоятельно от нашей. Это ошибка, которая горше преступления. А причина — та же погоня за жестом и фразой. Украинский народ ни в каком учреждении, правильно выражающем его волю, не высказался, желает ли он отделиться от России. А пока такого решения с его стороны не последовало (хотя бы в такой форме, как оно имело место в Финляндии), наш представитель не имел права предрешать вопрос и авансом давать гг. Винниченкам право на самостоятельную роль в мирных переговорах. Теперь плоды налицо, — писал Воровский, — сепаратный мир Украины с четверным союзом, после чего Россия будет отдана на произвол Германии или союзников, если опять-таки какая-нибудь случайность не вывезет...

Воровский указывал в письме и на другие, с его точки зрения, частные промахи Троцкого.

Владимир Ильич Ленин полностью разделял точку зрения Воровского о Троцком. Ленин сам видел, что Троцкий — фразер, что для него главное — это поза. Удивить, показать себя — на это он мастер. По его вине теперь сорваны переговоры...

Через несколько дней, в феврале, в газете «Правда» появились статьи Ленина (две из них за подписью Карпов) «О революционной фразе», «О чесотке», «Мир или война?». Владимир Ильич объявил беспощадную борьбу тем «революционерам», которые, прикрываясь революционной фразой, толкали Россию к войне. Эти статьи были направлены против провокаторской политики Троцкого и «левых коммунистов», пытавшихся навязать войну молодой Советской республике, не имевшей еще тогда своей армии.

Троцкий сорвал мирные переговоры в Брест-Литовске и, таким образом, поставил Советскую республику под удар немецких войск. 18 февраля немецкие империалисты начали наступление по всему фронту, захватили ряд городов и создали непосредственную угрозу Петрограду.

По призыву Советского правительства и партии большевиков массы революционного народа выступили против германской армии и сумели отразить ее натиск. Под Нарвой и Псковом немецкие войска получили решительный отпор.

Прекращение перемирия и наступление немцев на Советскую Россию дали толчок к выступлению контрреволюционных сил в Финляндии и на Аландских островах. Каждый день телеграф сообщал тревожные вести. 20 февраля белогвардейцы пытались высадиться на Аландские острова (в то время принадлежавшие России). В печать просочился слух, что русский гарнизон притесняет местное население, преимущественно шведское.

...Надев черный выходной костюм, Воровский отправился к министру иностранных дел Швеции Хелнеру, который пригласил представителя Советской республики для беседы.

Шел мокрый снег. Ветер швырял его пригоршнями в лицо, за воротник. Свинцовые волны многочисленных заливов и каналов, пересекавших Стокгольм, навевали на Воровского мрачные мысли. Время было тяжелое. Финские белогвардейцы постоянно подбивали шведские правительственные круги поддержать их в «освободительной борьбе» с революционной Россией. Воровскому не раз приходилось обращаться к левым социалистам — депутатам риксдага, чтобы они оказали давление на свое правительство. До сих пор все шло хорошо.

«А что сегодня скажет министр?» — спрашивал себя Воровский...

Вернувшись домой, Воровский сказал жене, чтобы она собирала в дорогу, он едет на Аландские острова на шведском эсминце. Встревоженная Дора Моисеевна приняла это за очередную шутку Вацлава Вацлавовича. Но нет, он серьезно уверял: едет, шведское правительство предложило выяснить, насколько достоверны сообщения, будто наши солдаты грабят шведское население и притесняют его. Он говорил, что все это, конечно, враки, только предлог, чтобы ввести войска на Аланды.

Как и следовало ожидать, слухи о грабежах оказались преувеличенными. Все началось с белогвардейцев. Высадившись на острова и получив отпор, они сумели все же разграбить несколько рыбацких хижин. Буржуазная пресса сейчас же подхватила это, извратив смысл. Она стала утверждать, что грабежом занимается русский гарнизон.

В начале февраля в Финляндии произошел контрреволюционный переворот. Белогвардейцы в лужах крови потопили свободу.

Возвратившись с Аландских островов, Воровский выехал в Гельсингфорс, где состоялись переговоры представителей Швеции и Финляндии с Воровским. Было подписано соглашение о временном оставлении Аландских островов русскими войсками и о введении туда шведских войск. Шведское правительство согласилось охранять снаряжение русской армии как собственность России. Воровский добился заверений в том, что Швеция не будет помогать финским белогвардейцам в их борьбе против Советской России.

ПОЕЗДКА НА РОДИНУ

Летом 1918 года Вацлаву Вацлавовичу, наконец, удалось выбраться в Россию. Из Стокгольма до Мальме он ехал поездом, потом на пароме прибыл в Копенгаген. Там встретил его заместитель — Я. С. Суриц. Они успели переговорить о делах, и в тот же день Вацлав Вацлавович отправился в Германию. В Берлине шли переговоры с Германией об условиях обмена военнопленными, и он был вынужден задержаться в советском представительстве.

...И вот, наконец, Москва. Несмотря на голод и разруху, жизнь налаживалась. Правда, тут же, на вокзале, Воровский заметил толпу безработных: один менял спички на хлеб; другой торопил крестьянку, предлагая ей ситец в горошинку и прося взамен десяток яиц; третий вручил зажигалку за небольшой кусок сала. Но, проезжая на извозчике с вокзала в Кремль, Воровский видел бодро шагающий отряд красногвардейцев, отправляющийся на борьбу с мятежом чехословаков. На заборах висели многочисленные объявления, плакаты, воззвания. Вот Биржа труда просит безработных встать на учет; плакаты РОСТА призывают к борьбе со спекуляцией. С громадного бумажного листа в упор на него смотрел красноармеец. Вытянутая рука его упиралась в грудь прохожему. «Ты записался добровольцем?» — спрашивал он.

Лица пешеходов, которых встречал Воровский, были бледны, сказывалось недоедание. Но в их походке была какая-то уверенность, которую он не замечал раньше в сытых москвичах...

В тот же день, 8 июня 1918 года, Воровский отправился к В. И. Ленину. О своем разговоре с Ильичем Воровский записал: «Говорил в субботу с Ильичем и вынес очень хорошее впечатление. Совершенно ясный и спокойный взгляд на события, трезвая, без прикрас оценка всех отрицательных явлений, большая воля побороть их и убежденность, что уже удастся создавать что-то положительное».

После разговора с Лениным Воровский признался сам себе, что в Швеции он преувеличивал трудности и неразбериху в России в первые месяцы советской власти. Здесь, на месте, все выглядело куда привлекательнее и объяснимее.

В Москве Воровский встретил своих знакомых и друзей. Он был немало удивлен перемене в людях: Герман Красин и Еся Евкин, год назад скептически относившиеся к революции, будучи проездом в Стокгольме, сейчас ходили веселые и бодрые.

Владимир Бонч-Бруевич, хмурившийся в мае 1917 года, когда Воровский заходил к нему в Петрограде, теперь весело укладывал пожитки и спешил на дачу. У него появилось больше деловитости и уверенности. Ну, конечно, он вновь затеял свое любимое издательское дело: «Центрокнигу»!

Воровский побывал в театрах, садах, парках, наблюдал обстановку в новой русской столице. Увидев воочию жизнь Москвы, он с негодованием думал о тех баснях, которые распространялись в буржуазной зарубежной печати: о грабежах и убийствах в стране большевиков. Он поспешил успокоить жену: «В Москве жизнь течет спокойно, никто никого не убивает, а случаи грабежей и пр. немного выше, чем в мирное время.

Жизнь тут кипит ключом, люди приезжают, уезжают, проходят перед глазами, как в калейдоскопе.

Во вторник открывается съезд Советов (Всероссийский), я еще застаю его открытие и увижу сие зрелище».

Воровский выехал на несколько дней в Петроград, где встретился с С. Гусевым и А. Луначарским. Наркомат просвещения, возглавляемый Анатолием Васильевичем Луначарским, оставался еще в Петрограде.

В день приезда Воровского в Петрограде состоялись похороны Володарского. Воровский видел, как под проливным дождем похоронная процессия медленно двигалась по Невскому...

При виде этого зрелища Воровский невольно ощутил в душе трепет. Волнение охватило его душу. Он сознавал, что усилия Володарского, его самого и многих других революционеров не пропали даром. Народ стал хозяином страны, и он не забыл тех, кто отдал свою жизнь за их счастье.

Вернувшись в Москву, Воровский принял участие в подавлении эсеровского мятежа.

Левые эсеры, устроив покушение на германского посла Мирбаха, рассчитывали, что немцы разорвут отношения с Советским правительством и, начав наступление, займут Петроград. И действительно, в первые сутки Советское правительство встревожилось не на шутку. Совет Народных Комиссаров заседал непрерывно весь вечер и далеко за полночь.

Вместе с одним товарищем Воровский носился в военном автомобиле по городу как особый уполномоченный то в штаб, то в немецкое посольство, то в военные казармы. Утром, голодными усталый, Воровский только лег спать, как началась пальба. Но она длилась недолго. Эсеры бежали, их вылавливали на дорогах в окрестностях Москвы.

Позднее, 12 июля, Воровский описал в комических тонах это событие, очевидцем которого он был. «Это было забавное восстание, — писал он жене, чтобы

успокоить ее. — Там, на Покровском бульваре, артиллерия громила штаб отряда Попова, а по городу ездили трамваи, публика деловито расхаживала по улицам, дети играли в скверах — одним словом, «встает купец, идет разносчик, на биржу тянется извозчик» и т. д.

Теперь давно все спокойно. Чрезвычайные меры отменены. Поезда, задержанные было, вновь пущены. На улицах уже свободно ездят автомобили без специальной проверки».

«...Энергичные действия правительства произвели «впечатление», и вся эта авантюра, бесспорно, укрепила власть Совета Народных Комиссаров. Несмотря на врагов, окружающих нас со всех сторон кольцом... несмотря на явный и тайный саботаж со стороны буржуазии и особенно правых социалистов, несмотря на голод в городах — власть держится крепко».

Вскоре Воровский закончил подбор служащих для своего посольства и готов был тронуться в путь.

27 июля 1918 года Воровский получил подписанные В. И. Лениным верительные грамоты, согласно которым он являлся полномочным представителем Советской республики как в Дании, так и в Швеции.

Но отъезд Воровского за границу временно отложили ввиду намечавшихся переговоров с Финляндией. Советское правительство назначило Воровского председателем делегации по заключению мира с Финляндией. Переговоры должны были состояться в Берлине.

Предчувствуя упреки жены за то, что он взялся еще за одну тяжелую работу, Воровский написал ей письмо, объясняя положение в России, при котором ему никак нельзя отказываться от задания. «...Если бы ты здесь побывала немножко, то бы признала, что грех отказываться, — писал он. — Тут все работают,

использованы все силы, делается громадная работа, несмотря на колоссальные затруднения, на скрытый саботаж, открытые бунты, иноземное вмешательство и предательство ложных друзей. Несмотря на все это, работа идет упорно, настойчиво. Все, конечно, ругаются, видя недочеты, глупости или злоупотребления, но никто не опускает руки, не покидает поста. При таких условиях отказываться от функции, которая для меня подходяща и для которой я, по-видимому, подходящ, было бы грехом».

В конце июля советская делегация выехала в Берлин через Ригу. В одном вагоне с Воровским ехал член советской делегации Яков Станиславович Ганецкий.

...Воровский вышел в коридор и открыл окно. Перед глазами проплывал нехитрый, но очень милый сердцу пейзаж среднерусской полосы: перелески, одинокая березка у оврага, крытые соломой домики, пестрые, как лоскутное одеяло, поля, на которых кое-где началась уборка овса...

Воровский смотрел на мелькавшие картины, но мысли его были далеко. В последнее время в Москве его начало угнетать безделье. Вернее, не безделье — случайные поручения у него были, — а отсутствие определенной работы, порученного дела. Ему надоело быть сторонним наблюдателем. Все работали, спешили куда-то, а он сидел и ждал, пока решится его вопрос. Вместо себя в Стокгольме он оставил Анжелику Балабанову и теперь тревожился, как она там справляется с посольскими обязанностями.

В Копенгагене его ждала также куча дел. В Дании скопилось много русских военнопленных, бежавших в свое время из Германии. Их нужно было устроить, облегчить их участь. Скоро должно прибыть советское судно «Океан» с посылками. Надо просить помощи у

датского Красного Креста, чтобы военнопленным разрешили вручать посылки.

Есть и другие неприятности. Датское правительство начало пускать в лагерь русских военнопленных белогвардейских офицеров, которые вербуют солдат в свою армию. Придется заявить датским властям решительный протест. И с финнами будет нелегко. Они, конечно, найдут поддержку у немцев, воспользуются нашими затруднениями и захотят выторговать для себя изрядный ломоть русского пирога....

31 июля 1918 года русская делегация во главе с Воровским прибыла в Берлин. На другой день утром немецкие власти устроили завтрак в честь финской и советской делегаций.

«Парень ничего, интеллигентный, но, по-видимому, с упорством», — подумал Воровский, когда немцы представили ему председателя финской делегации К. Энкеля, по профессии инженера.

Как и предвидел Воровский, делегация белогвардейской Финляндии рассчитывала прирезать себе за счет территории Советской России немалое «пространство». Финские империалисты мечтали о великой Финляндии и хотели низвести Россию до степени второстепенного государства.

Сенатор Раутапэ, участвовавший в переговорах, предъявил претензии на всю Карелию и Кольский полуостров. Воровский дал понять, что о серьезном ведении переговоров на таких условиях не может быть и речи. Диалог между ними протекал в таком духе.

— Не можете ли вы сказать нам, — спросил Воровский Раутапэ, — как велика в квадратных километрах площадь, на которую вы заявляете притязания? Приблизительно так же велика, как и Финляндия?

— Нет, не так велика.

— Может быть, как половина ее?

— Пожалуй, несколько больше.

— Позвольте спросить, что намерена Финляндия предложить России в обмен на это?

— Собственно, по моему мнению, не должно быть и речи об обмене, — со всей серьезностью сказал Раутапэ, — так как все наши желания, требования опираются на принцип самоопределения народов. Мы не собираемся ни покупать, ни аннексировать эту область, а только включить ее в Финляндию в силу принципа, введенного русскими в политическую программу.

— Как видно из разъяснений председательствующего, Финляндия не хочет ни покупать, ни выменивать эту громадную область, составляющую более половины Финляндии, а желала бы получить ее, так сказать, в подарок...

На этом ироническом замечании Воровского заседание окончилось, чтобы больше не возобновляться...

Воровский, конечно, не мог серьезно отнестись к таким территориальным притязаниям белофиннов. Он чувствовал, что их непомерные аппетиты подогревались немецкими империалистами. Сами белофинны не посмели бы предъявить такие наглые требования. Переговоры были прерваны до лучших времен, а Воровский вернулся к своим непосредственным обязанностям.

ДВА ПИСЬМА ЛЕНИНУ

Советская Россия переживала трудные дни: началась интервенция. В Мурманске высадились англичане, на Волге вспыхнул мятеж пленных чехословаков, на Дальнем Востоке угрожали японцы. Ленину приходилось много и усиленно работать, чтобы найти правильное решение в этой сложной обстановке. К тому же некоторые партийные и государственные работники поддались нервозности и мешали. Они носились с разными авантюристическими проектами, строили один план нелепее другого. Когда англичане высадились в Мурманске, то они предложили избавиться от интервентов с помощью финнов, а когда этот план был отвергнут, то предлагали заключить сделку с немцами. Пользуясь своей давнишней дружбой с Лениным, Воровский часто информировал Владимира Ильича, высказывал свои сокровенные мысли.

«Сидя здесь уже две недели и присматриваясь к тому, — писал он Владимиру Ильичу 13 августа 1918 года, — что говорится, пишется и делается в политических сферах, я вынес некоторые впечатления, которыми хочу с вами поделиться.

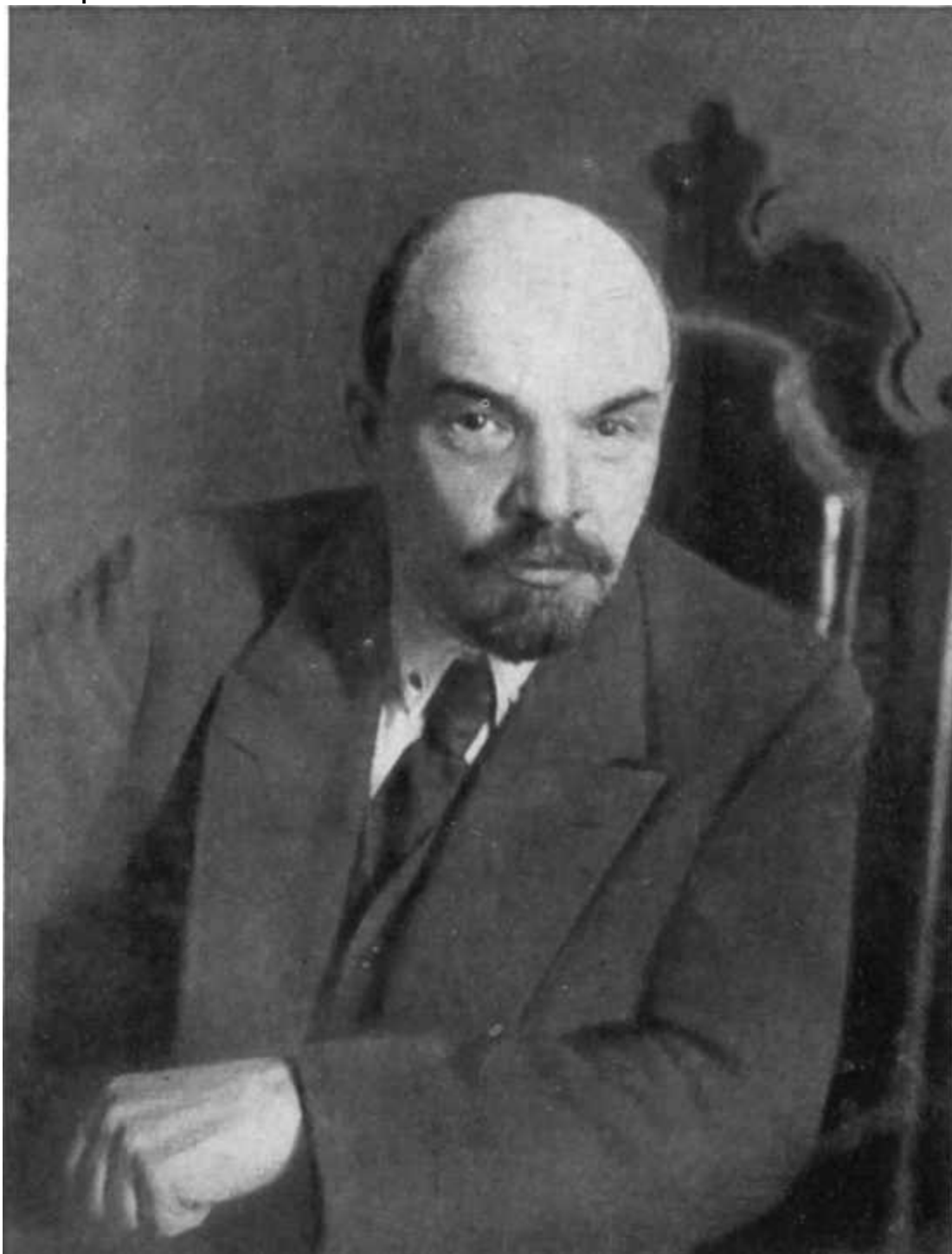
Немцы ведут систематически двойную игру, для чего умело разделили роли. Гражданское ведомство с самым серьезным видом ведет с нами переговоры, заключает соглашения и договоры, старается показать, будто принимает всерьез Социалистическую Россию и Советскую власть, а военное ведомство в это самое время гнет свою линию, захватывает стратегически важные пункты и пути, дает исподтишка укрепляться и организовываться контрреволюционерам, а на Украине,

как сообщает сам Чичерин, открыто позволяет вербовать белогвардейцев в Астраханскую армию...»

«Не знаю точно, какую политику ведете теперь Вы в Москве по отношению к немцам, и Ваши разноречия с Иоффе последнее время мне не совсем ясны, но вижу и чувствую, что у Вас там царит паника, ответственные люди мечутся в истерике и вместо спокойного обсуждения крайне тяжелой ситуации, вместо выдержки и решительной твердой политики... придумывают детские и наивные планы...»

Отвергая все эти авантюристические проекты ответственных работников Наркоминдела, Воровский писал В. И. Ленину: «У нашего правительства сейчас нет и не может быть ни союзников, ни помощников. У него один исход — своими силами разбить и уничтожить чехословацкие банды, сделав таким образом японское вмешательство бесцельным, лишив опоры английское нашествие. Немец нам не поможет, а если уж дело дойдет до того, что нам придется звать на помощь немца, тогда мы морально и политически уничтожены — уничтожены в большей степени, чем если нас раздавит объединенный всесветный империализм...» И Воровский высказывал Ленину основную цель своего письма: «Только удержать Вас от возможного ошибочного шага, если при царящей у Вас растерянности и панике некоторые люди или группы вздумают советовать открытый призыв к немецкой помощи или военный союз с Германией. Повторяю, политически и морально это была бы наша смерть, а практически мы могли бы даже наткнуться на открытый отказ. Дело с Антантой, очевидно, безвозвратно потеряно. Воззваниями и посланиями кисло-сладкого характера вроде известного письма Чичерина к Пулю, конечно, никого не убедишь и никого не удержишь. Рассчитывать на неожиданный приток революционной энергии к западноевропейскому пролетариату

бесполезно. Мы Должны ясно понять и твердо сказать себе, что нам не на кого рассчитывать, кроме как на свои собственные силы и на боевую энергию масс, поскольку они захвачены советским движением и заинтересованы в нем».

Владимир Ильич Ленин в Совнаркоме.

В. В. Воровский на рыбной ловле в окрестностях Рима.

Через несколько дней Вацлав Вацлавович снова написал Ленину. Воровский обращал внимание на истеричность и растерянность «нашего милого ведомства» (то есть Наркоминдела), которые вредят общему делу.

Он сообщал Ленину, что имел случай по поводу финских дел беседовать с товарищем министра иностранных дел фон Штуммом. Штумм пытался убедить Воровского быть уступчивым: мол, положение России сейчас очень трудное и прочность большевистской власти стоит под вопросительным знаком. Как на аргумент бессилия нашей власти Штумм указывал на то, что мы-де уже просим помощи у немцев...

«Дорогой Ильич, ради бога примите какие-нибудь меры, чтобы публика даже в минуты страха не забывала, что она представляет Российскую СФС Республику, и российский пролетариат, и нашу партию. Я не сомневаюсь, что там сидят очень преданные товарищи и очень милые люди, которые, наверное, сумеют с достоинством умереть за отечество, но, к сожалению, не обладающие достаточной выдержкой, чтобы уметь с достоинством жить ради этого отечества. Хоть бы холодные ванны Вы им прописали, что ли...»

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Осенью 1918 года Советское правительство отправило в адрес Воровского значительную сумму денег. В Стокгольм деньги доставили на пассажирском пароходе и немедленно положили в банк. Особой конспирации не соблюдалось, и многие узнали, что в советское посольство прибыли ценности.

Об этом стало известно и «Лиге убийц», тесно связанной с генералом Юденичем, а также с сотрудниками английского и американского посольств. Аппетиты бандитов разгорелись. Не зная, сколько и каких ценностей привезено, главарь лиги, белогвардейский полковник Хаджи Лаше, вообразил, что большевики получили сотни миллионов, да, кроме того, и другие ценности, включая царскую корону.

В загородной резиденции, вилле Больстанэс, в двадцати километрах от Стокгольма состоялось совещание членов лиги. Черные глаза Хаджи Лаше горели лихорадочным огнем, плотно сжатые губы вздрагивали, ноздри хрящеватого носа хищно раздувались. Он говорил, что нужно установить слежку за квартирами большевиков. Это дело поручалось Биттенбиндеру. Лейтенант Порфененко обязан был связаться с сотрудниками французского и американского посольств, чтобы раздобыть средства для подготовки ограбления советской миссии.

Вскоре Воровскому предоставился случай и самому увидеть одного из главарей лиги. В начале октября к нему в посольство забрел по ошибке генерал-майор Гиссер. Думая, что он зашел в бывшее царское консульство, принимая советских служащих за своих друзей, Гиссер рассказал, как его в Петрограде

большевики подозревали в сношениях с генералом Алексеевым и хотели арестовать, а человеколюбивый начальник Главного штаба устроил ему назначение в Стокгольм, чтобы спасти его от...«коварных большевиков».

Когда он ушел, Воровский расхохотался:

— Как вам нравится? Мы и не знали, что «наш» военный атташе разгуливает по улицам Стокгольма в то время, как мы задыхаемся от работы...

Советское посольство все чаще и чаще посещали «деятели» лиги. Однажды забежал юркий плюгавенький человек, отрекомендовавшийся инженером Эттингером. Он беспрестанно вертелся, что-то высматривал, вынюхивал, болтал о том и о сем. С трудом удалось его выпроводить. Один шведский журналист, присутствовавший при этом, тут же сообщил Воровскому, что это был секретарь белогвардейской газетенки «Эхо России», правая рука Хаджи Лаше, в прошлом певец, преподаватель Петроградской консерватории.

И вот белогвардейская «Лига убийц» стала действовать под флагом борьбы с большевиками. Ей удалось выследить, кто бывает в советском посольстве и кто, следовательно, связан с большевиками. Хаджи Лаше надеялся, что от них можно будет узнать, где хранятся ценности.

Первой жертвой убийц стал некто К. Кальве (Глеб Варфоломеев, в прошлом русский матрос). Он неоднократно бывал в советском посольстве, вел коммерческие дела как посредник в торговле между Швецией и Россией. С его помощью удалось наладить товарообмен: взамен русской пеньки и льна шведы поставляли металлические изделия. Но в политическом отношении Кальве был безграмотен, и Воровский ему особенно не доверял.

«Лига убийц» заманила Кальве в загородную дачу и там зверски расправилась с ним. Труп его завернули в мешок и спустили в прорубь. Но допрос Кальве ничего лиге не дал. Хаджи Лаше сумел поживиться только личным капиталом убитого.

Тогда лига начала выслеживать Левицкого, русского журналиста-эмигранта, который приехал в Швецию по советскому паспорту как дипломатический курьер. Этот факт и послужил причиной, почему выбор лиги пал именно на него. Чтобы заманить его в загородную виллу, бандиты подослали дочь генерала Гиссера — Дагмару. Левицкий был не прочь поволочиться за генеральской дочерью, а та его уговорила поехать к подруге в загородную дачу Больстанэс. Там Левицкий и нашел свой бесславный конец. Перед смертью его силой заставили подписать чек.

После исчезновения Левицкого, которого знали во многих шведских домах, в Стокгольме поползли слухи о русской банде. Сведения просочились в газеты. Прочитав в газете заметку об исчезновении Левицкого, Воровский вспомнил, как однажды вечером, когда он пил кофе и просматривал журнал, в комнату постучали. Вошел франтовато одетый молодой человек и отрекомендовался сотрудником «Русского слова» — Левицким. Он сказал, что прибыл в Стокгольм с советским паспортом и намеревается проехать в Америку, чтобы работать там над рассеянием той лжи и клеветы, которыми сопровождалось все, что исходило из Советской России. Он поведал также о некоторых мелочах из жизни стокгольмской контрреволюции, с которой успел познакомиться.

«Подослан, — мелькнула тогда невольно мысль у Воровского. — А может, и нет... Ничего не старается выпытать, узнать. Но держаться с ним надо настороже...»

Левицкий просил Воровского оказать содействие в отъезде в Америку. Воровский уклонился от ответа, так как Левицкий не внушал ему особенного уважения. Он хотел о нем побольше узнать, но потом Левицкий затерялся. Теперь кривая его жизни замкнулась.

Третьей жертвой «Лиги убийц» явился Николай Ардашев — делец по бумажной части. Он приехал в Стокгольм с поручением комиссара печати Северной области закупить бумагу.

Он был у Воровского. С ним уговорились насчет работы. Бумагу он быстро нашел, и для ее покупки Воровский выдал деньги. Но впоследствии выяснилось, что Ардашев оттягивал отправку груза в Россию — использовал связи с советским посольством в спекулятивных целях. Воровский потребовал у Ардашева отчета. Тот мялся, мялся и в конце концов отправил бумагу другого сорта. На этом Воровский с ним и расстался, чтобы больше не поддерживать никаких отношений.

«Лига убийц» заподозрила Ардашева в большевизме и зверски расправилась с ним.

Ардашев был вхож во многие состоятельные шведские дома, и его исчезновение не могло пройти бесследно. Вмешались шведские власти, и полиция вынуждена была (вообще-то она делала вид, что ничего не знает) заняться расследованием. Банду удалось обнаружить быстро, так как один шведский журналист, социал-демократ, предупредивший еще раньше Воровского об опасности, напечатал в заграничной прессе заметку об убийствах и грабежах этой лиги и указал место ее пребывания.

Шведская полиция обнаружила трупы убитых, завернутые в мешки. Она нашла также заготовленные мешки с надписями. Одна из надписей гласила: «Большевистский комиссар — Воровский».

Готовившееся на советское посольство нападение так и не состоялось. Позднее в своей брошюре «В мире мерзости и запустения» Воровский указывал две причины, которые отчасти объясняли, почему белогвардейская лига все же не рискнула напасть на советское посольство и убить Воровского. Во-первых, по Стокгольму прошли слухи о готовящемся нападении на советское посольство. Вторую причину привел гельсингфорский корреспондент газеты «Таймс» в своем отчете о судебном процессе над «Лигой убийц»: «Хаджи Лаше предложил одному из союзных посольств произвести нападение на квартиру Воровского, известного эмиссара большевиков в Стокгольме, и захватить компрометирующие документы. К счастью, прежде чем наши союзники согласились с планом, они посоветовались с одним русским, который разъяснил им, что предложение — не более как ловушка со стороны самого Воровского и что Хаджи Лаше в разгар своего предприятия будет накрыт полицейским офицером, предупрежденным и ожидающим его, к торжеству большевиков и к несчастью для их врагов».

Действительно, Воровский не сидел сложа руки.

Узнав об опасности от своих друзей-шведов, он поставил в известность полицию и потребовал усилить охрану своей квартиры.

ПРОЩАЙ, ШВЕЦИЯ!

В конце 1918 года по улицам Стокгольма незаметно пробирался моряк в форме американского торгового флота. На одной из главных улиц города он отыскал советское представительство — четырехэтажный особняк — и поднялся на второй этаж.

Воровский принял его у себя в кабинете. Перед послом предстал тридцатитрехлетний крепыш с серыми смыслеными глазами. Моряк отрекомендовался русским политэмигрантом Петром Ивановичем Травиным и просил помочь ему поскорее попасть на родину.

Воровский осторожно стал его расспрашивать, не спеша задавал вопросы. Он интересовался Америкой, расспрашивал, где приходилось ему работать. Как там настроены рабочие... Узнав, что посетитель как революционер бывал в Вильно и Одессе, Воровский любопытствовал, где у Травина была явка в Одессе, кого он знает в Вильно, не помнит ли, как называется там главная улица?

Получив исчерпывающие ответы, Воровский, слегка прищурив глаза, внимательно посмотрел на Травина и сказал:

— А ведь вам придется опять отправиться в Америку...

Гость заерзал на стуле. («Что он, издевается надо мной, что ли?!»)

— Позвольте, но ведь я инженер-путеец. Сейчас в России надо восстанавливать транспорт. Неужели я там не нужен?

— Видите ли, я тоже инженер. Но партия считает, что теперь я нужней именно здесь. Вот и вам хочу

предложить одно дело: поехать дипкурьером в Америку. Надо отвезти письмо Ленина, Владимира Ильича.

Далее Воровский сказал, что это очень важно.

Американские рабочие должны знать о России, об Октябрьской революции. Главное для нас — отворотить Америку от интервенции. Надо разъяснить американским рабочим, что наше государство — государство пролетарское, что нам необходима их поддержка. Вот Ильич и написал об этом американским рабочим. Теперь дело за вами.

Подумав, Травин согласился. Ему было вручено три конверта с письмом Ленина, и он отправился в путь. Выполнив задание посла, Травин вернулся в Стокгольм, но уже не застал Воровского.

В начале 1919 года шведское правительство под натиском стран Антанты предложило Воровскому со всем персоналом посольства покинуть Швецию. Для этого нашелся «предлог».

Еще в ноябре 1918 года на Силезском вокзале в Берлине немецкие реакционеры устроили провокацию. При переноске дипломатического багажа, предназначенного для советских миссий в Берлине, Вене, Цюрихе и Стокгольме, один из ящиков «случайно» упал и разбился. В него были подброшены листовки на немецком языке, призывающие к свержению существующего в Германии строя. Ящик немедленно конфисковали. Буржуазная печать развернула клеветническую кампанию против Советской России. Германское правительство в категорической форме потребовало, чтобы Советское правительство отозвало своих представителей из Берлина. Теперь к этому инциденту придрались и шведы. Воровского пригласил министр иностранных дел Хелнер.

— Вот здесь, — сказал Хелнер, протягивая Воровскому фальшивки, — то, что на нашем языке

называется большевистской пропагандой. Тут призыв к свержению буржуазных правительств. Эти листовки случайно обнаружены в курьерском ящике, в Берлине. Что вы можете сказать по этому поводу?

Воровский не взял фальшивок — в общих чертах ему была известна эта гнусная история.

— Могу сказать, что это провокация, притом грубо сделанная. Вам должно быть известно, что у нас в России своих дел достаточно, чтобы лезть еще в чужие. Революция не тот товар, который можно экспортировать в другие страны. Мы предпочитаем продавать вам пеньку и лен, жить с вами в дружбе и согласии. Мы не вмешиваемся во внутренние дела других стран и не позволяем другим мешать нам строить новую жизнь. Такова наша внешняя политика.

Но Хелнер продолжал с упорством маньяка:

— Я считаю дело серьезным. Вы нарушили соглашение о недопущении пропаганды в нашей стране, — продолжал министр. — Это обстоятельство вынуждает нас разорвать дипломатические отношения между нашими странами... Я предлагаю вам покинуть Швецию.

Воровский понял, что дальнейший разговор напрасен: Хелнер на сей раз поет с чужого голоса, Швеция (поступает по указке Антанты. Он простился с министром и вышел.

Воровский начал готовиться к отъезду. Он все хорошо обдумал и, проявив находчивость, добился официального разрешения на то, чтобы швед Фредерик Стрем, левый социал-демократ, старый товарищ Воровского, исполнял в Стокгольме обязанности русского консула для защиты в Швеции советских граждан. В свою очередь, шведы могли оставить в Петрограде одного сотрудника посольства в качестве консула. Соглашение состоялось.

В конце января 1919 года весь состав советского посольства во главе с Воровским выехал на пароходе из Швеции. С ними ехал М. М. Литвинов, возвращавшийся из Стокгольма. Пароход с трудом пробивался через ледяные глыбы в Або (Финляндия). Воровский вспомнил, как тринадцать лет назад они чуть не утонули вот тут же, недалеко от Або. На сей раз все обошлось благополучно. Далее ехали по железной дороге до самой границы у Белоострова. Там ждала уже группа финских солдат. Они подошли к деревянному мостику, разделявшему Россию от Финляндии.

Началась церемония передачи. «Финский офицер взял список конвоируемых и, — как вспоминал Артур Рейсом, английский журналист, ехавший вместе с Воровским, — прочел фамилии: Воровский, его жена и ребенок. Улыбаясь, он через плечо посмотрел при этом на Нину, которая в это время любезничала с часовым. Затем он вызвал: «Литвинов». Одного за другим вызывал он всех русских, их было около тридцати».

И вот еще шаг, и перед ними была обновленная Россия. Они в Стране Советов. «Г-жа Воровская, которая... давно не была в России, горько плакала». Воровский, наоборот, был весел, улыбался, торопился в буфет пить чай.

Под вечер они прибыли в Петроград. Воровский оставался в Питере несколько дней. Побывал в Смольном, увиделся с друзьями и знакомыми.

В стране бушевала гражданская война. Со всех сторон на молодую Советскую республику напирала интервенты: на юге — французы, на севере — англичане, на востоке — японцы и американцы... Красная армия вела неравные героические бои. Многие коммунисты ушли на фронт. В тяжелых, нечеловеческих условиях жили питерцы: не хватало топлива, хлеба, энергии. Но жизнь била ключом, и Воровский сразу

ощутил ее ритм. Ему захотелось побыстрее включиться в работу.

Глава XIII В ОСАЖДЕННОЙ РОССИИ

В КОМИНТЕРНЕ

В середине февраля 1919 года Воровский приехал в Москву. В Кремле, в здании бывшего кавалерийского корпуса, он получил небольшую квартиру из двух комнат. Отсюда через Троицкие ворота можно было попасть в Александровский сад, а там рядом — Манеж и университет. Почти тридцать лет прошло, как вбегал он вот по этим мраморным лестницам в Актовый зал. А там, во дворе университета, они, студенты, не раз митинговали...

В те дни он был еще в плену у народников... Да, тридцать лет — срок немалый. А что ему удалось сделать? Жизнь уходит, силы теряются. Разрушить старое им удалось. В этом есть и его доля. А сейчас он помогает Ильичу строить новую жизнь — социализм.

Вскоре после приезда в Россию Воровский был назначен заведующим отделом пропаганды в Наркоминделе. Много времени приходилось уделять издательским делам. Отдел печати Моссовета присылал проспекты книг и брошюр, надо было давать на них отзывы, разрешать к выпуску в частных, кооперативных издательствах. Воровский деятельно участвовал в подготовке к I Конгрессу Коминтерна.

Из-за границы съезжались делегаты-коммунисты и левые социал-демократы. Тайком, минуя пограничные кордоны, находившиеся в руках белогвардейцев, они пробирались в Москву — столицу рабоче-крестьянского государства.

2 марта 1919 года Митрофаньевский зал Кремля заполнили люди из тридцати стран мира. Все они говорили на разных языках, но их объединяло чувство пролетарского братства. Они приехали в Москву, чтобы

сплотиться в борьбе и встать под знамя III Коммунистического Интернационала.

В числе делегатов I Конгресса Коминтерна от Российской Коммунистической партии был и Воровский. Он пришел к самому началу заседания. В. И. Ленин, И. В. Сталин, Г. В. Чичерин и другие русские товарищи были уже здесь. Владимир Ильич поднялся на трибуну и открыл заседание. По его просьбе все присутствующие почтили вставанием память недавно погибших за дело коммунизма — Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Пять дней длился конгресс. Выступало множество людей. Одних Воровский хорошо знал: вот Фриц Платтен — это он сопровождал Ленина до Стокгольма, а там сидит Гильбо, француз, — он перепечатывал на французском языке «Бюллетень «Правды», а это норвежские и шведские товарищи — давнишние друзья по Стокгольму. Но находились и такие, которых Воровский никогда раньше не встречал. Они не были еще известны в международном рабочем движении, но своей энергией и настойчивостью уже заслужили, чтобы о них знали.

«Взять хотя бы того австрийца, который говорил с трибуны, — думал Воровский. — Это типичный рабочий: у него большая неуклюжая фигура, высокие сапоги, потертый пиджак, давно не стриженная борода... Как он отличался от тех напомаженных, как лавочки в воскресный день, депутатов социалистических конгрессов, которых ему не раз приходилось наблюдать. Это был настоящий пролетарий. В то время когда В. Адлер изменял делу пролетарской солидарности и укатил в Берн на заседание II Интернационала, рабочий австриец Грубер приехал к нам».

С заседания Воровский вернулся, до глубины души тронутый бесхитростным рассказом этого депутата — рабочего из Австрии. В тот же день вечером Воровский

сел за пишущую машинку и стал отстукивать статью для «Правды» «Рождение третьего Интернационала».

На I Конгрессе Коминтерна Воровского избрали одним из секретарей исполкома от Российской Коммунистической партии.

После окончания конгресса надо было доставать визы отъезжающим делегатам, переправлять некоторых через границу, а других устроить в России. К последней группе делегатов принадлежал, например, французский коммунист Гильбо. У себя на родине он был обвинен в пораженчестве и приговорен к смертной казни. Исполкому Коминтерна пришлось выступить с заявлением по делу Гильбо. Протестуя против чудовищной несправедливости в отношении французского коммуниста, исполком обращался к французским рабочим, надеясь, что буржуазии не удастся ввести их в заблуждение относительно невиновности Гильбо. Воровский хорошо знал его и ни на минуту не сомневался, когда подписывал обращение Коминтерна, в его честности и преданности делу французского пролетариата.

Весной 1919 года Воровский стал заниматься научной деятельностью. Он был избран одним из членов Социалистической академии (переименованной затем в Коммунистическую), а несколько позднее вошел в президиум академии.

Постановлениями ЦК РКП и ВЦИК Воровскому наряду с другими выдающимися марксистами поручалась разработка и ведение лекционных курсов в Центральной школе советской и партийной работы по истории рабочего движения в России, программе РКП, истории социализма в России и на Западе.

Время было напряженное. К весне 1919 года Советская Россия вновь очутилась в кольце вражеских сил.

На юге под ударами армии Деникина пал Луганск. Советские войска оставили часть Донбасса. Страна лишилась угля.

В Сибири, накопив силы, перешел в наступление Колчак. Империалисты США, Англии и Франции слали ему боеприпасы и оружие. Они рассчитывали, что Колчак, соединившись на Волге с Деникиным, будет главной опорной силой против большевиков. Но интервенты просчитались. Правда, Колчаку удалось прорвать фронт советских войск, занять Уфу и продвинуться к Волге. Но вскоре Красная Армия перешла в наступление на всем Восточном фронте. Колчак был отброшен за Урал.

В мае Юденич предпринял попытку захватить Петроград; зашевелились белогвардейские части в Прибалтике. С севера угрожали армии белогвардейского генерала Миллера и отряды английских, американских и французских интервентов. Контрреволюция все туже затягивала петлю, стараясь задуть государство рабочих и крестьян.

Страна переживала трудные дни. Партия послала своих лучших руководителей на фронты гражданской войны, чтобы добиться перевеса сил и обеспечить победу над врагом. На фронт уехали А. В. Луначарский, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин и другие соратники В. И. Ленина. Вацлав Вацлавович по состоянию здоровья не был мобилизован на фронт, но он по мере сил трудился в тылу.

По заданию Московского комитета партии Воровский шел на митинги, собрания, субботники. Он зажигал сердца трудящихся своим пламенным словом, призывал к борьбе с голодом, с разрухой, с классовым врагом.

ВО ГЛАВЕ ГОСИЗДАТА

В стране было множество издательств, принадлежавших разным государственным учреждениям и частным лицам. Они подчинялись, а иногда и не подчинялись различным советским органам: Наркомпросу, отделам печати местных советов и т. д. Это создавало разнобой в руководстве печатными органами, чем пользовались враждебные советской власти элементы, выпускавшие вредную антисоветскую литературу. Партия и правительство поручили Воровскому навести порядок в этом деле. Он должен был организовать Всероссийское государственное издательство.

Воровскому приходилось все начинать сначала. Надо было подыскать здание для учреждения, разработать положение о Госиздате и представить его на утверждение ВЦИК, подобрать сотрудников.

Положение о Госиздате, разработанное Воровским, рассматривалось 9 мая и с небольшими изменениями было утверждено. Государственное издательство состояло при Наркомпросе, но на правах полной автономии. Госиздат самостоятельно решал все творческие дела на заседаниях редколлегии, состоящей из пяти человек. Заведующий Государственным издательством входил непосредственно в Совнарком и отчитывался перед ним в своей работе.

21 мая 1919 года был обнародован декрет о создании Государственного издательства.

Свое назначение на пост заведующего Государственным издательством Воровский воспринял без особого энтузиазма, ибо он знал, что на первых порах его деятельность сведется в основном к

организаторским функциям, к которым он не имел большого пристрастия. Госиздату предстояло объединить издательства ВЦИК, Московского и Петроградского Советов, Наркомпроса, РКП («Коммунист»), а также издательские отделы всех наркоматов. А масса частных издательств! Что с ними делать? Часть из них была национализирована, но некоторые крепкие, солидные издательства временно были оставлены в руках владельцев. Под контролем Госиздата им поручили издание учебников и научных трудов.

17 июня редакционную коллегию утвердил ВЦИК. В ее состав вошли М. Н. Покровский, И. И. Скворцов-Степанов, В. И. Невский. Председателем был назначен В. В. Воровский.

Работа закипела. Каждую неделю, по четвергам, на квартире Воровского в Кремле собиралась редколлегия Госиздата. На ней решались все принципиальные творческие и организационные вопросы.

Со стаканом жидкого чая в руке Воровский строил обширные планы. Он хотел, чтобы Госиздат выпускал и художественную литературу, и научную, и агитационную.

— Издадим русских классиков, пусть народ читает. Переведем Маркса. Выпустим массу брошюр...

— А где бумага? — сухо бросал Иван Иванович Скворцов, покручивая ус.

И Воровский спускался с заоблачных высот на землю. Он видел перед собой сотни телеграмм с единственным требованием — бумаги. Он вспоминал, что провинциальные газеты печатались на оберточной бумаге...

Воровский сосредоточил свою деятельность в Госиздате на главном направлении. «В той конкретной обстановке, — писал Воровский в статье «Задачи в организации Государственного издательства», — в

какой ведется сейчас в России борьба за социализм, при той скудости технических средств, так необходимых пролетариату для его просветительно-творческой работы, Государственное издательство обязано направить все силы на облегчение этой работы, обязано давать массам ту концентрированную умственную пищу, которая необходима для усвоения малосознательными элементами задач и целей пролетарской революции, давать ее во всех формах — агитационной, пропагандистской, популярно-научной, художественной или строго научной, пригодных для пропаганды практического осуществления социалистических идей и всех тех переходных мероприятий, которые служат этой цели».

Воровский признавал также, что не только бумажный голод и развал полиграфического дела тормозят деятельность Госиздата.

— У нас некому писать, — не раз твердил Воровский и ставил перед партией вопрос, чтобы привлечь литераторов-марксистов к непосредственному писательскому творчеству.

Воровский видел, что многие литературные силы распределены по разным советским и партийным учреждениям или усиланы на фронт. В июле на заседании редколлегии было решено просить ЦК забронировать от мобилизации десять выдающихся партийных литераторов. Просьба Госиздата не была удовлетворена. Тогда Воровский обратился лично к В. И. Ленину.

«Дорогой Владимир Ильич, — писал Воровский. — Условьтесь... о внесении в повестку завтрашнего политбюро вопроса о «Положении Гос. изд ва». Прилагаю тезисы доклада и справку о работе издательства для Вас». В этих тезисах Воровский поставил вопрос о литературных кадрах: «Недостаток партийных литературных сил, особенно отражающийся

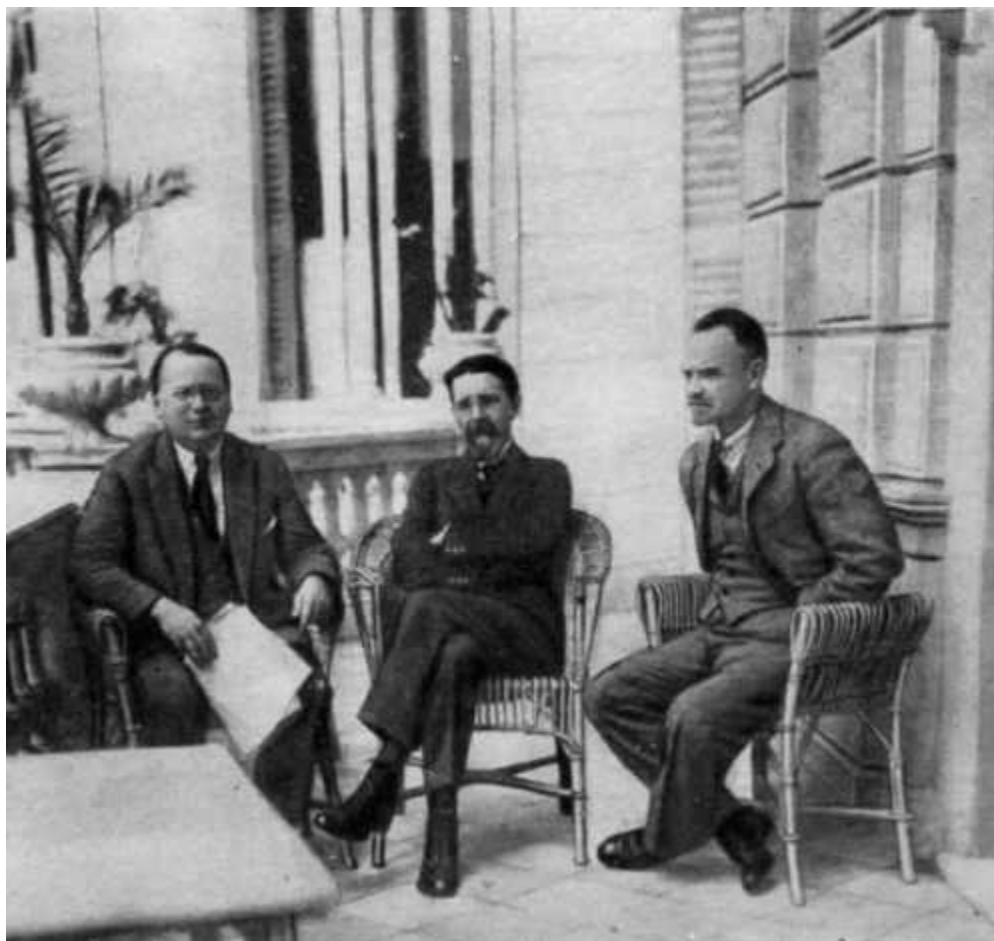
на Агитационно-пропагандистском отделе, самом ответственном. Гос. изд-во дважды просило ЦК забронировать частично десять более опытных литераторов, но получало отказ. Фактически работает молодежь.

Необходимо, — говорилось в тезисах, — обеспечить за Госиздатством труд виднейших литераторов (определенное число листов в месяц); бороться со всякими попытками дробления сил... создав единый Агитационно-пропагандистский отдел при Гос. изд-ве, руководимый ЦК партии».

Воровский привлек для работы в Государственном издательстве многих видных литераторов: Брюсова, Серафимовича, Фриче, Балтрушайтиса, а также известных ученых: Тимирязева, Волгина и других.

Закончив организацию дел в Москве, Воровский выехал в июле в Петроград. Там нужно было организовать отделение Госиздата.

Заведующим Петроградским отделением Госиздата утвердили И. И. Ионова — поэта, страстного любителя книг. Но Ионов, при всех его несравненных качествах в издательском деле, отличался неуживчивым, раздражительным характером. По малейшему пустяку вспыхивал, говорил собеседнику резкости. Воровскому не раз приходилось мирить Ионova с Горьким, улаживать конфликты между ними.

В перерыве между заседаниями Генуэзской конференции. М. М. Литвинов, В. В. Воровский и Л. Б. Красин.

В. В. Воровский с дочерью Ниной на прогулке.

Однажды секретарь Воровского Шушаника Манучарьянц подала ему письмо.

— Из Петрограда, от Горького, — сказала она.

Вацлав Вацлавович осторожно надорвал конверт и вынул листок, написанный характерным для Горького закругленным с наклоном в левую сторону почерком, стал читать: «Дорогой Вацлав Вацлавович! 25/II Вы вменили нам в обязанность пользоваться текстами русских классиков, изданными Государственным издательством. Это вполне резонно: тексты полных и сокращенных изданий должны быть совершенно идентичны. Но 31/III Государственное издательство отменяет Ваше справедливое распоряжение, как Вы видите из прилагаемой бумажки.

Я, конечно, чувствую здесь руку товарища Ионова, ибо ничем иным объяснить явление это не могу.

Я прошу Вас подтвердить распоряжение Ваше от 25/II, вменить Ионову в обязанность выдать мне все нужные тексты и указать ему, что он не должен смотреть как на своих врагов и конкурентов на людей, которые опытнее его и лучше умеют работать.

Будьте здоровы и желаю Вам хорошего отдыха на праздниках».

Прочитав письмо, Воровский задумался. Он сразу представил себе Алексея Максимовича: как тот, высокий, сухой, расхаживает из угла в угол и окающим баском ругает Илью Ионова. Именно таким застал его Воровский, когда в июле заходил к Горькому в издательство «Всемирная литература». Промелькнул перед Воровским и образ Ионова — маленького, нервно размахивающего руками.

Вацлав Вацлавович тут же написал письмо Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Сообщаю Вам, что наше распоряжение о предоставлении Вам рукописей для пользования ими при издании классиков касалось только тех из них, которые перечислены в прилагаемом к договору списке, издание же классиков по представленному издательством Гржебина второму списку ему не разрешено Редакционной коллегией

Государственного издательства, а потому рукописи этих авторов не подлежат Вашему просмотру.

Соответственное разъяснение будет дано одновременно тов. Ионову...»

И Воровский не только разъяснил Ионову, но и указал на недопустимость его поведения. Представляя государственное учреждение, Ионов должен говорить корректным и деловым языком, а «свое дешевое остроумие, — писал Воровский в Петроград, — может приберечь для более интимного кружка». Воровский сам был вежлив и корректен с посетителями и не терпел, если кто из служащих Госиздата проявлял грубость или нетактичность. Тут Воровский был непримирим. Он не делал скидки даже для своих старых знакомых и талантливых людей. Когда Демьян Бедный закапризничал и написал в ЦК РКП (б) резкое, грубое, ничем не обоснованное письмо против Воровского и Госиздата, Вацлав Вацлавович сам обратился в ЦК и потребовал разбора дела по существу. Дело разбиралось 16 октября 1919 года на Оргбюро ЦК РКП (б). Было решено поставить «на вид Демьяну Бедному совершенную недопустимость в деловых сношениях с товарищами того тона, которым написано его заявление в Государственное издательство, и предложить в дальнейшем... не позволять себе ничего подобного».

Владимир Ильич часто интересовался работой Госиздата и не раз обращался к Воровскому с разного рода просьбами. Так он прислал Воровскому записку: «Киргизские товарищи просят помощи, чтобы добыть словолитню, типографию и бумаги. Очень прошу их принять и оказать им всяческое содействие».

А однажды Воровский получил письмо М. Горького, в котором Алексей Максимович протестовал против разрушения типографии «Копейка», отданной в распоряжение «Всемирной литературы». На письме

стояла пометка, сделанная рукой Ленина: «Воровскому для срочного отзыва»^[33].

В тот же день Воровский продиктовал ответ В. И. Ленину. «Такое же разрушение типографий продельвается и в Москве. Находится все это в руках полиграфических отделов, нам совершенно не подчиненных. М. Горький, член Редакционной коллегии Государственного издательства в Петрограде, как видите, бессилён предотвратить «строительство» полиграфотдела. Необходимо решительно нажать на ВСНХ и «приказать».

4 сентября 1919 года под председательством Воровского состоялось очередное заседание Редакционной коллегии Госиздата. На нем шла речь об издании сборника к юбилею В. И. Ленина, об издании его биографии, а также полного собрания сочинений. Редакционная коллегия поручила организацию сборника о Ленине В. В. Воровскому. На этом же заседании выбрали комиссию по изданию полного собрания сочинений В. И. Ленина. В нее вошли: Воровский, Бонч-Бруевич, Ольминский, Карпинский и другие.

В работе Госиздата было немало и неурядиц, которые подчас выводили Воровского из душевного равновесия. Всегда спокойный, мягкий, уравновешенный, Вацлав Вацлавович иногда просто негодовал, когда к нему в руки попадали плохо изданные, неряшливо составленные книги.

Как-то осенью 1919 года Воровский вернулся с работы не в духе, что бывало с ним, впрочем, редко. Жена заметила, что он чем-то расстроен, хотя и старался скрыть это.

Вначале Вацлав Вацлавович отнекивался, ссылался на погоду, но потом признался, что действительно неприятности были. Он рассказал, как днем их

госиздатовскому дому здорово попало от Ильича. Правда, он тут же уверил, что вышло недоразумение. Ильич разгневался на Госиздат за издание брошюры «III Интернационал». Брошюра действительно издана отвратительно, и он сам всецело подписался бы под оценкой, сделанной Владимиром Ильичем. Вся беда в том, что эта, с позволения сказать, книжица была заказана, сдана в набор и подписана к печати лично бывшим заведующим издательством ВЦИК Еремеевым. Точную дату подписи к печати выяснить пока не удалось. Набрана брошюра была во 2-й Государственной типографии, откуда 10 июня сего года поступила для печати в типографию Сытина. Ни оригинал, ни корректуры брошюры к ним в издательство не поступали, а поэтому они не знали, как она подготовлена, и не могли предупредить ее выхода в свет. По той же причине корректоры не могли составить оглавления. Обо всем этом он и сообщил Ильичу... А тот даже требовал арестовать виновных и засадить в тюрьму. Но этого, к сожалению, они не могли выполнить, ведь Еремеев член ВЦИКа, и на арест его нужно предписание президиума ВЦИКа.

21 декабря 1919 года в квартире Воровского состоялось первое заседание Комиссии по изданию собрания сочинений В. И. Ленина.

На этом заседании был утвержден также приблизительный план сборника к 50-летию В. И. Ленина, куда намечались статьи: М. Горького (характеристика Ленина), И. Скворцова (Ленин как экономист), М. Покровского (Ленин как руководитель Совнаркома) и других авторов.

Воровский стал усиленно заниматься изданием собрания сочинений В. И. Ленина и сборника, посвященного Владимиру Ильичу.

ПРИЁМНЫЙ ДЕНЬ

Три раза в неделю в Госиздате бывали приемные дни. Посетителей являлось много, но Воровский все же успевал принять всех. С утра он просматривал почту, отвечал на письма, диктуя их своей расторопной секретарше Шушанике Манучарьянц.

Каждый день почта приносила что-нибудь новое, интересное. Воровский всегда сам разбирал ее. Он внимательно читал письма, заявления и другие бумаги, адресованные лично ему или просто в Госиздат. За этими бумагами стояли живые люди со своими горестями и нуждами, а иногда и радостью. Надо было вникнуть в их просьбы, на минуту проникнуться их заботами и отнестись чутко. Воровский не терпел равнодушия.

А иногда почта приносила забавные вещи.

Вот письмо писательницы А. Вербицкой. Ее тревожила судьба своих книг. Тут же, в письме, она передавала мнение М. Горького и М. Андреевой о нем, Воровском. «Следите по газетам за назначением В. В. Воровского. Это европеец в лучшем смысле этого слова и высококультурный человек, — сказала жена Горького Вербицкой. — Мы говорили ему о Вас, он примет к сердцу Ваши интересы и сумеет Вас защитить».

Читая это место. Воровский невольно улыбнулся и подумал: «Щедра Мария Федоровна на похвалу. Поистине: с кем поведешься! Щедрей, чем Алексей Максимович, я, пожалуй, никого не встречал...»

Но самым интересным в сегодняшней почте было письмо А. Филиппова, председателя исполкома по делам духовенства. Ему попалась брошюра П. Орловского «Послание патриарха Тихона к

архипастырям и пастырям церкви Российской». Не подозревая, что П. Орловский и В. Воровский одно и то же лицо,

А. Филиппов весьма лестно отозвался об этой брошюре.

«В брошюре Орловского есть драгоценные качества, — читал Воровский, — умение без колючек и нахрапа определить удельный вес предмета и направить мысль читателя по пути, нужному для автора, с которым уже не споришь, потому что он убедителен». Автор письма просил Госиздат отпустить Комитету по делам духовенства 20 тысяч экземпляров брошюры Орловского для распространения среди низшего духовенства.

Воровский был приятно удивлен: его брошюра, направленная против высшего духовенства, в частности против патриарха Тихона, разоблачающая его козни и контрреволюционную деятельность, удачно отвечала на вопросы дня, и на нее сразу же по выходе из печати появился спрос. Воровский улыбнулся еще раз. Он не был честолюбивым. Но когда дело касалось его литературных способностей, он не мог оставаться равнодушным. Ему всегда казалось, что литература — это святилище и вход туда возможен далеко не всякому. И если ценят его писательские таланты, ценят без лицепрития, то нет для него награды выше, чем эта похвала...

В половине первого Воровский устраивал небольшой перерыв, чтобы отдохнуть и закусить перед приемом посетителей.

Воровский доставал небольшой сверток, который утром ему вручала жена или позднее приносила дочь Нина. Там было два небольших ломтика черного хлеба с сыром. Реже хлеб бывал с маслом. Даже в совнаркомовской столовой обеды были более чем скромны, и выкроить из них на завтрак редко что-

нибудь удавалось. Страна жила впроголодь. На всем приходилось экономить.

В час дня начинался прием. В просторной комнате, где сидел секретарь Воровского, были аккуратно расставлены стулья и диваны. Здесь ожидали посетители...

...Явился работник института Маркса, полный, рыжеватый Д. Рязанов. Он тяжело дышал и вытирал пот со лба. Пришел узнать о судьбе рукописи, которую сдал в Госиздат на прошлой неделе. Воровский просмотрел ее, одобрил, но куда-то по рассеянности положил. Искал, искал — не нашел. Вызвал Шушанику Манучарьянц и сказал ей по-итальянски (в присутствии посторонних он часто с ней разговаривал на итальянском языке):

— Куда вы девали рукопись?

Манучарьянц ответила, что не трогала.

— Но ведь она была на моем столе!

— Я не видела.

— Что вы говорите об этом с восточным спокойствием, ведь посетитель ждет.

— Разрешите поискать...

Она стала рыться в бумагах, наваленных на столе и подоконнике. Наконец рукопись была найдена в книге, лежавшей на окне. От волнения Манучарьянц зарделась, вспыхнула словно спичка и вышла, не сказав ни слова.

Проводив посетителя, Воровский нажал звонок. Но секретарь не шла. Он снова позвонил, на сей раз настойчивее. И вновь никого. Делать нечего. Снял пенсне, встал из-за стола, открыл дверь и пригласил Манучарьянц к себе.

— Вы на меня сердитесь?

Она молчала.

— Извините, я был не прав...

И чтобы скрасить как-то свою вину, Воровский вынул из стола свою только что полученную из типографии брошюру «К истории марксизма в России», поставил дарственную надпись и протянул Манучарьянц. Она взяла книгу и заглянула на титульный лист. Там стояла подпись: «Шушанике Мкртычевне Манучарьянц на добрую память и поучение от сердитого автора. П. Орловский».

...В кабинет к Воровскому тихо вошел скромно одетый человек, бледный и постаревший раньше времени. Это был поэт Е. Ф. Нечаев. Его Воровский узнал сразу. Несколько месяцев назад он приносил стихи, а теперь, видимо, хотел узнать об их судьбе. Он просил аванс. Чувствовалось во всем, что Нечаев сильно нуждается. Воровский успокоил его и тут же написал записку А. В. Луначарскому.

«Известный поэт-рабочий Е. Ф. Нечаев находится в настоящее время в тяжелом материальном положении. Государственное издательство, чтобы пойти ему навстречу, приобрело у него несколько месяцев назад сборник стихов. Печатать сейчас этот сборник не представляется возможным, литературная работоспособность Нечаева очень невысока, и существовать писательством он, конечно, не может. Необходимо обеспечить его старость определенной пенсией не в том ничтожном размере, в каком выдается клиентам соцобеспечения.

Государственное издательство очень просит Вас принять экстренные меры к тому, чтобы Нечаеву выдавалось правильное вспомоществование из средств Наркомпроса, а если юридически невозможно, то чтобы соцобеспечение выплачивало ему значительно увеличенную пенсию».

Бодро стуча каблуками, в кабинет ввалились сразу три посетителя. Один из них, небольшого роста, белокурый, в косоворотке, поэт Есенин. Другой,

высокий, черный, поэт Шершеневич, а позади — писатель Мариенгоф. Шершеневич важно выступил вперед и подал заявление с припиской А. В. Луначарского: «В Государственное издательство, тов. Воровскому... Прилагая при сем обращение ко мне трех имажинистов: Есенина, Шершеневича, Мариенгофа, прошу Вас вернуть мне его с Вашим письменным отзывом».

Прочитав эту приписку и заявление с жалобой на Госиздат, который, мол, не дает им бумаги, Воровский задумался.

— Я думаю, что ваши сетования на Госиздат поэтически преувеличены, — сказал Воровский. — Мы вовсе не против вас и вашей группы. Мы не собираемся вовсе лишать вас права печатать свои произведения. Но вы должны вначале объединиться в кооператив^[34]. Госиздат не может иметь дело с рядом одиночек. Мы не можем допустить, чтобы вы болтались в качестве толкачей в типографиях и проталкивали свои сборники. Если вы объединились, чтобы написать челобитную, то что мешает вам объединиться в издательской работе? То же самое я и Луначарскому сообщу...

Тут же Воровский продиктовал ответ Анатолию Васильевичу на заявление имажинистов: «Бумаги мы им дать не можем, ибо на такой «ренессанс искусства» бумагу тратить не считаем себя вправе, но пока у них бумага есть и пока ее еще не отобрали, мы им пользоваться ею не препятствуем. Пусть они не нервничают и не тратят времени на хождение по мукам, а подчинятся требованиям и объединятся в кооператив, как им было предложено в Отделе печати».

С ответом Воровского Луначарский полностью согласился.

На прием к Воровскому являлось много разных писателей, поэтов, деятелей культуры, работников

международного рабочего движения и т. д.

Маяковский приходил с большой суковатой палкой, клал ее на стол перепуганной секретарше и громко говорил:

— Мне к Воровскому.

Маяковский бывал в Госиздате по делу ИМО (Искусство молодых), как называли себя в то время футуристы. В эту группу входили Н. Асеев, Д. Бурлюк, А. Крученых, В. Хлебников и другие.

Воровский не был в восторге от футуристов, но Госиздат выплатил по договору, заключенному еще раньше с Наркомпросом, причитающуюся группе ИМО сумму. От дальнейшего же издания их произведений отказался. Бумаги не хватало на самое необходимое. Государство не могло ее расходовать на издание произведений футуристов. Могут издавать свои творения в частных или кооперативных типографиях. Хотя А. В. Луначарский усиленно поддерживал их, Воровский не считал себя вправе ставить их в более привилегированное положение по сравнению с другими литературными течениями.

Как-то к Воровскому на прием явился известный музыкант Гольденвейзер. Высокий, с копной пышных темных волос, Гольденвейзер держался просто и с достоинством. Он хотел издать свой дневник с воспоминаниями о Л. Н. Толстом. С ним приятно было побеседовать, поговорить о музыке.

Раза два к Воровскому заходил К. Бальмонт, предлагал свои стихи, переводы. Часто бывали Брюсов, Серафимович, Скиталец и другие литераторы.

Был на приеме и писатель Корней Чуковский. О своей встрече с В. Воровским он вспоминает: «...приехав в Москву и посетив Госиздат, во главе которого стоял тогда тов. Воровский, я был принят им так радушно, что постеснялся предъявлять рекомендательное письмо Луначарского. Радужие тов. Воровского объяснялось

тем, что ему стал известен положительный отзыв В. И. Ленина о моей работе над Некрасовым.

Об этом-то отзыве он и сообщил мне при встрече. К сожалению, Вацлав Вацлавович куда-то спешил, и наше свидание продолжалось не больше пяти минут. Он произвел на меня впечатление очень подвижного, моложавого человека, но страшно утомленного, словно после долгих бессонниц.

Перед тем как войти к нему в кабинет, я слышал оттуда громкий смех: Вацлав Вацлавович говорил с кем-то по телефону и громко, от всего сердца смеялся. Следы смеха остались у него на лице, когда я вошел. Смех потух у него на усталом лице, Вацлав Вацлавович встал и, не приглашая меня сесть, заявил, что он очень торопится, и тут же сказал похвалу моей работе над Некрасовым, но похвалу довольно язвительную, что-то вроде того, что вот «никак не ожидал от вас такой дельной работы». Чувствовалось, что другие мои писания ему не очень-то нравились— отсюда его удивление. И все же у меня осталось впечатление радушия».

Навещали Воровского и его старые знакомые по революционной работе: как всегда молодцеватый и подтянутый, Яков Станиславович Ганецкий; коренастый, в шляпе пирожком Максим Максимович Литвинов; грузный, но суетливый, с мешками под глазами Григорий Васильевич Чичерин и другие.

Однажды летом к Воровскому в Госиздат зашел В. Д. Бонч-Бруевич. Протянув мягкую сухую руку, Владимир Дмитриевич сел, вытащил из кармана аккуратно сложенную газету «Правда» и, развернув ее, начал читать:

«Московский Комитет Российской Коммунистической партии устраивает 6 июня митинги в районах на тему: «Красный фронт и контрреволюция». На митингах

выступят следующие товарищи: Скворцов, Владимирский, Орловский...»

— Это что же, Вацлав Вацлавович, Орловский опять, как в былые дни, в Женеве, стал на митингах выступать? — спросил, улыбаясь, Бонч-Бруевич.

— Да, с народом надо общаться, иначе прирастешь к креслу, — отшучивался Воровский.

В разговоре он поведал гостю о своих трудностях:

— Суют мне спецы различные сметы, сорта бумаги, расчеты, проекты, а я смотрю на них как гусь на молнию. Любой из них может втереть мне очки. Не хотят наши понять, что «дело мастера боится», что нельзя вот так, за здорово живешь, тянуть в любую область — володей и правь!

На сей раз приемный день кончился необычно: Воровскому позвонили от В. И. Ленина и сказали, что Владимиру Ильичу нужна библиотекарша. Не может ли Вацлав Вацлавович отпустить Манучарьянц? Воровский вызвал Шушанику Мкртычевну и сказал ей, что ее вызывает сам Владимир Ильич.

Тут же Воровский лукаво добавил, чтобы она не очень задирала нос: он отпускает ее только на время.

Манучарьянц ответила, что она боится: не справится.

— Что вы! С ним так легко работать. Многие мечтают повидать Ленина, не то чтобы вместе работать. А вы боитесь. Ну, решайте! Через полчаса будут звонить снова. Я должен сказать, согласны вы или нет.

— Согласна.

— Вот и хорошо. Но предупреждаю, не опаздывайте, Владимир Ильич любит аккуратность.

Спустя несколько минут Воровскому позвонили. Он ответил, что Манучарьянц согласна, но отпустить ее совсем он не может, она будет приходить к Владимиру Ильичу по вечерам.

ПРОЩАЙ, ГОСИЗДАТ!

Сотрудники Госиздата очень любили Воровского. Его вежливость и чуткость покоряли их. Вацлав Вацлавович постоянно заботился о своих работниках, внимательно выслушивал, тут же отвечал, может ли он чем-нибудь помочь. Воровский не раз обращался к своим друзьям и знакомым, занимавшим ответственные посты, с просьбой помочь тому или иному сотруднику Госиздата, попавшему в беду. Так, он просил Анну Ильиничну Елизарову, сестру Владимира Ильича Ленина, чтобы она как член коллегии Комиссариата социального обеспечения помогла поместить двух детей работника Госиздата Иванова в детский приют. Сам Иванов был болен от истощения. У него была семья из пяти человек.

Узнав о болезни заведующей книжным складом в Петрограде О. К. Гомозовой, Воровский просил исполком Петросовета помочь ей продуктами, медикаментами, деньгами. В письме Вацлав Вацлавович указывал, что Гомозова является ценным сотрудником и потеря ее была бы для Госиздата большим уроном.

В начале апреля 1920 года Вацлав Вацлавович принял участие в собрании членов исполкома Коминтерна в связи с 50-летием со дня рождения В. И. Ленина. На этом собрании был принят текст приветствия Ленину. 23 апреля это приветствие, подписанное секретарями исполкома Воровским, Коллонтай и Балабановой, было опубликовано в «Правде».

«Собрание Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала, — говорилось там, — с представителями Коммунистических партий

разных стран шлет свой братский привет испытанному вождю мировой революции тов. Ленину в день его 50-летнего юбилея».

Свою любовь и уважение к человеку, который привел Коммунистическую партию России к победе, Воровский выразил в очерке «В. И. Ульянов-Ленин», напечатанном в журнале «Красноармеец». В нем Воровский высказал «те чувства преклонения перед величием человека и чувства нежности к товарищу и соратнику, которые испытываем мы все, работавшие и работающие вместе с ним в рядах Коммунистической партии».

Несмотря на разруху и трудности, Госиздат за год с небольшим, пока во главе его стоял Воровский, проделал значительную работу. Из справки заведующего Госиздатом Ленину видно, что с 1 августа 1919 года по 1 мая 1920 года Госиздат выпустил 274 книги общим тиражом в 50,6 миллиона экземпляров. Для того времени это немало. Но огромная, напряженная работа, большие усилия, которые затратил Воровский, возглавляя Госиздат, не исчерпывались, конечно, количеством выпущенных книг. Гораздо большую пользу оказал он тем, что всегда проводил твердую партийную линию в пропаганде большевистских идей, в упрочении советской власти. По мере своих сил и способностей он направлял издательское дело в стране так, чтобы дух партийности пронизывал всю советскую печать, литературу и искусство.

Позднее Н. Л. Мещеряков правильно оценил заслуги В. В. Воровского в деле организации Госиздата. «Сочетание этих двух качеств, — писал он, — закаленного революционера и блестящего литератора, должно было обеспечить Вацлаву Вацлавовичу успех в выполнении возложенной на него трудной работы:

вырвать науку и литературу из рук буржуазии и привлечь их на службу революции.

И Вацлав Вацлавович блестяще выполнил эту работу. Это был человек решительный и непреклонный там, где надо было защищать революцию. Он твердой рукой безжалостно отклонял произведения литераторов, когда они пытались вредить делу революции. Но он делал это с таким мягким добродушным видом, который не обижал получившего отказ литератора, не отталкивал его безнадежно в лагерь контрреволюции, а, наоборот, заставлял задумываться и искать путей соглашения с советской властью. В деле сохранения русской науки и литературы в тяжелые времена гражданской войны, в деле примирения интеллигенции с революцией В. В. Воровскому принадлежит крупная роль», Эти слова принадлежат преемнику Воровского на посту заведующего Госиздатом, и они как нельзя лучше характеризуют роль Вацлава Вацлавовича в организации этого учреждения.

„ГОЛОДАЮЩИЙ ИНДУС«

Как только стали налаживаться международные отношения с рядом стран, Коммунистическая партия и Советское правительство не раз доверяли Воровскому дипломатические посты. 6 сентября 1919 года на Политбюро он был назначен членом делегации для мирных переговоров с Эстонией. 8 марта 1920 года Политбюро утвердило просьбу Наркоминдела о назначении Воровского председателем комиссии, посылаемой в Германию. Летом 1920 года Советское правительство вновь дало Вацлаву Вацлавовичу ответственное поручение по линии Наркоминдела. Он должен был возглавить советскую делегацию на мирных переговорах с Польшей, но переговоры были сорваны наступлением белополяков Пилсудского. Потом Воровскому было предложено выехать в Лондон или в Рим. Он выбрал Италию и, с радостью покинув, как он выразился, «Госиздатовское пленение», стал готовиться к поездке в Италию, где должен был возглавить советскую миссию.

Накануне отъезда в Рим Вацлав Вацлавович с дочкой выехал в подмосковный санаторий, чтобы отдохнуть и полечиться. Но им не повезло. Возвращаясь в Москву, на одной из станций они выпили сырого молока и оба заболели. Чувствуя недомогание, Воровский написал доктору Левину, врачу Кремлевской больницы, записку: «Многоуважаемый Лев Григорьевич, не урвете ли Вы минутку зайти ко мне и спасти меня от неминуемой гибели. Нахожусь при последнем издыхании, но, как человек благовоспитанный, конечно, подожду умирать до Вашего прихода».

Вначале Вацлав Вацлавович думал, что болезнь не так опасна. Но состояние быстро ухудшалось, Пришлось лечь в Кремлевскую больницу. Оказался брюшной тиф. Нина быстро поправилась, а Воровскому становилось все хуже. Ослабленный в тюрьмах и ссылке, организм плохо боролся с болезнью. Наступило внутрикишечное кровоизлияние, и Воровский очутился на краю гибели. Однако он не терял присутствия духа, шутил над своей болезнью. Друзья и знакомые Воровского, посещавшие его, все, как один, отмечали его необыкновенное мужество.

Анатолий Васильевич Луначарский, навестивший Воровского, впоследствии вспоминал: «С совершенным изумлением сидел я у ног больного и слушал нескончаемый град шуток, причем шутил он над собой, над своими, быть может, последними вздохами, над всяким страхом смерти, над всяким бредом о бессмертии. Спокойная шутка и необычайная улыбка Фавна на этом исхудавшем лице с печатью наступающего конца показались мне каким-то победным гимном, похожим на некоторые звучания симфонии Скрябина. Я вышел тогда из больницы совершенно потрясенным, и тогда же пришла мне в голову мысль, что такая победа над смертью возможна только для бессмертных людей».

Владимир Ильич, горячо любивший и ценивший Воровского, внимательно заботился о своем больном друге, постоянно справлялся о его здоровье. По просьбе В. И. Ленина в Кремль доставлялись бюллетени о состоянии здоровья Воровского. Когда же кризис миновал, Владимир Ильич позвонил в больницу и спросил, можно ли ему навестить Воровского. Получив утвердительный ответ, Ленин вместе с Бонч-Бруевичем отправился в больницу. Они нашли Вацлава Вацлавовича в отдельной палате. Он лежал высоко на подушках, страшно худой и бледный, говорил слабым и

невнятным голосом. Владимир Ильич вошел в комнату, приветливо улыбнулся Вацлаву Вацлавовичу и, как передает Бонч-Бруевич, погрозив пальцем, сказал:

— Молчите! Не разговаривайте!

— Извольте представиться: голодающий индус из владений его величества короля английского, — шутя над самим собой, полусшепотом проговорил Вацлав Вацлавович.

— Но нам нужно, чтобы вы были абсолютно здоровы! Италия ждет вас, а вы так плохо себя ведете, — пошутил Владимир Ильич.

Вацлав Вацлавович заметно оживился и вдруг стал быстро говорить.

— Тише, тише, так нельзя, — сказал Владимир Ильич. — Вы помолчите, лучше я расскажу... Не надо тратить силы.

И Владимир Ильич стал тихо, задушевно беседовать с больным.

По выражению лица Воровского Бонч-Бруевич понял, что он хочет что-то сказать Владимиру Ильичу наедине. Все вышли из комнаты. Минут через пятнадцать Владимир Ильич стал дружески прощаться с Воровским.

— Теперь отдыхайте... Засните лучше... — улыбаясь, Ленин затворил за собой дверь.

И тотчас же шепотом спросил у врача:

— Ну, как он? Плох, слаб?

— Очень слаб, — ответил врач, — но непосредственная опасность миновала.

— Прошу вас, берегите его: это прекрасный товарищ... Если чем могу быть полезен, звоните прямо ко мне...

— Бедняга Вацлав Вацлавович, как переменялся... Тяжелая болезнь... Выживет ли? — сказал Владимир Ильич Бонч-Бруевичу. Лицо Ленина стало задумчивым и печальным.

— А их финансовые дела? Небось Дора Моисеевна совершенно поистратилась на больных. Вы узнайте деликатно, по-товарищески, чтобы не обидеть, — обратился Владимир Ильич к Бонч-Бруевичу. — В такие минуты люди особенно чутки к обиде. Не забудьте сказать мне, что узнаете...

Бонч-Бруевич ответил, что по его докладу Малый Совнарком из свободных кредитов отпустил уже небольшую ссуду Воровскому.

— Это хорошо... Но когда это было? Давно? Теперь выздоравливает и он и дочка, необходимо усиленное питание. Надо помочь...

На другой день Бонч-Бруевич доложил Владимиру Ильичу о том, что у жены Воровского ничего нет и что она на рынке вынуждена продавать вещи, чтобы покупать продукты.

Тотчас же, 27 августа, Владимир Ильич написал записку в Малый Совнарком: «Ввиду крайне тяжелой и опасной болезни т. Воровского (брюшной тиф, воспаление легких и пр.), прошу спешно разрешить выдачу крупного пособия на лечение и питание усиленное» [\[35\]](#).

На докладной записке В. Бонч-Бруевича (о выдаче пособия Воровскому) Ленин написал: «Поддерживаю эту просьбу, ибо видел сам тяжелое положение Воровского и получил такое же указание от некоторых товарищей» [\[36\]](#).

А через месяц Владимир Ильич снова просил Малый Совнарком рассмотреть его просьбу: «Если нельзя достать сестры на иных условиях, — писал он, — придется, пожалуй, пойти еще на расходы. Надо непременно долечить и отправить в Италию».

Кроме того, Владимир Ильич обратился к шведским товарищам, хорошо знавшим Воровского, с просьбой прислать «чего бы это ни стоило медикаментов и

подходящего продовольствия для больного Воровского». И, как вспоминал Фредерик Стрем, нужные лекарства и продукты были высланы. Они оченьгодились больному.

Только в декабре 1920 года Воровский вышел из больницы. Он был еще худ и слаб, но глубоко запавшие глаза уже искрились в счастливой улыбке.

Дома Вацлав Вацлавович заглянул в зеркало: прямой нос заострился, овал лица сузился, в слегка отросших волосах появились целые пряди седины.

— Ничего, — усмехнулся он в зеркало, — голодающий индус еще повоюет с английским королем...

В это время к Воровскому обратилась с просьбой семья умершего инженера Евнина, с которым работал Воровский в Петрограде в первую мировую войну. Хотя Воровский был еще слаб и недостаточно окреп, чтобы заниматься делами, он не мог оставить просьбу без ответа. В январе 1921 года Воровский отправил письмо В. И. Ленину: «На рассмотрение Совета Народных Комиссаров должно поступить ходатайство Петроградской электросилы об обеспечении пайком и деньгами семьи недавно умершего электроинженера И. Д. Евнина. Зная хорошо покойного в течение нескольких лет, считаю своим долгом самым горячим образом поддержать это ходатайство. И. Д. Евнин, всегда сочувственно относившийся к революционному, в частности рабочему, движению, был одним из немногих инженеров, которые после Октябрьского переворота остались на своем посту, работая с той же добросовестностью и преданностью делу, что и раньше. Обеспечение семьи покойного было бы наиболее целесообразной формой признания его заслуг перед Советской властью».

В. И. Ленин поддержал просьбу Воровского, сделав следующую приписку на его письме: «Воровский —

старый марксист и большевик: на знание людей им я вполне полагаюсь».

К весне 1921 года Воровский настолько окреп, что смог выехать в Италию.

Глава XIV НА СТРАЖЕ ОТЕЧЕСТВА

«СОХРАНЯТЬ СПОКОЙСТВИЕ!»

14 марта 1921 года Воровский со своей миссией прибыл в Рим. Ярко светило солнце. На перроне собралась небольшая толпа встречающих. Среди них были депутаты-социалисты Бомбаччи и Грациадеи, представители итальянских кооперативов и всероссийского союза кооператоров. Но ни одного сотрудника Министерства иностранных дел.

Когда поезд остановился — машинисты-железнодорожники приветствовали прибытие советского представителя паровозными гудками. Воровский улыбнулся.

— Народ везде гостеприимен, — пошутил он, выходя из вагона.

Он сутулился, болезненно морщил тонкое худое лицо — после тяжелой болезни чувствовал себя не совсем уверенно. На перроне Воровский приветствовал встречающих по-итальянски, а затем все отправились в ресторан Вальи. Представителям печати Воровский заявил, что очень рад своему прибытию в Италию, что ему нравится итальянский народ с его древней культурой. Он успел полюбить его, когда раньше бывал в прекрасной Италии и наслаждался ее горячим солнцем, голубым небом и ласковым морем...

Однако официальные власти встретили его неприязненно. Воровский тут же столкнулся с бестактностью чиновников. Таможенные власти в Риме отказались выдать ему вещи без досмотра, хотя багаж дипломатических представителей неприкосновенен. Несмотря на протесты Воровского, полиция сорвала печать с багажа, взломала замки и осмотрела содержимое. В буржуазной прессе вокруг багажа и

якобы обнаруженных при досмотре драгоценностей поднята была необычайная шумиха.

В знак протеста Воровский отказался в назначенный срок прийти на свидание с министром иностранных дел Сфорца. А когда один из фашистских молодчиков пытался оскорбить советского посла, проникнув в гостиницу «Лондра», где остановился персонал советской миссии, Воровский послал итальянскому правительству резкую ноту, требуя предать суду виновного. В ноте также указывалось на необходимость возвращения здания бывшего царского посольства советской миссии. В случае невыполнения этих условий, заявил Воровский, он покинет Рим. Итальянское правительство вынуждено было пойти на уступки. Фашист Сервенти, оскорбивший Воровского, был предан суду.

Пока члены советского посольства поместились в гостинице «Лондра», расположенной рядом с прекрасным парком Villa Borghese. В первые дни пребывания в Риме Воровский собрал персонал миссии и рассказал о сложной обстановке в Италии. О том, что банды фашистских молодчиков рыщут по городам и селам, сеют панику, жгут дома коммунистов, убивают лучших представителей рабочего движения. А полиция, карабинеры, вместо того чтобы пресечь безобразия, потворствуют фашистам.

— Нам, конечно, больно смотреть, — говорил он, — как гибнут лучшие люди Италии, но это внутреннее дело итальянцев. Вмешиваться мы не должны. Нас здесь, как видите, особенно не жалуют. Постоянно вызывают на провокации, но мы не должны поддаваться. Главное — никакой паники. Сохраняйте спокойствие! Помните: глядя на нас, будут судить о всей Советской России. Вы знаете, что большевиков считают варварами. На эту буржуазную удочку попадаются простаки-обыватели. А они, большей

частью, судят о людях по внешнему виду. К нам в душу они, конечно, залезть не могут. Своим костюмом и внешним видом старайтесь не выделяться из толпы. Ничего бросающегося в глаза, никаких выходов. Будьте достойны своей великой Родины и всегда помните об этом. Мы попали в осиное гнездо. Не дразните ос!

О возможных провокациях Воровский предупредил также жену и дочь. Буквально через несколько дней предвидение Воровского сбылось. Однажды, возвратившись с прогулки из парка Боргезе, всегда жизнерадостная, бойкая Нина рассказала, что к ней подошел один синьор и шепнул: «Пять минут назад твой отец убит...»

— Ну, и что же ты ответила? — спросил Вацлав Вацлавович.

— А я сказала, что он лгун.

— Вот и правильно...

В Риме за Воровским по пятам постоянно следовали два шпики. Советский посол неоднократно заявлял в министерство иностранных дел, чтобы его оставили в покое. Ему ответили, что это делается для его охраны. Но иногда Воровскому удавалось надуть своих «телохранителей» — выручал опыт, приобретенный в царской России.

В свободные часы Воровский любил бродить по Риму. Не как турист, а как знаток искусства осматривал он богатейшие коллекции сокровищ в музеях Ватикана, как зачарованный художник часами простаивал он в соборе Святого Петра перед гениальным творением Микельанджело — «Моисеем». В свободные минуты он спешил в развалины Форума и Палатина, чтобы насладиться суровой прелестью древнего Рима. Нередко брал с собой Юру — сына сотрудницы посольства Анны Николаевны Кол-пинской — и вместе с ним подолгу бродил по античной дороге (via Appia Antica). Путь, проложенный еще рабами Рима, являлся

примечательным местом. Он напоминал своеобразный музей под открытым небом. По обе стороны дороги расположена масса статуй и гробниц древнеримских полководцев.

Побродив по Риму, Воровский возвращался к Колпинским обедать. Все уже были в сборе: хозяйка Анна Николаевна, ее муж Урбан, Дора Моисеевна и Нина. Подавались традиционные итальянские макароны, фрукты и легкое вино. После обеда Воровский садился по обыкновению на балконе, откуда открывался чудесный вид на Рим, и смотрел в бесконечное синее небо, на отроги гор.

Из Рима Воровский поддерживал постоянную связь с Владимиром Ильичем. В свою очередь, Ленин сам писал Воровскому, обращался к нему с разными просьбами.

Летом в Рим, к Воровскому, в качестве дикпурьера приехал сын Горького — Максим Пешков.

Главная цель пребывания Воровского в Италии сводилась к тому, чтобы добиться признания Советской республики. России нужна передышка, нужен мир. Надо было сделать все, чтобы добиться их. Именно эту мысль, как вспоминал Воровский, развивал ему Ильич перед отъездом.

Свои первые дипломатические шаги в Риме Воровский начал с установления торговых отношений. Он воспользовался экономическими трудностями Италии и начал зондировать почву в коммерческих кругах. Италия нуждается в топливе? Пожалуйста, на юге России есть уголь, есть нефть. Россия могла бы предоставить на взаимовыгодных условиях добычу этих полезных ископаемых. При этом итальянские промышленники охотно соглашались доставлять в нашу страну паровозы, вагоны, автомобили.

Вскоре между Воровским и представителями итальянского правительства начались переговоры. В мае торговый договор в общих чертах был подготовлен

и началось его постатейное обсуждение. Однако со стороны фашистов продолжались провокации. Во время обсуждения договора Воровский поставил условие — обеспечить советской миссии возможность работать спокойно, гарантировать ей дипломатический иммунитет, иначе он будет вынужден покинуть Италию. Все эти претензии Воровский предъявил министру иностранных дел Сфорца. Итальянское правительство было вынуждено пойти на уступки, оно признало дипломатический иммунитет российской торговой миссии и распорядилось о немедленной выдаче ее членам разрешения на ношение оружия.

Обстановка в Италии все более и более накалялась. Фашисты распоясались.

«Наслаждаться сейчас в Италии природой, искусством, литературой, — писал Воровский, — предаваться мирному созерцанию нельзя, ибо нельзя уединиться: гражданская война проникла во все уголки. Даже на Капри ухитрились фашисты 1 мая сжечь помещение коммунистов. Интересно сидеть и наблюдать, до какого бесчинства дойдет эта публика. Только что открывшийся новый парламент начался с того, что фашисты-депутаты угрозами, револьверами и рукоприкладством вышвырнули из здания парламента коммуниста депутата Мизиано, и первое же заседание открылось протестами против этого безобразия. Скоро, вероятно, в самом зале заседания начнут пускать в ход револьверы: веселый парламент».

В этом же письме Воровский просил подобрать для него литературу критическую и историческую относительно новых течений: модернистов, «хвутуристов», пролеткультовцев и прочих. Все это было ему нужно для ознакомления Италии с литературными течениями в России. Воровский указывал, что в подборе книг могут помочь Брюсов,

Фриче, Кривцов, которым он просил при этом передать привет.

В тот же день Воровский написал своему другу М. Горькому: «Дорогой Алексей Максимович, Ваш первородный рассказал Вам, вероятно, о нашем житье-бытье, так что останавливаться на этом не буду. Надеюсь, что Вы соблазнитесь возможностью приехать сюда и сами увидите, что и как. А приехать Вам полезно... А теперь маленькое дело. Понеже Вы являетесь насадкой современной русской литературы и под Вашим боком греется немало гениев больших и малых, то окажите услугу отечеству, этим гениям и вселенной, поручив надежному человеку подобрать в двух экземплярах всю поэзию, беллетристику и пр. проявления русского духа (ох!), появившиеся в свет в России под «большевицким игмом». Для Питера Вам, вероятно, удастся использовать Ионина, который, хотя и смотрит на Вас букой, все же, как заядлый книжник, не может отрешиться от слабости к Вам...

А получить эти вещи очень нужно как для издания на итальянском, так и для использования в прессе».

Летом 1921 года по делам Профинтерна в Рим приезжал знакомый Воровского еще по одесскому подполью Владимир Деготь. Так как Воровскому было неудобно встречаться с ним у себя дома или в посольстве, то они встретились в Колизее как туристы. Рассматривая древние развалины, они вели беседу:

— Вы думаете, товарищ Деготь, что я приехал сюда для торговых переговоров, для купли-продажи? Как бы не так! Меня здесь интересует политическая работа. Большевик остается большевиком, какие бы функции на него ни возлагали. Сейчас нам нужен мир во что бы то ни стало...

В начале июля 1921 года в Италии было сформировано новое правительство во главе с Бономи. Новый министр иностранных дел де ля Торрета

допустил в своей первой же речи выпады против Советского правительства. Он сказал, что советской власти скоро конец, подверг критике торговое соглашение с Россией. В докладе наркому иностранных дел Г. В. Чичерину Воровский писал, что «министерство с де ля Торрета во главе саботирует дело». Воровский не замедлил отправить ноту протеста, в которой говорилось, что подобная бестактность министра иностранных дел наносит ущерб обеим странам. Воровский добился также личной аудиенции Бономи. В личной беседе Бономи заверил советского посла, что он постарается удовлетворить требование Советского правительства о возвращении помещения бывшего русского посольства. Беседа Воровского с Бономи велась на итальянском языке. Бономи был польщен этим. Он поражался выдержке, такту и гибкости ума Воровского. Советский посол хорошо разбирался в международных делах, отлично знал положение в Италии, видел прорехи итальянской экономики.

Бономи вспомнил выступление в парламенте социалиста Модильяни с предложением начать переговоры с Россией, чтобы установить нормальные дипломатические и экономические отношения, и подумал, что и тут, наверное, не обошлось без дипломатии большевика Воровского. Бономи был не далек от истины: Воровский установил неофициальные связи с видными итальянскими социалистами и коммунистами.

Визит Воровского к премьер-министру возымел действие. Следующее выступление в парламенте де ля Торрета было корректным. Он выразил даже готовность послать в Россию дипломатическую миссию, о чем обещал официально известить советского полномочного представителя.

В декабре месяце итальянское правительство признало Воровского единственным представителем

России и подписало торговое соглашение. Это было признание Советского правительства де-факто.

В конце декабря Воровский выехал в Москву,

ПОЕЗДКА В МОСКВУ

Москва встретила Воровского вьюгой. Мелкий колючий снег больно хлестал по изможденным лицам прохожих, и те с трудом пробирались по занесенным улицам. Голод и холод старались победить москвичей, но они стойко шли вперед, навстречу новой жизни.

С каждым годом количество безработных в Москве уменьшалось, а те, кто все еще не имел работы, получали пособия. Газеты приносили радостные вести о первых успехах на трудовых фронтах. Оживал Донбасс. В декабре 1921 года он дал стране 51 миллион пудов угля. Из Сибири к столице Советской России двигались эшелоны с хлебом. На одной из афиш Воровский прочел, что в Москву приезжает на гастроли Александринский театр. Воровский решил непременно попасть на спектакль. Он давно уже не был в русском театре...

На второй день после прибытия в Москву к Воровскому пришел корреспондент «Правды», чтобы взять интервью. Воровский охотно поделился с ним своими впечатлениями об Италии. Он говорил, что сейчас Италия продолжает переживать все более и более обостряющийся кризис промышленности. Многие предприятия, которые выросли и окрепли во время войны, теперь или лопнули, или накануне краха... В тяжелом положении находится текстильная промышленность, вторая основная ветвь итальянской промышленности. Застой в промышленности ведет к банкротствам, закрытию фабрик и заводов. Кризис углубляется тем, что Италия не имеет своего топлива и должна постоянно его ввозить. Главные предметы итальянского экспорта — вино, фрукты — не находят

себе рынка сбыта, а покупательная способность итальянского народа резко понизилась.

Воровский добавил, что глубокий хозяйственный кризис породил, в свою очередь, финансовый кризис. Налоги, особенно косвенные, безумно растут. Каждый шаг итальянского гражданина обложен: за объявление, помещенное в окне собственного дома, приходится платить, везешь продукты из деревни в город — тоже плати, и так во всем...

Но самый страшный бич современной Италии — безработица; число безработных достигает более полумиллиона, еще большее количество рабочих трудится неполную неделю. Стоимость жизни увеличилась в 10. раз, а зарплата только в 4-5 раз. Никаких субсидий правительство безработным не платит, да и из каких средств, если в государственном бюджете дефицит около 63 миллионов лир!

Вскрывая причины кризиса, Воровский рассказал о быстром росте фашизма в Италии.

Он говорил, что фашисты постоянно шпионят за рабочими организациями. Нагло заявляют, что они за насилие, ведут откровенную классовую борьбу на стороне буржуазии. Характерно, что правительство оказывает фашистам поддержку. Революционное движение развивается в тяжелых условиях, но оно все же растет. Воля рабочих к борьбе очень сильна. Широкие массы не только сочувственно, но и восторженно относятся к Советской России и к коммунизму...

Сразу же по прибытии в Москву Воровский побывал у Ленина в Кремле, а вечером зашел к нему на квартиру. Он поздоровался с Надеждой Константиновной, передал ей привет от жены и поведал о своем житье-бытье в Риме.

Владимиру Ильичу Воровский рассказал более подробно, чем раньше в письме, об итальянских

социалистах — тураттианцах.

Ленин внимательно слушал Воровского. Он соглашался с ним. В разговоре Ленин указал на опасность со стороны оппортунистов и реформистов типа Туратти. Пока рабочие терпят этих болтунов, их ряды непрочны и немонолитны. Нельзя забывать, что группа Туратти агитирует за сотрудничество с буржуазией.

В Москве Воровский повидал своих друзей, а некоторым написал письма. Отправил он письмо и в Одессу — Давиду Тальникову.

«Работа моя тоже не особенно интересна, — писал он. — Серьезной политики в Италии нет, а та, что делается, жульническая. И вот стоишь, как городской, на страже отечества и смотришь, чтобы италиашка не надула... И все-таки надувает. Ибо люди потеряли последние крохи чувства собственного достоинства. Да ну их.

Я, как и Вы, забыл писать. Ибо по Вашему письму не видно, чтобы Вы занимались сим благородным ремеслом. А хочется. С величайшим восторгом бросил бы к чертям все чины и ордена, залез бы в хорошую библиотеку и погрузился бы в книги, но так, чтобы ни о чем не думать: ни о том, что семья будет завтра есть, ни о том, что палец вылез из сапога, ни тем более о смене одного дурацкого министерства другим. Но это возможно будет только «в лучшем мире».

Однако Воровский не «забывал писать». Он не мог не писать, как любой настоящий литератор, но просто стал меньше уделять этому внимания из-за перегруженности работой.

В январе он поместил в «Правде» за подписью «Недоумевающий» несколько фельетонов на международные темы.

Во время пребывания Воровского в Москве, в Каннах, на юге Франции, состоялось заседание

верховного совета союзников, который наметил созвать международную экономическую конференцию в Генуе в феврале или марте. На нее предполагалось пригласить и Советскую Россию.

7 января итальянское правительство передало советской миссии в Италии (Я. Я. Страуяну, которого Воровский оставил вместо себя) резолюцию Каннской конференции, в которой говорилось: «Итальянское правительство согласно с Великобританским правительством, считает, что личное участие в этой конференции Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом равновесии Европы. Королевское министерство иностранных дел просит Российскую торговую делегацию самым срочным образом сообщить о желании королевского правительства, чтобы Ленин не преминул принять участие в конференции».

Весть о Генуэзской конференции вызвала в Европе настоящую бурю. Буржуазные журналисты негодовали: «Итак, Ленин приглашен сидеть рядом с Брианом!» Парижские газеты неистово кричали о поражении французской дипломатии. Бриан был вынужден уйти в отставку. Кризис французского правительства отозвался во всей Европе. В Австрии пало министерство Шобера, такая же участь постигла правительства Польши и Греции. Волна докатилась и до Италии.

Воровский был в курсе всех событий. Он хорошо понимал, что Ленину тогда нельзя было выезжать из России. В фельетоне «Диалектика или чудеса в решетке» («Правда», 13 января 1922 года) Воровский высмеял «аргументы» буржуазных правительств, ратовавших за личное участие Ленина в Генуэзской конференции.

«Мы, как бы это сказать, не догадывались, — зло иронизировал Воровский, — что специальностью Ленина является восстановление экономического равновесия капиталистической Европы. Нам даже кажется— или

это ошибка памяти, ась? — что не так давно королевские и иные правительства, и не только они, считали, что главной специальностью Ленина является не столько восстановление капиталистического равновесия, сколько — гм... гм... — нарушение оного»

В другом своем фельетоне «Недоумения и затруднения» Воровский зло высмеивал потуги зарубежных политиканов типа французского премьера Бриана вмешиваться в дела Советской России и диктовать ей свои условия. «Еще прежде, чем в Генуе удалось восстановить капиталистическое равновесие Европы, — с мнимо серьезным видом писал Воровский, — Бриан потерял свое министерское равновесие и полетел. А между тем были сведения, что именно Бриан требовал, в качестве условия признания России, смены нынешних наркомов другими, более симпатичными. Мы еще не успели приступить к смене, а он уже сам сменился...»

В Москве Воровский позаботился о «духовной пище» работников посольства, сам закупил книг и попросил товарищей по работе в Госиздате подобрать ему литературу и отправить с курьером в Рим.

«Если найдете что-либо на рынке по религиозному вопросу в Советской России, — писал Воровский в записке к Ш. Манучарьянц, — непременно доставьте, этим очень интересуются в Италии».

Воровский не забыл свое детище Госиздат. Он зашел навестить сотрудников. Те обступили, начались расспросы. Вацлав Вацлавович рассказывал об Италии, о положении в стране, об условиях жизни и т. д.

Воровский острил, что он в Риме по важности не уступает самому «папе», ибо только их двоих и охраняют. «Все остальные ходят свободно».

27 января 1922 года в Москве под председательством Михаила Ивановича Калинина состоялось заседание ВЦИК, на котором был утвержден

состав советской делегации на Генуэзскую конференцию во главе с В. И. Лениным, а если по состоянию здоровья ему нельзя будет выехать за границу, то вместо него назначался Чичерин. Членами делегации были Литвинов, Воровский, Красин и другие.

В конце января Воровский выехал в Рим.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ

В Италии было тепло. Вспоминая московский холод, Вацлав Вацлавович поежился и улыбнулся. Он ощущал теплые лучи щедрого солнца, когда направлялся с вокзала в посольство. Итальянские газеты, которые он просмотрел еще в поезде по дороге в Рим, сообщали, что правительство Бономи ушло в отставку. Премьер-министром итальянского правительства стал Факта.

«Ну что же, — подумал Воровский, — придется начинать с визитов».

9 марта 1922 года Воровский был принят министром иностранных дел Италии Шанцером. Воровский увидел невзрачного человека с внимательными глазами. «Совсем как владелец банкирской конторы, — подумал Воровский. — Хоть не глуп, по-видимому, в деловом отношении, но лишен сколько-нибудь широких горизонтов». Разговор зашел о Генуэзской конференции. У Шанцера проскользнула мысль, что, мол, русские воспользуются конференцией с пропагандистскими целями. Воровский возражал. Он сказал, что советская делегация приезжает в Геную не для пропаганды, а для решения практических, конкретных вопросов.

«Общее впечатление от разговора с Шанцером, — сообщал Воровский замнаркоминделу М. М. Литвинову, — весьма безотрадное. Надеяться на то, что это правительство сумеет занять в Генуе сколько-нибудь независимое положение хотя бы в вопросах отношения Италии к Германии и России, к Востоку — безнадежно».

Через несколько дней Воровский был принят председателем совета министров Факта и вручил ему

верительные грамоты. Факта произвел на Воровского еще более удручающее впечатление. Чистенький, кругленький, маленький старичок расплылся в добродушной улыбке. Говорил много, но ни одного серьезного слова. Обычные банальные фразы о пользе отношений России с Европой. Когда же Воровский лукаво намекнул о том, что в интересах Италии завязывать отношения с Россией самостоятельно, ибо вместе с союзниками она будет обсчитана, как была обсчитана по Версальскому и другим договорам, Факта очень сконфузился и поспешил переменить тему разговора. Эта беседа Воровскому ничего не принесла.

Для Воровского начались напряженные дни. Необходимо было готовиться к конференции в Генуе. Воровский тщательно просматривал иностранную прессу, просил секретарей подобрать ему старые комплекты газет. Он подготовлял для Чичерина меморандум о войне и разрухе в Европе. Подбирая материалы, Воровский ясно сознавал, что Генуя не явится спасительницей Европы и организатором всеобщего мира, как об этом трубили газеты.

«Вряд ли конференция будет успешной, — думал он, — но она полезна. На ней можно будет добиться признания Советского государства». И тут Воровский вспомнил, что ему говорил Ильич: «Геную приветствуем и на нее идем; мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идем на нее как купцы».

Воровский знал также, что торговля будет трудной и победит тот, кто окажется более гибким, дальновидным и искусным.

«Надо будет попытаться расколоть фронт империалистов, — рассуждал Воровский. — Тогда легче вести торговлю. Учесть интересы каждой державы, А начать придется с прекрасной Италии».

После долгих оттяжек и проволочек Генуэзская конференция была созвана в апреле. За несколько дней

до ее открытия Воровский выехал в Геную, чтобы встретить советскую делегацию — Чичерина, Литвинова, Красина и других. По совету Воровского советская делегация разместилась в небольшом курортном городке Нерви, неподалеку от Генуи. Ровно двадцать лет назад Воровский здесь лечился. «Это было тихое живописное местечко, в котором хорошо работать», — думал Воровский.

Накануне конференции, в воскресенье, 9 апреля, Воровский устроил встречу главы советской делегации Г. В. Чичерина с премьер-министром Италии Факта и министром иностранных дел Шанцером. На совещании присутствовали Воровский и Литвинов.

Выше среднего роста, тяжеловатый, но суетливый, Чичерин тряс бородкой, неистовствуя, когда итальянский министр Шанцер сообщил ему, что советская делегация будет допущена только в одну из четырех намеченных комиссий. Георгий Васильевич решительно протестовал против такой дискриминации.

На другой день, в 3 часа дня, во дворце Сан-Джорджо открылась конференция. За столом, отведенном советской делегации, сидели Чичерин, Литвинов, Красин, Воровский.

Конференция длилась почти полтора месяца, но, как и предполагал Воровский, больших результатов не дала. Глава французской делегации Барту и глава английской Ллойд-Джордж с самого начала выдвинули неприемлемые условия — признание Советской Россией царских долгов. Разоренная войной и интервенцией молодая Советская республика не могла пойти на это.

На конференции советская делегация выступила с предложением о всеобщем сокращении вооружений, подтвердив тем самым миролюбивую политику своего правительства. Но империалистические державы отвергли предложения советской делегации.

Тем не менее на конференции удалось пробить брешь в капиталистическом лагере. Советская делегация сумела договориться с представителями Германии и, используя противоречия в кругах империалистов, заключила с немцами 16 апреля 1922 года в Рапалло договор. Это событие прозвучало на конференции как гром среди ясного неба. Рапалльский договор сорвал попытку Антанты создать единый капиталистический фронт против Советской России. Восстановить разрушенную войной экономику Европы за счет России не удалось.

В победе, которая была одержана советской делегацией на Генуэзской конференции, немалая заслуга принадлежала генеральному секретарю В. В. Воровскому. Он вел неофициальные переговоры, устраивал встречи, обеспечивал связь советской делегации с Москвой. Он мастерски владел кулуарной дипломатией, которая подготавливает почву для официальных решений и встреч. Вместе с Красиным он вел переговоры с представителями Комитета русско-итальянского сближения и через них умело воздействовал на общественное мнение Италии.

В конце апреля итальянская полиция арестовала группу русских белогвардейцев во главе с известным террористом Борисом Савинковым. Эта группа бандитов рыскала вблизи Генуи и намеревалась совершить убийство членов советской делегации.

Дважды над головой Воровского заносился вражеский меч, и дважды счастье улыбалось ему...

ОТ ГЕНУИ К ЛОЗАННЕ

Из Генуи Воровский провожал Чичерина до Берлина и присутствовал там на приеме, который давал Наркоминдел в честь заключения Рапалльского договора. Он вернулся в Рим совершенно разбитым. Требовался отдых, но в Италии было тревожно, да и работы накопилось уйма. Фашисты рвались к власти. Социал-демократ Туратти намеревался войти в новое правительство Орланди вместе с фашистом Муссолини. Начались крупные забастовки рабочих, но Туратти предал интересы трудящихся и заставил их приступить к работе.

Летом в Венеции открывалась международная книжная выставка. Советская республика решила принять в ней участие. Прибавилось работы и Воровскому. В Венецию был послан сотрудник посольства Урбан. Как-то за обедом Колпинская сообщила Воровскому, что на открытие выставки прибудет сама королева Италии и Урбан хочет ее принять в красной косоворотке, на русский лад.

— Ну, нет, миледи. Напишите ему, чтобы не глумился, — ответил Воровский тревожно. — Пусть оденется так, как полагается по этикету. Вышлите ему смокинг, а в косоворотке пусть он уж нас одних принимает...

Воровский любил бродить по Риму. Это отвлекало его от назойливых мыслей, он отдыхал, щелкал маленьким фотоаппаратом разные достопримечательности. Если снимки были удачны, он отправлял их дочери Нине, жившей тогда в Швейцарии, в частном пансионе.

Дочь доставляла немало хлопот. Она не отличалась спокойным характером. Ее буйный нрав, озорство могли вывести из себя кого хочешь. Пришлось поместить Нину в пансионат, где за ней был надлежащий присмотр. Нередко Воровский навещал ее, вел с ней дружеские беседы. По-товарищески журил ее за очередной скандал, доказывал неправоту ее поступков.

«Неужели ты не можешь жить с людьми так, — писал Воровский, — чтобы не нужно было объясняться...»

«Ох, трудный ты человек, Муха. Нас этот новый инцидент очень сильно огорчил. Мама сильно волновалась, хотела писать и тебе и M-les (воспитательнице. — Н. П.), но я ее уговорил оставить и ограничиться моим письмецом, ибо я понимаю, это одна из вспышек, которые у тебя, к сожалению, все еще бывают, и ты, успокоившись, сама поймешь, что зря разыграла этакую трагедию. Поменьше думай о том, что тебя кто-то ненавидит и пр. Это жеманство наизуворот.

Как жеманные девицы думают, что все восхищаются ими, так есть люди, которые думают, что все их ненавидят, что они такие непонятные, одинокие среди толпы. Вроде Печорина или героев Байрона. Это такой же недостаток, как и жеманство. Жизнь гораздо проще, и люди относятся друг к другу гораздо проще, чем выглядит по романам. Так и к ним нужно относиться просто и ровно, не презирать и не восторгаться, а главное, нужно быть самим собою и поменьше думать, что о тебе думают и говорят другие, стараясь быть чем-то заслуживающим внимания. Вот тебе очередная отцовская *predica* (нравоучение. — Н. П.).

А теперь из другой оперы. Посылаю несколько снимков. На обороте написано. Другие не вышли.

Ну, смотри, будь умницей, не позорь твоего старика отца и Российскую республику».

Воровский был внимателен не только к родным, но чутко относился и к своим сотрудникам, часто помогал своим знакомым, был отзывчив и мил с посетителями.

Однажды летом у одного сотрудника-бухгалтера, М. И. Каца, умер ребенок. Воровский поехал хоронить его. Узнав, что М. И. Кац по образованию скульптор, Воровский написал письмо А. В. Луначарскому, в котором просил оказать содействие подателю сего письма, и отправил его в Россию.

На международную книжную выставку в Венеции приезжал Отто Юльевич Шмидт — преемник Воровского по Госиздату. Шмидт пригласил Анну Николаевну Колпинскую работать в Москву в библиотеку Академии наук. Предложение было заманчивым. Но Воровский сказал ей:

— Не торопитесь, миледи. Узнайте условия. Хотите, я напишу Отто Юльевичу и все узнаю?

И он написал, потом повторил свою просьбу. Одним словом, Воровский позаботился, чтобы Колпинской своевременно предоставили квартиру, а потом уже напутствовал:

— Ну, теперь, пожалуй, можете трогаться...

Воровский не скупился на рекомендации, если хорошо знал и ценил того или иного работника. Так, он советовал Владимиру Ильичу взять на постоянную работу в секретариат Совнаркома Шушанику Манучарьянц, с которой работал в Госиздате.

«Дорогой Владимир Ильич! — писал Воровский. — Обращаю Ваше отеческое внимание на Шушанику Манучарьянц, Вашу библиотекаршу. Ее уже пора убрать из Гос. издательства. Рекомендую взять ее в секретариат Совнаркома — будете иметь преданного, надежного и очень толкового работника... Жму руку. Сердечный привет Надежде Константиновне».

Осенью 1922 года Муссолини совершил правительственный переворот. В Риме шла

перестрелка. По улицам ходить было небезопасно. Несмотря на это, Воровский не изменил своей привычке бродить пешком по городу. Опираясь на тросточку, он смело входил в кафе на улице Корсо, выпивал чашку кофе с ликером, наблюдал за посетителями.

«Во время взятия Рима фашистами, — вспоминал позднее Я. Я. Страуян, — часть наших сотрудников очень волновалась, боясь нападения на представительство. Вошедшие в Рим отряды фашистов проходили мимо нашего дома на Corso d'Italia. Вацлав Вацлавович спокойно стоял на балконе и наблюдал за «взятием Рима». Сотрудники советовали ему уйти с балкона; особенно волновался, бледнея и дрожа, знакомый итальянский адвокат: «Вас же могут убить...»

— Ну, так что же! — шутя ответил ему т. Воровский. — На то мы революционеры, чтобы не бояться смерти».

В ноябре фашисты ворвались в торговое представительство, обыскали помещение, избили сотрудника итальянца Туланди.

Воровский немедленно отправил итальянскому правительству ноту протеста, в которой требовал предать суду виновных в нападении на советскую миссию. Вечером 19 ноября Воровский был принят Муссолини. Встретил он Воровского внешне дружелюбно. Говорил, что Италия готова договориться о признании Советского правительства де-юре. Но дал понять, что не даром. Надо удовлетворить итальянские претензии... Италии нужны концессии...

Вернувшись домой после приема, Воровский сказал товарищам, что Муссолини не глуп, пожалуй, может удержаться у власти. А внешне — упитанный лакей в кресле барина: в глазах страх, но брови грозно и властно сдвинуты.

Глава XV

НЕ СТРАШАСЬ УГРОЗ

ЛОЗАННА

В октябре 1922 года правительство Ллойд-Джорджа подало в отставку. В новом консервативном правительстве министром иностранных дел стал лорд Керзон — сторонник наступательной агрессивной политики. По его инициативе в конце ноября была созвана международная конференция в Лозанне по подготовке мирного договора с Турцией. Выступив инициатором Лозаннской конференции, Керзон поставил перед собой несколько задач: взорвать советско-турецкий договор 1921 года, отдалить турок от России, изолировать их и заставить искать покровительства Англии. Керзон страстно желал также разрешить Мосульский вопрос в свою пользу и приобрести, таким образом, богатое месторождение нефти. Для этого он решил прежде всего попытаться отстранить Советскую республику от переговоров. Империалисты решили «допустить» Советскую Россию к участию только в тех заседаниях, где будет разбираться вопрос о режиме черноморских проливов.

Конференция открылась 20 ноября. Советские делегаты не были приглашены на открытие. Делегация выехала в Лозанну лишь в конце ноября. Но Воровский прибыл из Рима значительно раньше и сразу же установил контакты с некоторыми иностранными дипломатами. Он встретился с Исмет-пашой — главой турецкой делегации. Между ними состоялся обмен мнениями.

«Свидание Исмет-паши с Воровским, — писала «Правда», — рассматривается в Лондоне как свидетельство упрочения русско-турецкого соглашения...»

С представителями турецкой делегации Воровский наладил постоянную связь. Он заверил турецких делегатов, что Советская Россия весьма сочувственно к ним относится и будет поддерживать их. В свою очередь, и турки были склонны занять сторону русских в вопросе о проливах.

Воровский установил также связь с югославской делегацией. Он имел продолжительную беседу с ее представителем — Нинчичем, который заверил Воровского в том, что народы Югославии питают дружеские чувства к русским. В этой беседе были затронуты также вопросы, обсуждавшиеся на конференции, намечены пути установления нормальных отношений между Россией и Югославией.

Когда русская делегация приехала в Лозанну, Воровский информировал Г. В. Чичерина о положении на конференции, рассказал ему о точке зрения турецкой делегации и об итальянских делах.

Керзон спешил покончить с территориальными вопросами до приезда советской делегации, но это ему не удалось. В начале декабря на заседании комиссии по проливам выступил глава советской делегации Чичерин. Выполняя указания Советского правительства, он требовал в интересах мира и спокойствия закрыть для военных судов Дарданеллы и Босфор. Чичерин отметил, что в этом вопросе точки зрения России и Турции совпадают. Но Балканские страны не поддержали советского представителя, и вопрос о проливах свелся к единоборству Англии и Советской России. Англия усиленно нажимала на Турцию, и та начала колебаться. Керзон явно спешил закончить вопрос о проливах, чтобы избавиться от советской делегации.

Воровский внимательно наблюдал за происками лорда Керзона, видел слабость французских представителей, которые не замечали хитрости

англичан. От Воровского не укрылся тот факт, что лорд Керзон старается оттеснить французов и поссорить их с турками. В самый разгар словесных боев, наблюдая грызню империалистов, Воровский 14 января писал: «Французы попали в трясины и с каждым шагом вязнут все больше».

Воровский быстро и трезво оценивал международные события. У него было необыкновенно острое политическое чутье. Глубокий марксистский анализ и большой политический кругозор помогали ему правильно ориентироваться в международных делах. «Из разговоров и знакомства с материалами, — сообщал он жене в письме, — у меня создалось впечатление, что на днях окончательно столкнутся союзники с турками по вопросу о проливах и тогда созовут комиссию для принятия проекта и подписания. По остальным вопросам тоже близки к соглашению. Французы, желая иметь свободные руки на Рейне, во многом уступили, а англичане вообще мало интересуются экономическими и финансовыми вопросами».

И действительно, как и предполагал Воровский, турки пошли на уступки, и вскоре Керзон вручил им свой проект соглашения о проливах.

26 января 1923 года Воровский писал: «Что-то начинает разъясняться на нашем горизонте. По нашим сведениям, в субботу раздадут проект проливной конвенции, а в понедельник или во вторник — союзнический проект мирного договора. После этого якобы туркам предложат подписать договор как он есть».

Но в самый последний момент французы спохватились и решили исправить положение. Они захотели урегулировать финансовые вопросы с турками частным образом. Однако турки наотрез отказались удовлетворить требования французов. Затормозился вопрос и о Мосульской нефти.

«Творится здесь невероятный ералаш, — писал Воровский 31 января 1923 года, — кто знает, быть может, начинается новая эра во взаимоотношениях между союзниками, а следовательно, и в мировых взаимоотношениях. Французы и англичане настолько рассорились, что вчера французское правительство подало в Ангоре^[37] и опубликовало ноту, в которой заявило, что не считает окончательным поданный союзниками туркам проект мирного договора и что готово продолжить или возобновить через некоторое время дальнейшие переговоры в Лозанне или в другом месте. Англичане на это обиделись и ответили газетной заметкой, что это заявление противоречит решению, принятому всеми союзниками, то есть и самими же французами, относительно проекта мирного договора. Одним словом, начинается кутерьма. Что из этого выйдет, трудно предвидеть: все они шантажисты, а это значит, что легко могут опять помириться. А может быть, поругаются».

Турки не подписали проект мирного договора, и конференция прервалась.

В перерывах между заседаниями Воровский выбирал время и навещал дочь Нину. Она находилась в двух часах езды от Лозанны, в частном санатории, где лечилась (у нее открылся туберкулезный процесс в легких).

Сойдя с поезда, Воровский глубоко вдыхал горный воздух и направлялся в санаторий. Легкий морозец приятно пощипывал кожу. Воровский любовался снежными вершинами, сверкавшими в лучах яркого солнца, как сахарные головы. По дороге он встречал Нину. Она прогуливалась с большой, в белых пятнах собакой. Увидев отца, бросалась к нему.

— А ты не боишься сломать мне шею? — спрашивал с улыбкой Воровский.

— Ну, ты у меня сильный, — отвечала Нина.

— Сильный ли я — это еще вопрос, а вот ты заметно прибавила в весе. Гимнастикой занимаешься? Не ленишься? А как уроки? Подвигается ли французский? Как математика?

Так они обычно проводили на воздухе часа полтора. Приятно поскрипывал под ногами снежок, напомиравший о Родине. Время проходило незаметно, и Воровский торопился в Лозанну, где его ждали дела.

НА ПОСТУ

Советская делегация покинула Лозанну, предупредив секретариат конференции, что сообщение о продолжении конференции необходимо направлять в Рим.

Шли дни, а секретариат не извещал Воровского о том, что конференция 9 апреля возобновила работу. Воровский узнал об этом из газет и запросил Париж, где находился генеральный секретариат конференции. Лишь 12 апреля секретариат сообщил Воровскому, что советская делегация будет допущена ко второй фазе конференции только в том случае, если она подпишет союзнический проект конвенции о проливах. На это ультимативное требование союзников Воровский ответил нотой, направленной итальянскому правительству как правительству одной из стран-пригласительниц. Воровский заявил протест против фактического устранения советской делегации от участия в конференции. Не получив ответа на эту ноту, он прибыл 27 апреля в Лозанну.

Появление Воровского в Лозанне вызвало переполох среди реакционной части конференции. Империалисты боялись, что участие представителя Советской России может спутать их игру. Французская буржуазная пресса во враждебном духе комментировала приезд Воровского.

На вокзале в Лозанне Воровского встретили его секретарь Иван Дивильковский и Аренс — представитель советской печати. Втроем они отправились в скромную гостиницу «Сесиль» и сняли номер из пяти комнат. Комнаты были скромные, дешевые, но чистые, уютные. Воровский расположился

в просторной комнате с двумя окнами, из которых открывался чудесный вид на Женевское озеро.

В Лозанне Воровский сразу же столкнулся с трудностями. «Что касается дел, — писал он жене, — то картина не ясна. Делают пакости, чтобы не пускать нас с Милновичем^[38] в Берн, не дают визы. Мы, конечно, «принимали меры», но не знаю, чем это кончится. Лучше иметь дело с большими разбойниками, чем с мелкими воришками».

Вскоре Воровскому стало известно, что швейцарская миссия в Берлине не дала визу советскому дипкурьеру, направляющемуся из Москвы в Лозанну. В швейцарском министерстве иностранных дел ему посоветовали обратиться к генеральному секретарю конференции. 27 апреля Воровский написал туда письмо. Но секретариат повторил свое ультимативное требование.

30 апреля Воровский предал огласке переписку, разоблачавшую в глазах мировой общественности недостойные приемы империалистической дипломатии и вскрывавшую их подлинные намерения: во что бы то ни стало не допустить советскую делегацию на последнюю стадию переговоров о проливах.

«Я считаю невозможным думать, — писал Воровский 27 апреля в секретариат конференции, — чтобы державы-пригласительницы могли прибегнуть к полицейским мерам для удаления России от участия в последней фазе работ комиссии о проливах, что являлось бы вопиющим нарушением условий, на которых России было адресовано приглашение 14 ноября прошлого года».

В то же время Воровский обращал внимание мировой общественности на странную позицию швейцарского правительства. Оно не участвовало в конференции и только оказывало гостеприимство, тем не менее сочло возможным вмешаться в конфликт

между Россией и некоторыми из держав-пригласительниц. Таким образом, швейцарское правительство нарушило принцип беспристрастного отношения ко всем делегациям, соблюдать который оно было обязано.

Несмотря на протесты, конференция не желала признавать советскую делегацию, и Воровский не был допущен к заседаниям.

Из Москвы же ему было предписано оставаться в Лозанне и следить за игрой империалистов. Воровский стал ждать... Но он не был простым наблюдателем и начал вести неофициальные переговоры, влиять на конференцию.

2 мая Воровский имел беседу с Исмет-пашой по поводу положения, создавшегося на конференции. Позднее Г. В. Чичерин вспоминал об этой работе Воровского с величайшей благодарностью. Он указывал, что Воровский в Лозанне был в центре сложных мировых отношений, что создавшаяся у него близость с восточными народами и организациями принесла Советскому правительству величайшую пользу. «Те связи, которые уже были у тов. Воровского и которые он продолжал развивать в этой работе, сослужили нам громадную службу».

Империалисты чувствовали вес Воровского в международных делах, его умение вести борьбу за мир. Советский посол мешал их игре. «Здесь нас конференция не признает делегацией, — писал Воровский жене 8 мая, — и если я поеду в Рим, вряд ли получу опять визу в Швейцарию — по крайней мере пока длится конференция. К этому и направлена была вся игра англичан и французов, чтобы удалить нас и изолировать турок от нашего влияния. Поэтому, если против нас не предпримут мер «выселения», лучше мне не шевелиться...»

Но империалисты решили, как писал Воровский, все-таки его «выжить не мытьем, так катаньем». Редкий вечер проходил спокойно. Появлялись неизвестные личности и кричали под окном, угрожали, били камнями стекла, присылали анонимные записки,

Однажды через открытое окно в его комнату влетел камень. Он был обернут в плотную бумагу и перевязан бечевкой. Воровский развернул листок и прочитал угрожающие слова: «Убирайтесь вон, пока целы!» Написано было по-русски. Воровский позвонил в полицию и сообщил об угрозах. Но полиция ничего не предпринимала.

Воровский не страшился угроз: он был на боевом посту, защищал интересы своей Родины. Он не уедет, пока не прикажет Москва. Коммунист должен оставаться там, где ему велит быть российский пролетариат. Однако Воровский начинал сознавать, что сидеть в Лозанне, где его не хотели «признавать», не имело смысла.

«Пожалуй, даже унизительно, — думал он, — для такой державы, как Советская Россия, сидеть и ждать, когда господу смилостивятся». Воровский неоднократно телеграфировал об этом в Москву, в Наркоминдел.

«Сколько мне придется здесь сидеть, — писал он жене 9 мая, — сказать не могу... Делать здесь абсолютно нечего, пребывание наше — пустая трата сил и денег. Но на все мои длиннейшие телеграммы, разъясняющие положение, в ответ получаю упрямо-глупое повторение все того же вздора».

Указание покинуть Лозанну Воровскому было дано. Вся беда в том, что он его не получил, оно запоздало: связь была расстроена. Дипкурьерам не давали виз.

А над головой Воровского сгущались тучи. Фашистская лига в Швейцарии, куда входило немало русских белогвардейцев, распоясалась не на шутку.

Полковник бывшей царской армии Полуниин подготовил белогвардейца Конради, бывшего шоколадного фабриканта, учинить кровавую расправу над советским послом.

— Воровского надо обязательно убрать, — говорил Полуниин. — Он очень ловок как дипломат. Лучше чем другие способен защищать в Лозанне русские интересы. Друг Ленина. В советских кругах растет его влияние. Важно убрать именно его. О последствиях не беспокойтесь. Все будет улажено...

9 мая Воровский беседовал с корреспондентом «Кельнише Цейтунг». Он заявил представителю немецкой газеты, что не отступит от директив, полученных от Советского правительства, и останется в Лозанне до конца конференции.

«Я убедился, — писал корреспондент, — что Воровский прекрасно отдавал себе отчет в той громадной опасности, которая ему угрожала, и был готов ко всему».

...На исходе дня 10 мая Воровский с Дивильковским и Аренсом отправился в ресторан гостиницы «Сесиль» поужинать. Воровский окинул взглядом полупустой зал. Только группа кельнеров о чем-то тихо беседовала недалеко от входа да сухопарый господин с испитым лицом сидел за маленьким столиком в углу. Господин ничего не ел, только потягивал коньяк из маленькой граненой рюмки. После каждой порции он расплачивался, потом заказывал снова.

За окном вечерело. Весенняя ночь надвигалась медленно. Вершины гор были еще залиты ярким светом заходящего солнца, но в долину уже наползала темнота...

Воровский бросил еще взгляд на одинокого посетителя, перебросился шуткой с Дивильковским, сострив насчет его вечернего туалета, и углубился в карту, принесенную кельнером. Вацлав Вацлавович

заказал себе салат, осетрину, кекс, кофе со сливками и яблоки в красном вине.

...Вечер надвигался. В зале стало полутемно. Пора бы и свет включить, что это мешкают кельнеры?!

В это время сзади к Воровскому подошел тот самый господин, который потягивал коньяк, и почти в упор выстрелил в затылок. Затем еще раз. И еще. Голова Воровского упала на стол... Дивильковский и Аренс, оглушенные выстрелами, вскочили, убийца сделал еще несколько выстрелов, ранив Дивильковского в живот, а Аренса в ногу. Оба упали. Убийца подошел к группе официантов и хладнокровно сказал:

— Вызовите полицию. Я подожду...

Так оборвалась жизнь верного сына Коммунистической партии, благородного человека и неутомимого труженика Вацлава Вацлавовича Воровского.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Убийство русского представителя в Лозанне совпало с ультиматумом лорда Керзона, положившим начало новой агрессивной кампании против Советского государства. Убийца — белогвардейский офицер Конради — был тесно связан с империалистическими кругами стран Антанты, которым Воровский мешал разделаться с Турцией за спиной Советской России. Большая ответственность за смерть Воровского лежала также и на швейцарском правительстве, не обеспечившем охрану советского посла. Оно смотрело сквозь пальцы на все угрозы, раздававшиеся по адресу Воровского.

За день до трагической смерти Воровский указывал на возможных виновников своей гибели. «Союзники, как вам известно, — писал он в советскую миссию в Берлине, — с самого начала пытались отстранить нас от дальнейшего участия в конференции под предлогом, будто вопрос о проливах закончен, а подписать конвенцию Чичерин отказался, в сущности же боясь нашего влияния (на турок) и общественного мнения...

...Нас хотят выжить... Теперь они (фашистские молодчики. — Н. П.) бегают по городу, кричат всюду, что заставят нас силою уехать из Швейцарии и т. п.

Принимает ли полиция какие-либо меры для нашей охраны, нам неизвестно: внешне этого не видно. За этими хулиганящими мальчиками слишком ясно чувствуется чужая сознательная рука, возможно, даже иностранная. Швейцарское правительство, хорошо об этом осведомленное (ибо все газеты полны этим), должно нести ответственность за нашу неприкосновенность. Поведение швейцарского

правительства есть позорное нарушение данной в начале конференции гарантии, и всякое нападение на нас в этой «архиболагоустроенной» стране возможно только с ведома и попустительства властей. Пусть же и несут ответственность».

И швейцарское правительство понесло ответственность. Правда, вначале оно не хотело признавать своей вины и даже оправдало убийцу. Но под воздействием общественного мнения, а главное, благодаря решительным действиям Советского правительства (разрыв дипломатических отношений) Швейцария была вынуждена признать в 1927 году свою ответственность.

...Смерть Вацлава Вацлавовича Воровского сразила Дору Моисеевну. Без него жизнь потеряла для нее всякий смысл. Она не могла оправиться от нервного потрясения, и спустя несколько месяцев ее не стало.

Известие о злодейском убийстве Воровского в Лозанне наполнило гневом сердца миллионов. Простые люди всего мира сплачивали свои ряды, чтобы дать отпор проискам реакции.

Швейцарские коммунисты устроили демонстрацию протеста против убийства Воровского. У гроба советского представителя постоянно дежурили рабочие-коммунисты.

На улицы Берлина вышло более 150 тысяч человек, чтобы проводить в последний путь славного борца за дело мира. У Силезского вокзала, в Берлине, состоялся траурный митинг. На нем выступил один из руководителей немецких коммунистов, Вильгельм Пик. Он призывал западноевропейский пролетариат сплотиться вокруг Советской России для предстоящих тяжелых боев с фашизмом.

Исполком Коммунистического Интернационала, секретарем которого раньше был Воровский, обратился во ВЦИК, ЦК РКП и ВЦСПС с декларацией: «ИККИ

глубоко потрясен известием о новейшем кровавом деянии воинствующего интернационального фашизма, жертвой которого пал один из лучших сыновей русского революционного пролетариата тов. Воровский».

Великий французский писатель Анри Барбюс сопоставлял убийство Воровского с убийством Жореса. Оба эти убийства, писал он, являются эпизодами в вековой борьбе между реакционерами и революционерами, между силами тьмы и света.

Опечален был Максим Горький. В письме к Роману Роллану он указывал: «Конради убил человека огромной культуры и высокого ума, человека исключительной честности. Вацлав Воровский был одним из моих друзей, и, хотя мы расходились во взглядах на многие вопросы, я глубоко уважал его за прямоту убеждений, душевный пыл».

Мировая коммунистическая печать отмечала большую утрату, которую понесла Советская Россия в лице Воровского. Газета «Политикен» писала, что Воровский — один из известнейших деятелей — своими выдающимися качествами завоевал в широких кругах Швеции большие симпатии.

«Социал-Демократен» заявляла, что Воровский был на редкость благородным, мягким и самоотверженным человеком, всегда готовым прийти на помощь.

Личность Воровского была настолько популярна в международных кругах, а его обаяние, ум, эрудиция настолько очевидны, что его смерть вызвала сожаление не только среди людей коммунистической ориентации. Буржуазная пресса, как правило, с большими симпатиями писала о Воровском, отмечая его редкостные дипломатические способности, мягкость и гибкость в переговорах, но необыкновенную твердость в своих убеждениях.

Даже враждебные России газеты отмечали корректность Воровского. «Джорнале Д'Италия»

указывала, что Воровский производил впечатление умеренного, будучи на самом деле фанатиком коммунизма. Газета называла Воровского одним из лучших информаторов Советского правительства за границей.

«Трибуна» подчеркивала благотворное влияние, которое оказывал Воровский на течение Генуэзской конференции.

Французская печать, в частности газета «Тан», отмечала как положительное в Воровском то, что он был одним из большевиков, стремящихся к сближению России с Западом.

Воровский принадлежал к самым выдающимся советским дипломатам, указывала шведская «Стокгольм Тиднинген», и Советское правительство понесло в его лице тяжелую потерю.

Даже правая кадетская газета «Руль», издававшаяся белоэмигрантами за границей, сочувственно отнеслась к смерти Воровского. «Мне пришлось два раза обращаться к Воровскому, — писал в ней один эмигрант, — по делу чужому и своему (не личному). И оба раза я забывал, что передо мной «большевик», политический противник — столько в нем было душевной деликатности, такта, широкой терпимости к убеждениям и доброты. За все время пребывания моего в Стокгольме я не слышал даже ни одного намека на личную непорядочность или нечестность Воровского». В заявлении этого белоэмигранта личные качества Воровского переданы довольно точно. Человек кристальной чистоты, горячего сердца, стойких и твердых убеждений, он был настоящим марксистом-ленинцем.

Злодейское убийство Воровского вызвало огромную волну протеста в Советской России. В городах и селах, на фабриках и заводах, в советских учреждениях и институтах состоялись митинги и демонстрации.

Десятки тысяч писем и телеграмм поступали в ЦК РКП (б), ВЦСПС, НКВД, семью покойного.

В Москве в связи с убийством Воровского состоялся экстренный пленум Московского Совета. В единодушном порыве собравшиеся приняли резолюцию: «Узнав с глубочайшей скорбью о трагической кончине ветерана революции — тов. Воровского, геройски павшего на посту в борьбе против политики империализма... Московский Совет заявляет, что все усилия врагов республики трудящихся разобьются о непоколебимую твердость рабочих и крестьян Советских республик...»

Специальный поезд с телом Воровского прибыл в Москву. 20 мая многочисленная толпа москвичей двинулась от Рижского вокзала к Красной площади, где должны были состояться похороны. Со знаменами и транспарантами в руках безмолвно шествовали трудящиеся советской столицы.

Море венков... Здесь венки тех стран, через которые прошел траурный вагон с телом Воровского. Венки от дипломатических миссий. А вот лавровый венок. Это «венки бессмертия, как писала «Правда», которым украсила чело славного вождя история мировой революции».

...Красная площадь. Десятки, сотни тысяч трудящихся молча слушают речи выступающих на траурном митинге деятелей Коммунистической партии и Советского правительства.

Видные деятели Коммунистической партии и Советского правительства подчеркивали в своих речах, с какой любовью и сердечностью относился к Воровскому Владимир Ильич. «Воровский был одним из ближайших и любимейших сотрудников Владимира Ильича Ленина, — говорил Л. Б. Красин. — Владимир Ильич придавал громадное значение всему тому, что скажет и что напишет т. Воровский, будучи одним из

ответственных редакторов нашего центрального органа».

«Ленин глубоко любил остроумного, мягкого, культурного в истинном значении этого слова, Вацлава Вацлавовича, — писал И. И. Скворцов-Степанов. — Он знал, что на этого человека можно положиться, что, спокойный, мягкий среди друзей, он тверд, неуклонен в стане врагов».

Митинг окончен... Под звуки траурной мелодии гроб с прахом Вацлава Вацлавовича Воровского опускается в могилу...

* * *

С тех пор прошло тридцать шесть лет. Наша страна шагнула далеко вперед. Советское государство теперь не одинокий утес в бушующем океане врагов, а сильнейшая в мире держава, сплотившая вокруг себя могучий лагерь мира, социализма и демократии.

Но мы не забываем тех, кто создавал нам счастливую жизнь. Одним из выдающихся людей нашей революции был Вацлав Вацлавович Воровский — человек несгибаемой воли, горячего, отзывчивого сердца, человек твердых марксистских убеждений и мягкой доброй души, человек кристально чистый и честный, с легкой иронической улыбкой преодолевавший препятствия.

Родившись в огне Октября, Советское государство сразу же заявило о своей миролюбивой политике, обнародовав Декрет о мире. Одним из знаменосцев и проводников этой политики был Вацлав Вацлавович Воровский, выдающийся деятель Коммунистической партии Советского Союза. За рубежами нашей Родины он с честью защищал ее интересы, проявив

несгибаемую волю и необыкновенную крепость духа. Он был настоящим помощником Ленина в борьбе за мир, за признание Советской республики. В одном из последних писем Воровский писал: «Неблагодарное потомство готово увековечить мою память как великого дипломата, тогда как я всегда считал себя гениальным публицистом».

Это только шутка, которую Воровский в жизни очень любил. Советский народ знает и помнит Воровского не только как талантливого дипломата, но и как верного ученика и ближайшего соратника великого Ленина, одного из зачинателей нашей партии, пламенного публициста, замечательного литературного критика. Его героическая жизнь служит вдохновляющим примером для молодого поколения строителей коммунизма.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. В. ВОРОВСКОГО

1871, 15(27) октября — В Москве родился В. В. Воровский.

1882, лето — Поступление в Московскую классическую гимназию при лютеранской церкви Петра и Павла (Петроверигский переулок).

1887 — Выступление на сходке студентов Московского университета.

1890-1891 — В. В. Воровский — студент физико-математического факультета.

1891, 22 апреля (5 мая) — собрание студентов-колистов на квартире В. В. Воровского по случаю 100-летия польской конституции.

Октябрь — Переход в Техническое училище (теперь Высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана).

Ноябрь — декабрь — Вступление в политкружок студентов-техников, где изучались труды Маркса, Энгельса, Плеханова.

1892, 17(30) декабря — 1893, 8(21) января — Поездка за границу (Львов, Краков). Возвращение с транспортом нелегальной литературы.

1894 — В. В. Воровский входит в Союзный совет землячеств как представитель студенчества Технического училища.

1895 — Пропагандистская работа в подпольных рабочих кружках г. Москвы.

1895, сентябрь — 1896, январь — Поездка за границу (Австрия, Германия, Швейцария). Доставка нелегальной литературы.

1896, 23 апреля (6 мая) — 5(18) августа — Высылка из Москвы в Вологду на время коронации царя Николая II.

1896, декабрь — 1897, апрель — Работа в московском Рабочем союзе.

1897, 4(17) апреля — Арест В. В. Воровского.

1897, апрель — 1899, январь — Пребывание в Таганской тюрьме.

1899, 10(23) января — В. В. Воровский отправился в ссылку в город Орлов Вятской губернии (ныне г. Халтурин Кировской области).

Осень — В. В. Воровский присоединился к ленинскому «Протесту российских социал-демократов».

1901, январь — В журнале «Жизнь» появилась статья В. В. Воровского за подписью Ю. Адамович.

1902, 30 января (12 февраля) — Возвращение из ссылки в Москву.

Февраль — март — Поездка В. В. Воровского за границу, в Женеву. Встреча с В. Д. Бонч-Бруевичем. Знакомство с Г. В. Плехановым. Первая встреча с В. И. Лениным.

1903, январь — Возвращение в Россию.

Январь — апрель — Разъездной агент «Искры».

Апрель — Приезд в Одессу. Поездка в Екатеринослав по партийным делам. Встреча там с Р. С. Землячкой.

Май — В. В. Воровский возвратился в Женеву. Он встречал делегатов II съезда РСДРП, сопровождал их в Брюссель.

Осень — После раскола на II съезде В. В. Воровский по приглашению В. И. Ленина и Г. В. Плеханова активно работал в «Искре».

Октябрь — Присутствие на II съезде Заграничной лиги русских социал-демократов.

Ноябрь — После ухода из редакции В. И. Ленина В. В. Воровский покинул «Искру».

1904, 25 января (7 февраля) — По заданию В. И. Ленина В. В. Воровский прибыл в Одессу для сплочения южных комитетов РСДРП на большевистской платформе.

Февраль — Создание В. В. Воровским, К. О. Левицким, И. Х. Лалаянцем, П. И. Кулябко Южного бюро ЦК РСДРП.

Февраль — август — Работа в Южном бюро ЦК. Агитация за III съезд.

Июнь — Поездка в Москву. Встреча с Е. Д. Стасовой.

Август — Подписание Воровским обращения 22 большевиков.

Осень — В. В. Воровский пишет по заданию В. И. Ленина брошюру «Совет против партии», разоблачающую проделки меньшевистского совета партии.

Ноябрь — Чтение рефератов в городах Германии, Франции и Бельгии.

1904, 22 декабря (4 января 1905) — 1905, 5(18) мая — Работа в газете «Вперед».

1905, 12-27 апреля (25 апреля — 10 мая) — Участие в работе III съезда РСДРП.

14(27) мая — 12(25) ноября — Работа в ЦО большевиков — газете «Пролетарий».

3 (16) октября — По заданию В. И. Ленина В. В. Воровский выехал в Берлин для переговоров с А. Бебелем, К. Каутским и Р. Люксембург.

Конец ноября — В. В. Воровский прибыл в Петербург.

Декабрь — Работа в легальной большевистской газете «Новая жизнь». Знакомство с М. Горьким.

Конец декабря — Поездка в г. Таммерфорс (Финляндия), на первую конференцию РСДРП.

1906, январь — В. В. Воровский работает над брошюрой «Государственная дума и рабочий класс».

Февраль — По предложению В. И. Ленина В. В. Воровский вместе с А. В. Луначарским входит в орган объединенного ЦК РСДРП — «Партийные известия».

Март — По заданию В. И. Ленина и ЦК РСДРП В. В. Воровский едет в Германию, Бельгию, Англию, Францию, Австрию и Швейцарию. Участвует в подготовке IV (Объединительного) съезда РСДРП.

10—25 апреля (23 апреля — 8 мая) — Участие В. В. Воровского в работе IV съезда РСДРП в Стокгольме.

Май — Работа в легальном органе большевиков — газете «Волна».

Июнь — Поездка в г. Закопане на V съезд социал-демократии Польши и Литвы.

Лето — Работа в газетах «Эхо», «Пролетарий» и т. д.

Осень — Сотрудничество в специальном органе большевиков — газете «Казарма».

1907, январь — Работа в большевистских еженедельниках «Тернии труда», «Простые речи», «Зрение».

23 февраля (в марта) — Выступление В. В. Воровского с докладом «Тактика социал-демократов в Государственной думе» на курсах Лесгафта в Петербурге.

Апрель — В. В. Воровский — редактор большевистской газеты «Новый луч».

Апрель — декабрь — Сотрудничество в газете «Новое обозрение» (Одесса).

Осень — В. В. Воровский возглавил Одесский комитет.

1908, январь — Выпуск под редакцией В. В. Воровского 1-го номера нелегальной большевистской газеты «Одесский рабочий».

1908, январь — 1909, октябрь — Сотрудничество в газете «Одесское обозрение».

3(16) ноября — Встреча В. В. Воровского с членом ЦК РСДРП П. Г. Смидовичем.

1909, август — Выпуск под редакцией В. В. Воровского «Одесского профессионального вестника» (№ 1) — нелегального социал-демократического журнала.

1909, 26 декабря (1910, 9 января) — Разгром полицией типографии Одесского комитета, конфискация тиража нелегальной газеты «Рабочий» (№ 1). Обыск в квартире В. В. Воровского.

1909, декабрь —1910, март — Сотрудничество в копеечной рабочей газете «Наше слово».

1910, 28 мая (11 июня) — Арест В. В. Воровского и заключение его в Одесскую тюрьму.

2 (15) июля — Освобождение из тюрьмы.

Лето — Письмо В. В. Воровского В. И. Ленину о блоке с Г. В. Плехановым.

1911, весна — Забастовка в одесском порту, подготовленная газетой «Черноморский портовый вестник».

Осень — В. В. Воровский редактирует рабочую газету «Ясная заря».

(24) мая — Создание инициативной группы во главе с В. В. Воровским по созыву южной областной партконференции.

1912, 13(26) мая — Выдвижение В. В. Воровского кандидатом в депутаты IV Государственной думы от Одессы на заседании членов Одесского комитета.

8(21) июня — Разгром полицией инициативной группы одесских большевиков. Арест В. В. Воровского и заключение его в одесскую тюрьму.

Октябрь — Открытый суд над В. В. Воровским, отправка его в двухлетнюю ссылку.

6(19) ноября — Прибытие В. В. Воровского на место ссылки в Вологду.

Конец ноября — В. В. Воровский устанавливает письменную связь с В. И. Лениным и Н. К. Крупской

через М. И. Ульянову, также отбывавшую ссылку в Вологде.

1913, декабрь — 1914, июль — Сотрудничество в «Правде».

1913, февраль — В. В. Воровскому уменьшили на половину срок ссылки в связи с амнистией по поводу 300-летия дома Романовых.

Октябрь — Конец ссылки. В. В. Воровский прибыл в Москву. Встреча с Л. Б. Красиным, Г. М. Кржижановским и И. И. Радченко.

1914, январь — 1915, март — В. В. Воровский работал инженером в «Обществе электрического освещения 1886 года» в Москве.

1915, апрель — 1916, январь — В. В. Воровский работал на заводе Симменса-Шуккерта в Петербурге.

1916, конец января — Отъезд в Стокгольм (Швеция) по делам завода Симменса-Шуккерта.

1917, 23 марта (6 апреля) — Б. В. Воровский и Я. С. Ганецкий послали телеграмму В. И. Ленину с просьбой как можно быстрее выехать в Россию. В. В. Воровский опубликовал в шведской социал-демократической газете «Политикен» статью о В. И. Ленине.

31 марта (13 апреля) — Совещание русских политэмигрантов во главе с В. И. Лениным в вагоне поезда по пути в Стокгольм. По предложению В. И. Ленина В. В. Воровский назначается в Заграничное бюро ЦК РСДРП (б) вместе с Я. С. Ганецким.

1(14) апреля — Встреча В. В. Воровского с В. И. Лениным на вокзале в Стокгольме.

Май — Поездка В. В. Воровского в Петроград. Встреча с В. И. Лениным.

20 мая (3 июня) — Выпуск 1-го номера «Бюллетеня «Правды» в Стокгольме.

Сентябрь — В. В. Воровский и Н. А. Семашко присутствовали в Стокгольме на III Циммервальдской конференции как делегаты РСДРП (б).

27 октября (10 ноября) — Решением ВЦИК В. В. Воровский назначен полномочным представителем в Скандинавских странах.

28 ноября — В. В. Воровский опубликовал на немецком языке в журнале «Вестник русской революции» статью о В. И. Ленине.

1917, декабрь — 1918, февраль — По заданию В. И. Ленина В. В. Воровский вел переговоры о мире с Германией.

1918, 20 января — Письмо В. В. Воровского В. И. Ленину о международном положении с критикой действий Троцкого.

Лето — Поездка В. В. Воровского в Москву.

8 июня — Беседа с В. И. Лениным о внутреннем и международном положении Советской республики.

Июль — Участие в подавлении эсеровского мятежа в Москве.

27 июля — В. В. Воровский назначен полномочным представителем Советской республики в Копенгагене (Дания) и Стокгольме (Швеция).

31 июля — Прибытие в Берлин главы советской делегации В. В. Воровского на мирные переговоры с Финляндией.

Август — В. В. Воровский вернулся в Стокгольм после прекращения мирных переговоров.

1919, январь — Отъезд из Швеции советской дипломатической миссии во главе с В. В. Воровским.

Февраль — Назначение В. В. Воровского заведующим Отделом пропаганды Народного комиссариата иностранных дел.

2—5 марта — I Конгресс Коммунистического Интернационала. В. В. Воровский — один из делегатов от Российской Коммунистической партии. Избран секретарем исполкома Коминтерна.

21 мая — Назначение В. В. Воровского заведующим Государственным издательством.

19 июня — Выступление на митинге трудящихся Москвы: «Дезертирство и защита Красного фронта».

24 октября — Письмо В. И. Ленина В. В. Воровскому о работе Госиздата и ответ В. В. Воровского.

21 декабря — Первое заседание редколлегии Госиздата под председательством В. В. Воровского об издании собрания сочинений В. И. Ленина.

1920, апрель — В. В. Воровский принял участие в собрании членов исполкома Коминтерна по случаю 50-летия со дня рождения В. И. Ленина.

Лето — Назначение В. В. Воровского председателем делегации по переговорам с Польшей.

Сентябрь — Посещение В. И. Лениным больного В. В. Воровского в Кремлевской больнице.

1921, март — Во главе советской миссии В. В. Воровский выехал в Италию.

14 марта — Приезд В. В. Воровского в Рим.

Декабрь — Подписание итальянским правительством торгового соглашения. Отъезд В. В. Воровского в Советскую Россию.

1922, 27 января — Утверждение ВЦИКом советской делегации на Генуэзскую конференцию. В. В. Воровский — один из членов делегации (генеральный секретарь). Отъезд В. В. Воровского в Италию.

Начало апреля — В. В. Воровский прибыл в Геную из Рима.

9 апреля — Встреча Г. В. Чичерина, В. В. Воровского и М. М. Литвинова с премьер-министром Италии Факта.

16 апреля — Подписание в Рапалло договора с Германией.

Ноябрь — Нападение фашистов на советскую миссию в Риме. Нота протеста В. В. Воровского правительству Муссолини.

Конец ноября — В. В. Воровский прибыл в Лозанну на международную конференцию.

1923, 7 февраля — Отъезд В. В. Воровского из Лозанны в Рим в связи с перерывом в работе конференции.

9 апреля — Возобновление работы Лозаннской конференции.

В. В. Воровский направил ноту протеста по поводу не-уведомления советской делегации о возобновлении конференции.

30 апреля — Пресс-конференция у В. В. Воровского. Разоблачение империалистов, стремившихся не допустить советского представителя к работе на последней стадии переговоров о проливах.

10 мая — Убийство В. В. Воровского белогвардейцем Конради в ресторане отеля «Сесиль» (Лозанна).

12 мая — Митинги протеста против убийства В. В. Воровского.

20 мая — Прибытие тела В. В. Воровского в Москву. Траурный митинг и похороны на Красной площади.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. В. ВОРОВСКОГО

В. В. Воровский, Сочинения, т. 1, 2, 3. М., 1931-1933 гг.

В. В. Воровский, Избранные сочинения о первой русской революции. М., 1955 г.

В. В. Воровский, Литературно-критические статьи. М., 1956 г.

II. В. И. ЛЕНИН О В. В. ВОРОВСКОМ

В. И. Ленин, Сочинения, т. 5, «Что делать?» (стр. 479); т. 7, «Письмо к товарищам» (стр. 487); т. 8, «Пора кончить», «Наши тартюфы», «Кого они хотят обмануть?», «С больной головы на здоровую», «Изобличенный Совет» (стр. 22, 75, 199, 281, 302); т. 18, «О большевизме» (стр. 455); т. 34, Г. В. Плеханову (стр. 160), Г. М. Кржижановскому (стр. 195), Н. К. Крупской (стр. 231), Р. С. Землячке (стр. 236), М. М. Литвинову (стр. 245), Одесскому комитету РСДРП (стр. 262), А. В. Луначарскому (стр. 277), А. В. Луначарскому (стр. 281), П. А. Красикову (стр. 292), Центральному Комитету РСДРП (стр. 297), Центральному Комитету РСДРП (стр. 302), Г. В. Плеханову (стр. 314), В. В. Воровскому (стр. 345); т. 35, Заграничному бюро Центрального Комитета (стр. 258-263), В. В. Воровскому (стр. 299-300), В. В. Воровскому (стр. 363-364).

ЛЕНИНСКИЕ СБОРНИКИ

V. В. И. Ленин — М. А. Рейсиеру, 4 октября 1905 г. (стр. 512).

XI. Телеграмма В. В. Воровскому, 26 февраля 1918 г. (стр. 57).

XIII. Телеграмма Я. С. Ганецкого и В. В. Воровского В. И. Ленину, 6 апреля 1917 г. (стр. 269-270).

XV. Из эпохи раскола РСДРП, 1903-1904 гг. (стр. 20, 103, 109, 140, 175, 176, 177, 213, 215, 254).

XVI. Письма и редакционные указания Ленина соредакторам по «Вперед» и «Пролетарий» Ольминскому, Воровскому и Луначарскому (стр. 267-269, 272-275).

XXI. Два письма К. Радеку в Стокгольм, — 29 мая и 17 июня 1917 г. (стр. 57-59). Письмо В. И. Ленина В. В. Воровскому и Я. А. Берзину, 20 сентября 1918 г. (стр. 249). Записка В. И. Ленина В. В. Воровскому, 18 июня 1918 г. (стр. 277).

XXXIV. Записка В. В. Воровскому (Государственное издательство) и ВСНХ, 4 июня 1920 г. (стр. 317). Переписка о М. А. Пешкове (стр. 407-409).

XXXV. Верительные грамоты В. В. Воровскому, 27 июля 1918 г. (стр. 30). Записки в Малый Совет о В. В. Воровском (стр. 146). Телеграмма В. В. Воровскому 8 апреля 1921 г. (стр. 234).

* * *

Протоколы III съезда РСДРП. М., 1937 г.

Протоколы IV (Объединительного) съезда РСДРП. М., 1934 г.

III. ЛИТЕРАТУРА О В. В. ВОРОВСКОМ

- В. Бонч-Бруевич, На славном посту. М., 1931 г.
- В. Бонч-Бруевич, Женевские воспоминания. «Октябрь» № 5, 1928 г.
- В. Бонч-Бруевич, На заре революционной пролетарской борьбы. М., 1932 г.
- В. Бонч-Бруевич, Некоторые сведения о В. В. Воровском. «Звезда» № 9, 10, 11, 1930 г.
- «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1. М., 1956 г., стр. 312-314, 368, 487-489.
- Я. Ганецкий, В. В. Воровский. 1925 г. Я. Ганецкий, Первые шаги (воспоминания). «Известия» № 105, 1927 г.
- «Дипломатический словарь», т. 1, 1948 г. («В. В. Воровский»). «Деятели революционного движения в России». Био-библиографический словарь, т. V, выпуск II. М., 1933 г.
- В. Калашникова, В. В. Воровский. М., 1927 г.
- Н. К. Крупская, Воспоминания о В. И. Ленине. М., 1957 г.
- Н. К. Крупская, Ленин редактор и организатор партийной печати. М., 1932 г.
- П. Н. Лепешинский, На повороте. М., 1955 г.
- П. Н. Лепешинский, Красивый финал красивой жизни. «Пролетарская Революция» М., 3 (15), 1923 г.
- Н. Мещеряков, Литературная деятельность Воровского в Одессе. «Печать и революция» № 1, 1928 г.
- М. С. Ольминский, Большевицкая печать в 1905 г. «Журналист» № 12, 1925 г.
- Д. Тальников, К биографии Воровского. «Звезда» № 6, 1928 г.
- С. Членов, Речь по делу об убийстве В. В. Воровского. М., 1924 г.
- С. Членов, Убийство В. В. Воровского и буржуазное правосудие. Харьков, 1924 г.
- «Энциклопедический словарь Гранат», т. 41, ч. 1 («Деятели СССР и Октябрьской революции» — В. В. Воровский).

notes

Примечания

1

Мать скорбящая (лат.).

Потресов А. Н. (1864-1934) — литератор, социал-демократ, впоследствии один из редакторов «Искры». Отбывал ссылку сначала в Орлове, а затем в Вятке. После II съезда РСДРП — меньшевик. В годы советской власти эмигрировал за границу и вел там антисоветскую деятельность.

3

Это выражение Воровского. Он шутливо спрашивал Потресова, не богородица ли ему сообщила о том, что Струве обиделся на Адамовича. — Н. П.

4

«Рабочее дело» — орган «экономистов».

«Ленинский сборник» VIII, 1928 г., стр. 324. (Ключ — это шифр, которым писалось письмо. — Н. П.)

Литвинов Максим Максимович (1876–1951) — большевик-ленинец. После Октябрьской революции был полпредом в Англии. В 1922 г. участвовал в работе Генуэзской конференции. С 1930 по 1939 г. — Нарком иностранных дел, в 1941–1943 гг. — посол в США, с 1943 по 1946 г. — заместитель Наркома иностранных дел.

Валентинов (Н. В. Вольский) — меньшевик, эмпириокритик, махист. Его политические и философские ошибки и шатания не раз подвергались критике Лениным. После Октябрьской революции он некоторое время сотрудничал в советской печати, затем оказался в эмиграции во Франции, а позднее — в США. В последние годы отошел от политической деятельности.

«Ленинский сборник» XV, стр. 43.

«Ленинский сборник» XV, стр. 264.

«Правда» (1904-1906) — ежемесячный социал-демократический журнал искусства, литературы и общественной жизни.

В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 262.

Протоколы III съезда РСДРП. М., 1937, стр. 122.

В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 276.

Елизавета Васильевна — мать Н. К. Крупской.

В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 302.

В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 300.

В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 314.

В. И. Ленин. Соч., т. 34, стр. 345.

Курсивом выделены псевдонимы Воровского. — Н. П.

Радченко Иван Иванович (1874-1942) — старый большевик-ленинец. В советское время — крулный хозяйственник.

Н. А. Рожков (1868–1927) — ученый-историк. Одно время примыкал к большевикам. В годы столыпинской реакции отошел от партии.

В. В. Водовозов — журналист либерально-буржуазного толка.

Н. И. Иорданский (1876–1928) — редактор журнала «Современный мир», в то время стоял на меньшевистских позициях. Позднее, в годы советской власти, вступил в РКП (б).

Так характеризовал поступок Ленгника Мартов, когда Ленгник объявил о роспуске II съезда Заграничной лиги русских социал-демократов в Женеве, после чего большевики покинули съезд.

Старик — одна из революционных кличек В. И. Ленина. — Н. П.

В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 249.

Чхеидзе — меньшевик, после Февральской революции председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. — Н. П.

Куба — псевдоним Ганецкого. — Н. П.

«Воспоминания родных о В. И. Ленине». М., 1955,
стр. 148.

Анри Гильбо — французский коммунист. В те дни находился в Женеве, где переводил «Бюллетень «Правды» на французский язык. — Н. П.

«Ленинский сборник» XIII, стр. 276.

Г. В. Чичерин (1872-1936) — видный советский дипломат, нарком иностранных дел с 1918 по 1930 г. В марте 1918 г. подписал Брестский мирный договор. В 1922-1923 гг. возглавлял советскую делегацию на Генуэзской и Лозаннской конференциях.

«Ленинский сборник» XXXV, стр. 105.

Впервые напечатана в сборнике «Памяти Карла Маркса», выпущенном в 1908 году большевиками в связи с 25-летием со дня смерти Маркса.

«Ленинский сборник» XXXV, стр. 146.

36

Там же.

Ангора — теперь Анкара, столица Турции.

Милнович — дипкурьер. — Н. П.